

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

На правах рукописи

Иванова Галина Петровна

**ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В СИБИРСКОМ ГОВОРЕ ВЕПСКОГО ЯЗЫКА**

**(в сопоставлении с пондальским говором
средневепсского диалекта вепсского языка
и другими прибалтийско-финскими языками)**

Новосибирск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
ГЛАВА I. Статус языка сибирских вепсов и теоретические основы описания полипредикативных конструкций.....	20
§ 1. Особенности языка сибирских вепсов и его место среди диалектов вепсского языка.....	20
1. Социолингвистическая ситуация в вепсском языке на территории Сибири (д. Мардай, Иваничеськ и Высотский Аларского района Иркутской области).....	20
2. Место сибирского говора на диалектной карте вепсского языка	23
3. Некоторые особенности сибирского говора средневепсского диалекта в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта, распространенным на территории исконного проживания восточных вепсов.....	24
§ 2. Теория полипредикации и принципы описания полипредикативных конструкций в языках разных систем.....	35
§ 3. Глагольная система вепсского языка.....	38
1. Финитные формы вепсского глагола и их синтаксические функции.....	38
2. Инфинитные формы вепсского глагола и их синтаксические функции	46
2.1. Инфинитивы.....	47
2.2. Причастия.....	53
§ 4. Критерии выделения структурных типов полипредикативных конструкций.....	56
1. Способ выражения сказуемого ЗПЕ.....	56
2. Характер показателя связи между частями ППК.....	57
3. Стратегии оформления субъекта ЗПЕ в составе ППК.....	58
4. Порядок следования частей.....	61
5. Аналитические и синтетические полипредикативные конструкции.....	62
Выводы.....	63
ГЛАВА II. Структурные типы полипредикативных конструкций вепсского языка.....	65
§ 1. Монофинитные синтетические ППК.....	65
1. Монофинитные синтетические ППК в вепсском языке.....	65
1.1. Инфинитивные ППК в вепсском языке.....	66
1.1.1. ППК с I-м инфинитивом в вепсском языке.....	67

1.1.2. ППК со II-м инфинитивом в вепсском языке.....	71
1.1.3. ППК с III-м инфинитивом в вепсском языке.....	74
1.1.3.1. ППК с III-м инфинитивом в форме иллатива в вепсском языке.....	74
1.1.3.2. ППК с III-м инфинитивом в форме инессива в вепсском языке.....	75
1.1.3.3. ППК с III-м инфинитивом в форме элатива в вепсском языке.....	77
1.1.3.4. ППК с III-м инфинитивом в форме адессива в вепсском языке.....	78
1.1.3.5. ППК с III-м инфинитивом в форме абессива в вепсском языке.....	79
1.2. Причастные ППК в вепсском языке.....	81
2. Монофинитные синтетические ППК в финском языке.....	85
2.1. Инфинитивные ППК в финском языке.....	86
2.1.1. ППК с I-м инфинитивом в финском языке.....	88
2.1.2. ППК со II-м инфинитивом в финском языке.....	90
2.1.2.1. ППК со II-м инфинитивом в форме инессива в финском языке.....	90
2.1.2.2. ППК со II-м инфинитивом в форме инструктива в финском языке.....	91
2.1.3. ППК с III-м инфинитивом в финском языке.....	92
2.1.3.1. ППК с III-м инфинитивом в форме иллатива в финском языке.....	92
2.1.3.2. ППК с III-м инфинитивом в форме инессива в финском языке.....	93
2.1.3.3. ППК с III-м инфинитивом в форме элатива в финском языке.....	94
2.1.3.4. ППК с III-м инфинитивом в форме адессива в финском языке.....	95
2.1.3.5. ППК с III-м инфинитивом в форме абессива в финском языке.....	95
2.1.3.6. ППК с III-м инфинитивом в форме инструктива в финском языке.....	95
2.1.4. ППК с IV-м инфинитивом в финском языке.....	96
2.1.5. ППК с V-м инфинитивом в финском языке.....	96
2.1.6. Расположение ЗПЕ по отношению к ГПЕ в ППК с инфинитивами в финском языке.....	97
2.2. Причастные ППК в финском языке.....	98
3. Монофинитные синтетические ППК в эстонском языке.....	101

4. Монофинитные синтетические ППК в карельском языке.....	105
5. Монофинитные синтетические ППК в водском языке.....	108
§2. Бифинитные аналитические ППК.....	112
1. Бифинитные аналитические ППК в вепсском языке.....	112
1.1. Бифинитные конструкции без лексических показателей связи в вепсском языке.....	112
1.2. Бифинитные конструкции с лексическими показателями связи в вепсском языке. Структурно-семантическая класси- фикация аналитических средств связи вепсского языка.....	113
1.2.1. Одноместные скрепы.....	114
1.2.2. Неодноместные скрепы.....	123
2. Бифинитные аналитические ППК в прибалтийско-финских языках.....	129
Выводы.....	133
ГЛАВА III. Функционально-семантические типы полипредикативных конструкций вепсского языка (в сопоставлении с прибалтийско-финскими языками).....	
§1. Диктум-диктумные ППК.....	135
1. Темпоральные ППК.....	136
1.1. Темпоральные ППК в вепсском языке.....	140
1.1.1. Неспециализированные временные отношения.....	141
1.1.2. Специализированные временные отношения.....	143
1.1.2.1. Одновременность.....	143
1.1.2.2. Разновременность.....	149
1.1.2.2.1. Следование.....	149
1.1.2.2.2. Предшествование.....	155
1.2. Темпоральные ППК в финском языке.....	157
1.2.1. Неспециализированные временные отношения.....	158
1.2.2. Специализированные временные отношения.....	159
1.2.2.1. Одновременность.....	159
1.2.2.2. Разновременность.....	162
1.3. Темпоральные ППК в водском языке.....	164
1.4. Темпоральные ППК в эстонском и карельском языках.....	165
2. ППК обусловленности.....	166
2.1. Причинно-следственные ППК.....	168
2.1.1. Причинно-следственные ППК в вепсском языке.....	168
2.1.2. Причинно-следственные ППК в прибалтийско- финских языках.....	178
2.2. Целевые ППК.....	180
2.2.1. Целевые ППК в вепсском языке.....	181

2.2.2. Целевые ППК в прибалтийско-финских языках.....	187
2.3. Условные ППК.....	192
2.3.1. Условные ППК в вепсском языке.....	192
2.3.2. Условные ППК в прибалтийско-финских языках.....	207
2.4. Уступительные ППК.....	211
2.4.1. Уступительные ППК в вепсском языке.....	211
2.4.2. Уступительные ППК в прибалтийско-финских языках	218
3. Сравнительно-сопоставительные ППК.....	222
3.1. Сравнительно-сопоставительные ППК	
в вепсском языке.....	223
3.1.1. Полипредикативные сравнительные конструкции.....	223
3.1.2. Монопредикативные сравнительные конструкции.....	226
3.2. Сравнительно-сопоставительные ППК	
в прибалтийско-финских языках.....	233
§2. Модус-диктумные ППК.....	236
1. Изъяснительные ППК в вепсском языке.....	235
1.2. Структурные типы изъяснительных ППК в вепсском языке	237
1.3. Семантические типы изъяснительных ППК в вепсском	
языке.....	242
2. Модус-диктумные ППК в прибалтийско-финских языках.....	245
§3. Релятивные ППК.....	247
1. Релятивные ППК в вепсском языке.....	250
1.1. Средства выражения релятивных отношений	
в вепсском языке.....	250
1.2. Семантические типы релятивных ППК	
в вепсском языке.....	254
2. Релятивные ППК в прибалтийско-финских языках.....	257
Выводы.....	259
Заключение.....	261
Список использованной литературы.....	264
Приложение 1. Условные сокращения и обозначения.....	274
Приложение 2. Образцы текстов на вепсском языке	
(сибирский говор).....	275
Приложение 3. Краткие сведения о грамматике вепсского языка.....	286
Приложение 4. Список источников примеров.....	292
Приложение 5. Список информантов сибирского и пондальского	
говоров средневепсского диалекта вепсского языка.....	293

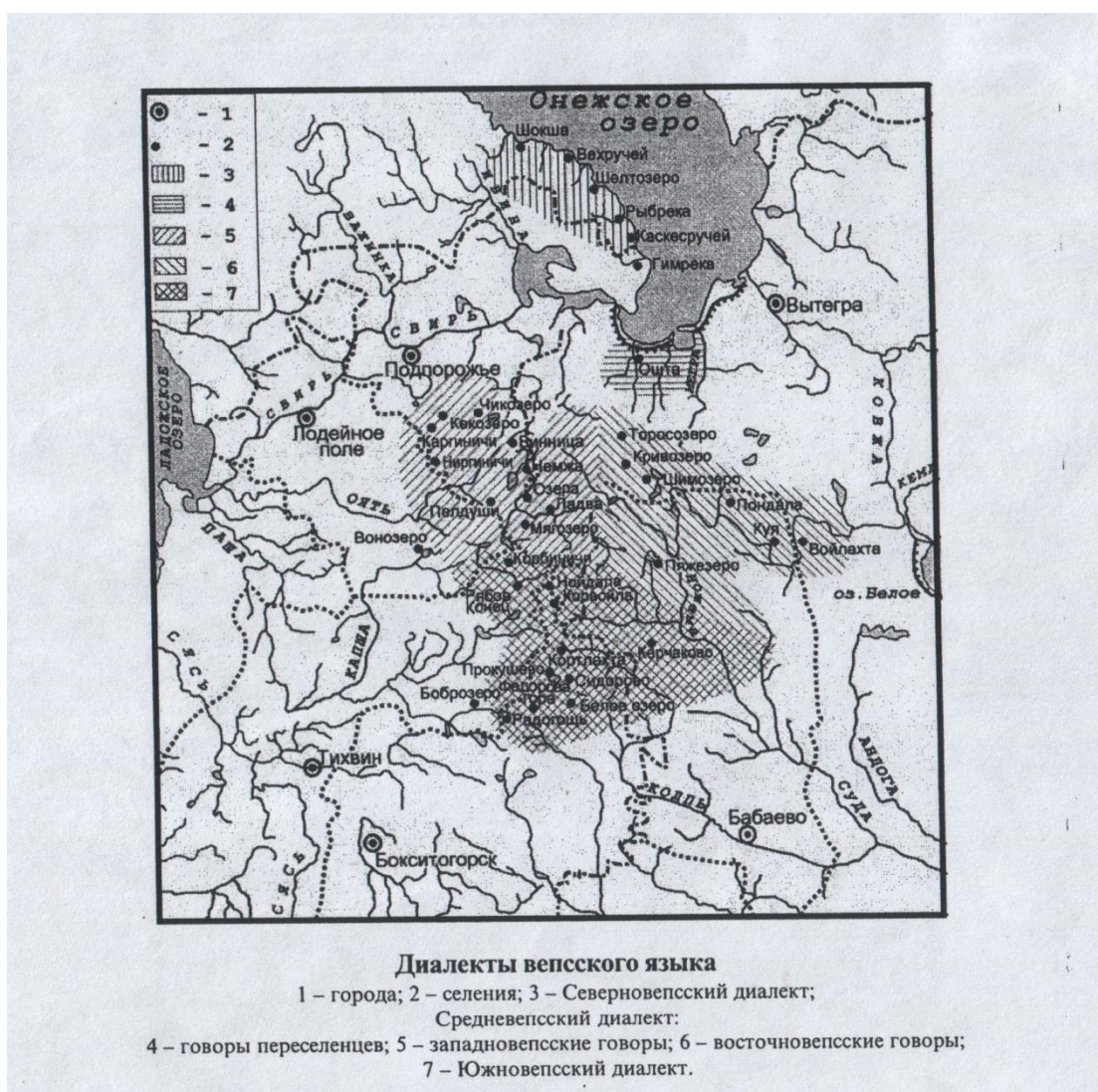
Введение

Вепсы – малочисленная народность прибалтийско-финской языковой группы. Самоназвание этноса – *vepsad*. Также используются названия: *beps*, *bepsläine* (в Бокситогорском районе), *vepsläine*, *vepsläižid* (в Вологодской области), *lūdinikad pagišta lūdiks* ‘говорить по-вепски’ (в Подпорожском районе Ленинградской области).

Территорией их исконного проживания является Ленинградская область (Подпорожский, Тихвинский, Лодейнополюский и Бокситогорский районы); Вологодская область (Бабаевский и Вытегорский районы); Республика Карелия (Прионежский район) (см. Рис. 1).

Рис. 1

Территория проживания вепсов и диалектное членение вепского языка

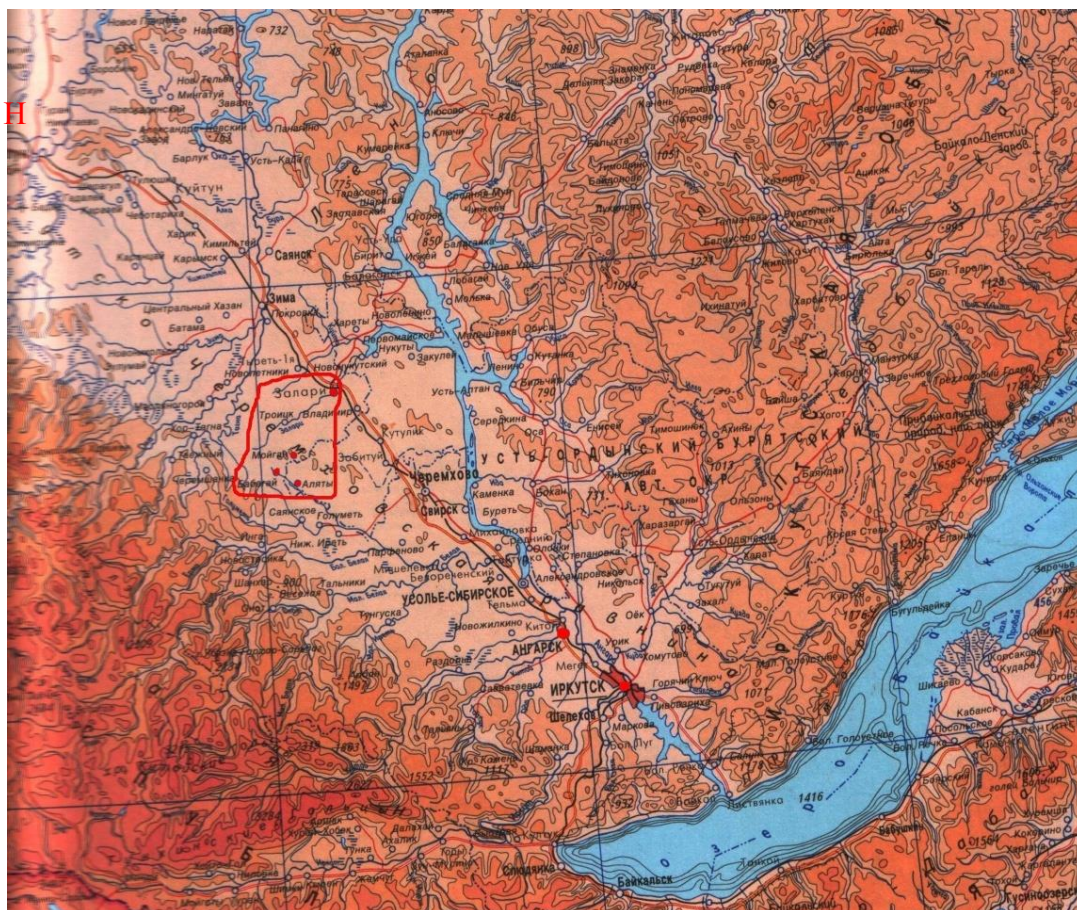

[Зайцева 2002: 14].

Вепсы проживают и в Восточной Сибири: в Аларском и в Ангарском районах Иркутской области, а также в городе Иркутске. Вепсы, проживающие в Сибири, называют себя *čuhar*, *čuharid* ‘чухарь, чухари’ (см. Рис. 2).

Рис. 2.

Территория расселения сибирских вепсов

В опубликованных материалах переписи 1989 г. количество вепсов по России составляло 12 142 человека, по другим странам (СНГ и страны Балтии) – 858. Общее количество говорящих на вепсском языке в России было 8 053 человека. Родным вепсский язык называли 6 231 человек. Чаще вепсский язык признавали родным вепсы старше 40 лет, но даже и среди них доля владеющих вепсским языком лучше, чем русским, составляет менее половины. Среди молодёжи (18–29 лет) лишь менее трети признают вепсский родным, очень мало среди них тех, кто считает, что владеет вепсским языком лучше, чем русским [Пименов, Строгальщикова 1989: 4–26]. Вепсы, для которых вепсский язык являлся родным, в основном проживали в сельской местности – 4 295 человек, среди городского населения – 1 936 человек [Письменные языки России 2003: 98].

Данные переписи 2002 г. показывают, что вепское население стремительно сокращается. За период с 1989 г. численность вепсов снизилась на 32,1% – с 12 142 до 8 240 человек.

По результатам переписи 2010 г.¹ в РФ насчитывается 5936 вепсов, из них русским языком владеют 5920 человек, т. е. практически 100 % (зарегистрировано лишь 16 человек, не владеющих русским языком). Вепский язык назвали родным 3613 человек. Таким образом, за 20 лет численность вепсов и численность людей, владеющих родным вепским языком, сократилась более чем в два раза.

Обращает на себя внимание тот факт, что самой многочисленной является возрастная категория от 70 лет и более (1426 чел.), следующая за ней по численности категория – 55–59 лет (610 чел.). Медианный возраст составляет 54,8 лет (см. Таблицу 1). Это значит, что в ближайшие 10 лет численность вепсов сократится еще как минимум на одну треть.

Таблица 1

24. НАСЕЛЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ И ПОЛУ									
	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
Медианный возраст	46,3	44,5	48,5	41,4	38,5	43,5	47,7	45,5	50,0
Вепсы	5486	2207	3279	2983	1161	1822	2503	1046	1457
в том числе в возрасте, лет:									
0 – 4	89	47	42	58	34	24	31	13	18
5 – 9	104	58	46	59	30	29	45	28	17
10 – 14	94	44	50	52	23	29	42	21	21
15 – 17	61	27	34	32	17	15	29	10	19
18 – 19	67	38	29	45	24	21	22	14	8
20 – 24	228	101	127	122	52	70	106	49	57
25 – 29	254	136	118	157	83	74	97	53	44
30 – 34	321	151	170	244	104	140	77	47	30
35 – 39	273	136	137	190	91	99	83	45	38
40 – 44	292	135	157	155	68	87	137	67	70
45 – 49	442	229	213	221	110	111	221	119	102
50 – 54	550	280	270	288	134	154	262	146	116
55 – 59	610	238	372	337	125	212	273	113	160
60 – 64	444	180	264	255	91	164	189	89	100
65 – 69	231	67	164	131	36	95	100	31	69
70 и более	1426	340	1086	637	139	498	789	201	588
возраст не указан	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Из общей численности населения – в возрасте:									
моложе трудоспособного	309	159	150	180	94	86	129	65	64
трудоспособном	2704	1461	1243	1568	801	767	1136	660	476
старше трудоспособного	2473	587	1886	1235	266	969	1238	321	917
Медианный возраст	54,8	50,0	58,2	52,9	47,6	56,4	56,6	52,0	60,9

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Однако данные переписи не дают реального представления о количестве говорящих на вепсском языке. Некоторые вепсы указывают вепсский в качестве родного языка, даже если владеют им плохо или вообще не владеют [Письменные языки России 2003: 97].

Малая численность вепсов и их быстрая ассимиляция послужили причиной включения вепсского языка в «Красную книгу языков народов России» и признания его языком, находящимся под сильной угрозой исчезновения [1994: 21–22].

Вепсский язык принадлежит уральской языковой семье, финно-угорской группе, прибалтийско-финской подгруппе (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Финно-угорские языки					
Прибалтийско-финские языки:	Саамский язык	Угорские языки:	Марийские языки:	Мордовские языки:	Пермские языки:
Финский		Хантыйский	Горно-марийский	Эрзянский	Коми-зырянский
Эстонский		Мансийский	Восточный	Мокшанский	Коми-пермяцкий
Карельские наречия		Венгерский	лугово-марийский		Коми-язьвинский
Вепсский					Удмуртский
Водский					
Ижорский					

Вепсский язык относится к агглютинативным языкам. Каждое грамматическое значение, как правило, выражается отдельным морфологическим элементом, хотя некоторым показателям свойственно совмещение грамматических значений: *pajäta=škan=zi=n* ‘запел бы’ (петь=INCH=COND_{Pr}=1Sg) от *pajäta=da* ‘петь’.

Строй вепсского языка номинативный. Подлежащее сохраняет форму номинатива независимо от того, переходным или непереходным глаголом выражено сказуемое.

Характерен устойчивый порядок слов SOV, при котором подчиняемые слова располагаются перед подчиняющими. Определение предшествует определяемому. Подлежащее помещается перед сказуемым. Расположение остальных членов предложения более свободно.

Имеются полипредикативные конструкции (ППК). Предикативным центром главной части является независимый предикат, выраженный финитным глаголом в одной из личных форм или именем. Предикативным центром зависимой части является инфинитная форма глагола – инфини-

тивы и причастия. Эти зависимые предикаты имеют свои форманты и присоединяют показатели определённых падежей для выражения отношений между частями ППК.

Близкородственными вепсскому являются карельский, ижорский и финский языки. На карельском языке говорит около 80 000 человек, на финском – 4 500 000 человек. Ижорский язык находится на грани исчезновения: по данным переписи 2010 г. насчитывается всего 266 ижорцев, тогда как по переписи 2002 г. на ижорском языке говорили 397 человек [Письменные языки России 2003: 99].

Из всех финно-угорских языков только три языка – финский, венгерский и эстонский – имели письменные традиции в досоветское время. Вепсская письменность была создана в начале 1930-х годов. Был составлен алфавит на основе латинской графики, как наиболее адекватно отражающей звуковой состав вепсского языка, было подготовлено и издано более трёхсот книг на вепсском языке. Просуществовала вепсская письменность до 1937 г. В конце 80-х гг. XX в. началось её возрождение. В 1989 г. были утверждены два варианта алфавита вепсского языка – на основе кириллицы и латиницы. Однако за прошедшие годы на кириллице был издан только один букварь, тогда как на латинице продолжает издаваться вся учебная и художественная литература. Поэтому в 2007 г. решением Правительства Республики Карелия алфавит вепсского языка был утвержден в латинской графике с дополнительными диакритическими знаками². За последние годы накоплен большой письменный багаж: изданы учебники по вепсскому языку, словари, произведения художественной литературы, журнальные и газетные статьи.

Однако для изучения развития языка, его функционирования в речи, а также для создания научно обоснованных учебников и учебных пособий необходима не только безотлагательная фиксация языка, но и исследование его системы с привлечением материалов по диалектам (говорам) и описаниям близкородственных языков, определение его места в общей типологии языков. Это послужило главным мотивом для написания данной работы.

Реферируемая работа посвящена описанию полипредикативных конструкций в **сибирском говоре** средневепсского диалекта, который относится к восточной группе диалектов вепсского языка.

Вепсский язык принято делить на три диалекта: северновепсский, южновепсский и средневепсский. Население, говорящее на северном диалекте, живёт на территории Карелии. Южновепсский диалект распростра-

² <http://www.regnum.ru/news/814211.html>

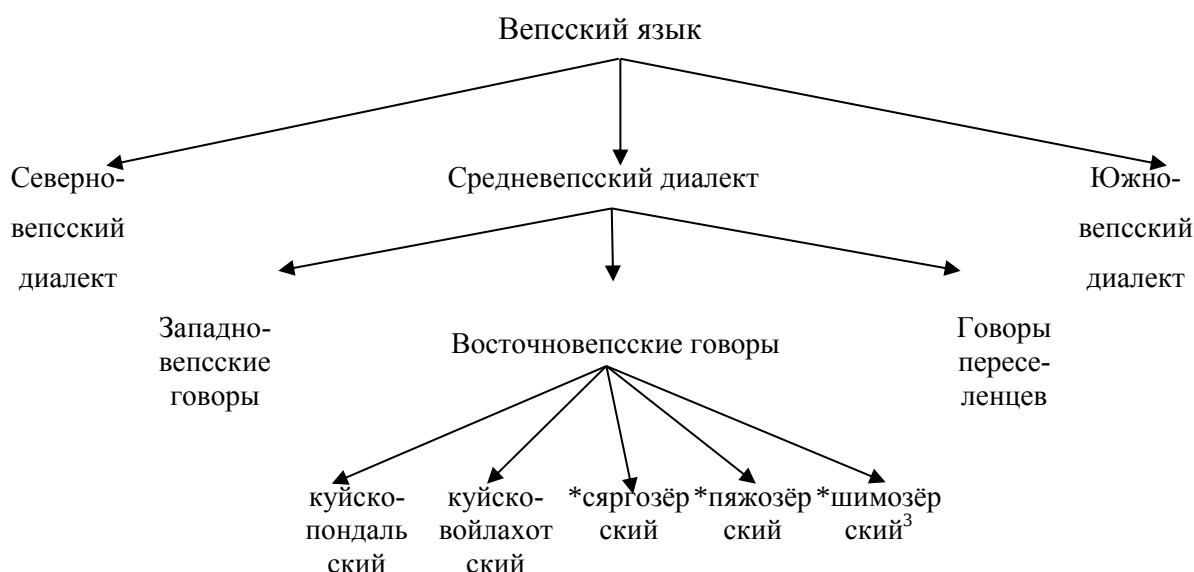
нён в Бокситогорском районе Ленинградской области. Носители средне-вепсского диалекта проживают в Подпорожском районе Ленинградской области и в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области.

Средневепсский диалект занимает центральное положение среди других диалектов вепсского языка, на нём говорит бóльшая часть вепсского населения. Он был выбран в качестве опорного при создании вепсской письменности. В средневепсском диалекте выделяют две основные группы говоров: западная – оятская (по названию реки Оять в Подпорожском районе Ленинградской области) и восточная (Бабаевский район Вологодской области). Кроме западной и восточной групп говоров, Н. Г. Зайцева выделяет группу говоров переселенцев – носителей разных говоров средневепсского диалекта. В 1956–1958 гг. жители отдалённых малочисленных деревень Шимозеро, Кривозеро, Нажмозеро, Торозеро и др. вынуждены были переселиться в более крупные сёла Ошту и Мегру.

Восточная группа делится на подгруппы говоров: куйско-пондальская, куйско-войлахотская, пяхозёрская, сяргозёрская и шимозерская, которые в глагольной подсистеме существенно отличаются от западных говоров. Диалектные различия их настолько велики, что дают возможность пересмотра диалектного членения вепсской речи [Зайцева Н. Г. 2002: 13] (см. Схему 1).

Схема 1

Диалектное членение вепсского языка

³ Знаком «*» отмечены говоры, которые в настоящее время не функционируют.

Наиболее полно особенности вепских диалектов изложены в работе Э. А. Тункело, посвящённой проблемам исторической фонетики вепского языка [Tunkelo 1946: 1–18]. Также сведения по данной проблеме можно найти и в других исследованиях [Хямяляйнен 1966: 99–100; Вийтсо 1960; Зайцева М.И., Муллонен 1972: 743–745; Зайцева Н.Г. 2002: 15–17; Бродский 2008: 227–230].

Кроме названных, к восточной группе средневепского диалекта мы относим **сибирский говор** переселенцев. Его представители – потомки переселившихся в начале XX-го века вепсов Пондалы, Куи, Войлахты и др. деревень Бабаевского района Вологодской области – ныне проживают в Аларском районе Иркутской области. Сибирский говор наиболее близок куйско-пондальскому (далее – *пондальский*) говору, так как большая часть переселенцев мигрировала с Пондалы.

Пондальский говор просуществовал в Сибири более ста лет. И время, и расстояние, которые разделяют материнский и переселенческий говоры, весьма внушительные, на протяжении века эти говоры развивались независимо друг от друга, поэтому в данной диссертации предпринята попытка определить, что изменилось в языке, а что осталось без изменений, какие явления более устойчивы, а какие подвержены вариативности в большей степени. К сопоставлению привлекаются данные близкородственных вепскому языков: финского, эстонского, карельского и водского.

Объектом исследования является язык сибирских вепсов – носителей сибирского говора, дочернего по отношению к куйско-пондальскому говору средневепского диалекта вепского языка. **Предмет** исследования – способы выражения отношений между двумя событиями средствами полипредикативного синтаксиса в сопоставительном аспекте.

Целью исследования является описание сложного и осложнённого предложения вепского языка в свете полипредикативного синтаксиса, проведение структурного, функционально-семантического и сопоставительного анализа ППК в сибирском и пондальском говорах средневепского диалекта на фоне других прибалтийско-финских и урало-алтайских языков.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи**:

- 1) выявление особенностей сибирского говора вепского языка и определение его места на диалектной карте вепского языка;
- 2) систематизация структурных типов ППК сибирского и пондальского говоров средневепского диалекта вепского языка;

3) описание стратегии оформления зависимого предиката и способов выражения субъекта зависимой части в монофинитных синтетических ППК;

4) характеристика синтаксических функций инфинитивов и причастий, выступающих в качестве зависимых предикатов в ППК вепсского языка; выявление наиболее распространённых конструкций с инфинитивными предикатами в составе зависимых предикативных единиц (ЗПЕ) в исследуемых говорах;

5) сравнение выделенных типов конструкций с аналогичными типами конструкций в близкородственных прибалтийско-финских языках;

6) выделение моделей монофинитных и бифинитных ППК;

7) структурно-семантическая классификация аналитических скреп вепсского языка;

8) описание семантических типов вепсских ППК и средств их выражения;

9) характеристика особенностей вепсских ППК на фоне других прибалтийско-финских языков, а также в урало-алтайской типологической перспективе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сибирский говор является самостоятельным говором, входящим в восточную группу средневепсского диалекта вепсского языка. Источником формирования сибирского говора явились все восточновепсские говоры, преимущественно куйско-пондальский. Основанием для выделения сибирского говора как самостоятельного служат различия на всех уровнях языка, выявленные при сопоставлении сибирского говора с куйско-пондальским, распространённым на исконной территории. Различия отмечаются в области фонетики, в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе.

2. В вепсском языке отчетливо проявляется действие синтаксического механизма «предикативного склонения». Связь, с помощью которой соединяются части сложных предложений, выражается теми же средствами, что и между членами в простом предложении, – падежными аффиксами.

3. Полипредикативные конструкции вепсского языка представлены двумя структурными типами: монофинитные (синтетические) и бифинитные (с аналитическим показателем связи и без линейного показателя связи). Исконными для вепсского языка, агглютинативного по типу, являются монофинитные конструкции с инфинитивным предикатом ЗПЕ.

4. В вепсском языке используются две стратегии оформления предиката ЗПЕ: причастная и инфинитивная. Причастная стратегия реализуется, во-первых, в определительных конструкциях, во-вторых, в темпоральных ППК с предикатом ЗПЕ – пассивным причастием в форме партитива для

выражения отношений следования. Инфинитивная стратегия служит для передачи целевых, темпоральных (одновременность) и изъяснительных отношений. Инессив, иллатив и партитив составляют ядро системы «предикативного склонения» в вепсском языке. На периферии этой системы находятся конструкции с III-м инфинитивом в падежных формах элатива, адессива и абессива, которые формируют только моносубъектные конструкции и передают значения образа действия или дополнительного действия, сопутствующего основному.

5. Субъект ЗПЕ в вепсских ППК может быть выражен: 1) именем в генитиве; 2) притяжательным суффиксом личных местоимений, которые находятся в синтаксической позиции объекта в главной предикативной единице (ГПЕ); 3) нулевым показателем, если субъекта нет или он совпадает с субъектом главной части, а также если он не определён или мыслится обобщённо (в неопределённо-личных и обобщённо-личных предложениях). Отсутствие формального показателя субъекта свидетельствует о наличии его собственной позиции.

6. Самыми употребительными монофинитными синтетическими конструкциями являются ППК с I-м инфинитивом и III-м инфинитивом в форме иллатива в ЗПЕ, которые передают отношения цели (70 % всех синтетических конструкций в картотеке), а также ППК с зависимым предикатом – пассивным причастием в партитиве, которые используются в речи сибирских и пондальских вепсов для выражения следования. Система монофинитных синтетических конструкций в вепсском языке не утрачена, монофинитные ППК функционируют в обоих говорах.

7. Аналитические ППК в вепсском языке более употребительны, чем синтетические: они составляют 2/3 всех анализируемых конструкций. Мы насчитываем более 50 аналитических моделей, в то время как синтетических монофинитных конструкций всего 8: в них задействованы три инфинитива и одно причастие, к которым могут присоединяться аффиксы трех из шести возможных падежей – инессива, иллатива и партитива.

8. Бифинитные ППК без союзного показателя связи составляют треть всех проанализированных бифинитных конструкций. Использование бессоюзной связи в основном ограничено причинной семантикой, реже бессоюзно оформляются условные и изъяснительные отношения.

9. В других прибалтийско-финских языках полипредикативные конструкции функционируют сходным образом с вепскими. Основной состав инфинитных форм, падежей, способов оформления субъекта ЗПЕ в синтетических конструкциях один и тот же. Во всех прибалтийско-финских языках идёт процесс вытеснения исконных монофинитных синтетических конструкций бифинитными (союзными или бессоюзными). Этот процесс

зависит от социалингвистической ситуации и более активно проходит в бесписьменных языках.

10. Особенности вепсских ППК в сопоставлении с языками урало-алтайской типологической общности следующие:

а) в большинстве случаев сказуемыми ЗПЕ в синтетических ППК являются инфинитивы, или отглагольные имена;

б) инфинитные формы в функции сказуемых ЗПЕ не имеют личного оформления, т. е. не спрягаются;

в) инфинитное сказуемое ЗПЕ не сочетается с послелогоми. В вепском языке отсутствует аналитико-синтетический тип ППК;

г) синтаксические отношения подчинения ЗПЕ выражаются чаще союзами, реже – бессоюзно и редко – аффиксами падежей;

д) порядок следования частей ППК относительно свободный.

11. Вепсский язык демонстрирует высокую степень устойчивости грамматической системы, несмотря на сильное влияние со стороны русского языка и близкородственных языков. Влияние русского языка больше всего проявляется в лексике и синтаксисе. В синтаксисе оно обнаруживается в том, что самые распространённые конструкции в речи сибирских и пондальских вепсов – бифинитные; большинство одноместных многокомпонентных и неодноместных скреп строится по моделям, заимствованным из русского языка; в монофинитных синтетических конструкциях субъектная часть располагается в постпозиции к зависимому сказуемому. Исконные ППК с инфинитными сказуемыми в ЗПЕ в той или иной падежной форме в языке не утрачены.

Актуальность проведенного исследования определяется, прежде всего, недостаточной изученностью вепсского языка в целом и его синтаксиса в частности. Вепсский язык начал исследоваться финскими лингвистами в середине XIX в., и традиция его изучения как языка, близкородственного финскому, продолжалась до середины XX столетия, т. е. около 100 лет. Среди первых исследований по вепсскому языку следует назвать работы Э. Леннрота «О северно-чудском языке» [Lönnrot 1853], А. Алквиста «Исследования по северно-чудскому языку» [Ahlqvist 1861], Х. Хунфалви «Грамматика северно-чудского языка» [Hunfalvi 1875], Й. Синнеи «О вепсском языке» [Szinyei 1881], Я. Базилиера «Вепсы Исаевской волости» [Basilier 1890].

Особенно ценной по предмету нашего исследования является работа Лаури Кеттунена «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus» («Исследование вепсского диалектного предложения») [Kettunen 1943], в которой содержатся подробные сведения по синтаксису южновепсского диалекта вепсского языка.

Необходимо также отметить монографии и статьи по вепсскому языку таких финских исследователей, как Э. А. Тункело [1946], Л. Пости [1948], П. Сиро [1964], А. Турунена [1973], И. Савиярви [1990] и др.

Большой интерес к вепсскому языку был и остаётся у эстонских лингвистов. Вепсский язык изучали и описывали П. Аристэ [1968], Т.-Р. Вийтсо [1966], А. Кяхрик [1978] и др.

В отечественном языкознании вопросами грамматики вепсского языка занимаются М. М. Хямяляйнен [1966], М. И. Зайцева [1969, 1972, 1978, 1981], Н. Г. Зайцева [1979, 1981, 1995, 1997, 1999, 2000, 2002], С. А. Мызников [1999, 2007], И. В. Бродский [2007, 2008] и др. Наиболее значительные работы отечественной вепсологии принадлежат перу двух известных учёных – Марии Ивановне Зайцевой и Нине Григорьевне Зайцевой, это «Словарь вепсского языка» [Зайцева М.И., Муллонен 1972], «Грамматика вепсского языка» [Зайцева М.И. 1981], монография «Вепсский глагол» [Зайцева Н.Г. 2002]. Важной для нашего исследования является работа «Синтаксис вепсского языка» М. И. Зайцевой [Zaitseva M. 2001], в которой представлены основные сведения по синтаксису вепсского словосочетания и предложения (работа выполнена в сопоставлении с финским языком). Названные труды содержат богатый языковой материал по всем вепским диалектам, а также ценные сведения и научные обобщения по фонетике и грамматике вепсского языка.

Вместе с тем изученность говоров вепсского языка (особенно восточного как наиболее раздробленного) далеко не полная. Работы финских языковедов XIX в. имели характер небольших очерков, дающих лишь общее представление о вепском языке в целом. Последующие работы посвящались исторической фонетике или отдельным проблемам грамматики вепсского языка. Отечественная лингвистическая наука имеет два описания грамматической структуры вепсского языка, каждое из которых опирается на один из говоров: пелдушский – западный говор средневепсского диалекта [Хямяляйнен 1966]; шимозёрский – восточный говор средневепсского диалекта, ныне уже не существующий [Зайцева М.И. 1981]. Подробные обобщающие описания других говоров отсутствуют. Ввиду того, что численность говорящих на вепском языке стремительно сокращается (особенно в Сибири), существует настоятельная необходимость описать редкую языковую ситуацию (функционирование одного говора на расстоянии более шести тысяч километров от другого), которая сложилась в связи с массовым переселением вепсов Пондалы в Сибирь.

В связи с этим данное диссертационное исследование, с одной стороны, восполняет имеющиеся в науке лакуны в области описания синтаксиса вепсского языка, а с другой, представляет материалы по мало изучен-

ному говору вепсов, проживающих в Сибири, который на протяжении почти целого столетия развивался в отрыве от материнского говора. Этим обусловлена другая сторона актуальности нашей работы – социалингвистическая: фиксация и введение в научный оборот данных по одному из языков, находящихся под угрозой исчезновения, развитие которого проходило изолированно.

Новизна работы. Впервые в свете теории полипредикации выявлены модели ППК вепсского языка, проведена полная и последовательная структурная и функционально-семантическая классификация сложных и осложненных предложений в сравнительно-сопоставительном аспекте. Выделены и описаны модели ППК с инфинитными сказуемыми в ЗПЕ (инфинитивами и причастиями), которые ранее системно не рассматривались. Существенно дополнена уже имеющаяся в грамматике вепсского языка классификация аналитических скреп. Материалы по сибирскому говору представляются впервые. Сравнительно-сопоставительное исследование ППК сибирского и пондальского говоров вносит определённый вклад в изучение диалектов вепсского языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в использовании теории полипредикативного синтаксиса, разработанного представителями новосибирской синтаксической школы Е. И. Убрядовой и М. И. Черемисиной первоначально на материале сибирских тюркских языков, по отношению к одному из прибалтийско-финских языков, что доказывает возможность широкого применения данной теории в типологических исследованиях языков разных систем. В реферируемой диссертации выработаны принципы выделения и описания сложных и осложненных предложений как единиц языка в вепсском языке, а также сформулированы основы их классификации, которые могут быть использованы при описании соответствующих систем и в других прибалтийско-финских языках.

Итоги проведенного исследования могут получить **практическое применение** при составлении учебников и учебных пособий по родному языку для школ с преподаванием вепсского языка, при разработке вузовских курсов по прибалтийско-финскому языкознанию, а также могут быть учтены в типологических исследованиях языков мира.

Работа базируется на **материале**, собранном автором в семи экспедициях: к сибирским вепсам – в 2006–2011, 2013 гг.; к пондальским вепсам – в 2012 г. (см. Список информантов в Приложении 5). Картотека примеров составляет около 5000 единиц. Из них около 2000 примеров получено во время полевых исследований вепсского языка от информантов. Эта часть материала представляет собой анкеты, разработанные первоначально сотрудниками Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН для сбора

материала по полипредикативным конструкциям в тюркских языках Южной Сибири и адаптированные к задачам собственного исследования. Кроме того, примеры по сибирскому говору были извлечены из текстов Александра Сергеевича Ульянова, написанных им в жанрах эссе, бытовых и автобиографических рассказов (их объем составляет 35 страниц машинописного текста). Также использовались имеющиеся на вепсском языке печатные источники: проанализировано около 3000 предложений, относящихся, в основном, к средневепсскому диалекту, и небольшое количество (100 предложений) – к северновепсскому и южновепсскому диалектам (см. список источников примеров в Приложении 4).

Вепсский язык принадлежит урало-алтайской типологической общности, что даёт основание предполагать в нём наличие механизмов построения полипредикативных конструкций, принципиально сходных с механизмами языков урало-алтайского типа. Поэтому **теоретической и методологической базой исследования** являются работы представителей новосибирской синтаксической школы: Е. И. Убрятовой [1976], М. И. Черемисиной [1980, 1981а, 1981б, 1982, 1987, 1988, 2006], Т. А. Колосовой [1980, 1987] и их последователей (С. И. Бурковой [2003], Т. И. Боргояковой [1987], Л. М. Бродской [1988], Н. Н. Коваленко [1984], Е. В. Ковган [1991], Н. Б. Кошкарёвой [1991, 2005, 2006, 2007], А. А. Мальцевой [1994, 2011, 2012], Е. К. Скрибник [1988, 1991, 1995, 2007], Т. П. Филистович [1991], Л. А. Шаминой [2001] и др.), посвященные изучению полипредикативных конструкций в разных урало-алтайских языках; а также работы по вепсскому языку (М. М. Хмяляйнена [1966], М. И. Зайцевой [1969, 1972, 1978, 1981], Н. Г. Зайцевой [1979, 1981, 1995, 1997, 1999, 2000, 2002], И. В. Бродского [2007, 2008], Т.-Р. Вийтсо [1966], А. Кяхрик, [1978], Л. Кеттунена [1943], Э. А. Тункело [1946], Л. Пости [1948], И. Савиярви [1990], П. Сиро [1964], А. Турунена [1973]); кроме того, отечественные работы по структурному, семантическому и функциональному синтаксису В. А. Белошапковой [1967, 1970, 1977], А. В. Бондарко [1987, 1999, 2002], М. В. Всеволодовой [2000], Г. А. Золотовой [1982], С. Г. Ильенко [2008, 2009], А. Ф. Прияткиной [2007], В. С. Храковского [1996, 1998, 2003, 2009], Н. Ю. Шведовой [1970] и др.

Основной **метод** работы – описание современного состояния одного из фрагментов грамматической системы вепсского языка с привлечением структурно-семантического анализа. Применялись также методы первичного наблюдения, полевые методы работы с информантами, классификационный, метод моделирования, сравнительно-сопоставительный, количественных подсчетов и др.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на Всероссийской научной конференции «Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2007 г.); на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2008 г.); на 39-й Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2009 г.); на 3-й Международной конференции по самодистике (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, НГУ, 2010 г.); на ежегодной региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2011 г., 2012 г.); на Всероссийской конференции «Сибирь в исторической перспективе» (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2012 г.).

По теме диссертации имеется 7 публикаций (общим объёмом 2,4 п.л.), из них 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения. Список использованной литературы насчитывает 179 единиц. В работе имеется пять приложений.

Глава I

СТАТУС ЯЗЫКА СИБИРСКИХ ВЕПСОВ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В данной главе дается описание объекта исследования – языка сибирских вепсов, характеризуются его отличительные особенности по сравнению с другими диалектами и говорами вепсского языка, распространенными в европейской части России, а также формулируются теоретические принципы описания полипредикативных конструкций в языках разных систем.

§ 1. Особенности сибирского говора и его место среди диалектов вепсского языка

1. Социолингвистическая ситуация в вепсском языке на территории Сибири (д. Мардай, Иваничеськ и Высотский Аларского района Иркутской области)

Вепсы в Восточной Сибири – потомки переселенцев Вологодской губернии Бабаевского района (д. Пондала, Куя, Войлахта и др.). В начале XX в. многие крестьяне Вологодской губернии по Столыпинской реформе отправились в Сибирь осваивать пустошные земли. Причин тому, по словам информантов, было две. Во-первых, желание получить в частную собственность значительное количество земли, а во-вторых, повторяющиеся из года в год неурожаи, связанные с истощением земель предков. Некоторые переселенцы, проработав в Сибири год-два, засомневались в перспективности жизни на новом месте и, рассчитавшись с полученным кредитом, вернулись домой на Вологодчину. Это были зажиточные крестьяне, у которых дома осталось хозяйство. Те, кто не смог рассчитаться по кредиту и не имел денег на обратный переезд, остались. По поступавшим от них сообщениям стало ясно, что менее хозяйственные и трудолюбивые постепенно стали жить в Сибири лучше, чем те, кто смог позволить себе столь затратный переезд.

Смена государственного строя в 1917 г. повлияла на решение вновь ехать в Сибирь, на этот раз уже окончательно. Зажиточные крестьяне были убеждёнными сторонниками единоличного ведения хозяйства, а сплошная

коллективизация разрушала сложившиеся устои. Людям казалось, что до Сибири советская власть не дойдёт или, во всяком случае, будет иметь там смягчённые формы. Таким образом сформировалась территория компактного проживания вепсов в Восточной Сибири. Деревни Мардай и Высотский Аларского района, Жизневка и Мягчинский Заларинского района были заселены большей частью вепсами. То, что одни приехали и остались, а другие вынуждены были переезжать дважды, осложнялось не только социально-политическими изменениями в стране. В качестве одной из причин неединовременности переезда информанты называют языковой барьер. У себя на родине вепсы говорили только по-вепски. На их хуторах контактов с людьми других национальностей практически не происходило. Со слов Анны Сергеевны Сердцовой, во время трёхмесячного переезда русский язык приходилось учить «на ходу». В Сибири вепсам пришлось устраиваться по соседству с бурятами, молдаванами, украинцами. Языком-посредником выступил русский язык.

Поскольку в д. Мардай сложилась самая крупная (около 500 человек) вепсская диаспора, на развитии социалингвистической ситуации здесь следует остановиться подробнее. По полученным от информантов сведениям, первые вепсы прибыли на место бурятского селения Мардай в 1913 г. В покинутых незадолго до этого времени бурятских юртах и поселились пондальские вепсы. Позже они построили собственные дома.

Поселение вепсов постепенно расширялось за счёт прибывающих из европейской части многодетных родственников и знакомых, в том числе и тех, кто уже успел пожить в Сибири и вернуться на родину. Так, в 30-е годы в Мардай переселилась семья Ульяновых, первый приезд которой в Сибирь был неудачным. По переписям и паспортам это поселение числилось русским, так как вепсов как православных царское законодательство не причисляло к инородцам. На самом же деле с 1913 г. до конца 50-х гг., т. е. около 50 лет, д. Мардай была местом, где с детства первым языком был вепсский. Русский язык использовался в официальных отношениях (с сельской администрацией, в школе). На вепском говорили и в семье, и вне дома все жители деревни. Вепсский оставался основным средством общения и тогда, когда в послевоенное время население д. Мардай несколько пополнилось за счёт приезжих молдаван и белорусов. В смешанных браках не вепсы (чаще это были молдаване) осваивали вепсский язык и говорили на нём, так как вепсы считались коренными жителями, обжившими мардайские земли, и их численность намного превышала численность приезжих. Примерами смешанных браков могут служить семьи Марии Осиповны и Григория Ивановича Крыловых, Анны Сергеевны и Андрея Николаевича Савиных, Марии Ивановны и Василия Аншуковых и др.

Вместе с тем в 60-е гг. начинается отток местного населения из д. Мардай в более крупные совхозы, в города. Прежде всего уезжала молодежь: для прохождения службы в армии, для получения образования, в поисках лучшей жизни. Когда-то большой колхоз Мардай сейчас находится на грани исчезновения с нулевой инфраструктурой и бездорожьём.

Динамика перехода вепсов на русский язык выглядит следующим образом:

1. Родившиеся в период с 1922 по 1933 гг. (А. И. и М. И. Крыловы, Г. И. Крылов, проживающие в д. Мардай; А. С. Сердцова, А. С. Ульянов, проживающие в с. Иваничеськ; М. С. Ульянова, проживающая в г. Ангарске; М. И. Родина, проживающая в г. Иркутске) владеют вепским языком. В силу преклонного возраста иногда забывают отдельные слова, связанные с обиходной деятельностью, флорой и фауной. Эти люди ещё помнят своё вологодское детство.

2. Родившиеся в период с 1934 по 1945 гг. (М. И. Аншукова, проживающая в д. Мардай, Н. А. Коконова, проживающая в д. Высотский) понимают вепскую речь и могут сказать отдельные предложения.

3. Родившиеся в период с 1946 по 1956 гг. (З. П. Виноградова, В. П. Ульянов, Л. А., З. А. и Г. А. Медниковы, проживающие в г. Ангарске, Н. А. Якоба, проживающая в г. Иркутске, В. и М. Ульяновы, проживающие в г. Усть-Куте) не понимают вепскую речь, знакомы лишь с отдельными словами («здравствуй», «ребёнок», «пить», «есть» и др.), не в состоянии перевести даже короткие тексты.

Сейчас сибирские вепсы владеют русским языком лучше, чем языком своего этноса.

В настоящее время вепсы компактно проживают в селе Иваничеськ, в деревнях Мардай и Высотский, которые находятся в самой южной точке Аларского района, примерно в 300 км к западу от Иркутска. Между селом Иваничеськ и Иркутском есть регулярное автобусное сообщение. Деревни Мардай, Высотский и Иваничеськ связывает просёлочная дорога (7 км), автобусного сообщения нет.

Это разные по социальному и по экономическому статусу населённые пункты. В с. Иваничеськ (колхоз им. В. И. Ленина) работают сельхозбригады, выполняется план по сбору урожая пшеницы, по заготовке кормов для крупного рогатого скота, есть большая ферма, работает маслозавод. В селе есть сельская администрация, почта, больница, оснащённая современной медицинской техникой, школа, детский сад, клуб, магазины; ведётся строительство жилья для молодых семей. В селе живут буряты, русские, украинцы, молдаване и вепсы. Население – 1500 человек. Говорящих на вепском языке – 3 человека.

В деревне Высотский живёт около 300 человек, в основном пенсионеры. Они заняты частным хозяйством. Молодые люди уезжают из деревни из-за безработицы. В деревне есть небольшая ферма, начальная школа, почта и магазин. Говорящих на вепсском языке – 2 человека.

В деревне Мардай проживает 12 человек – все пенсионеры. Они занимаются личным хозяйством. Говорящих по-вепски четверо.

Таким образом, в настоящее время насчитывается 9 человек, владеющих вепсским языком. Из них один имеет среднее образование, остальные – начальное. Все они приходятся друг другу родственниками разной степени. Между собой общаются на вепсском и русском языках. По паспорту и по хозяйственным книгам сельского совета зарегистрированы русскими. Связано это, по словам информантов, с малочисленностью вепсов в сравнении с количеством русскоязычного населения в данной местности. В целом же по приблизительным данным в Восточной Сибири живёт около 200 вепсов. Из них говорящих около 20 человек (в это число входят аларские вепсы)⁴.

В последнее время по инициативе районной библиотеки п. Кутулик, её директора Веры Трофимовны Петровой, летом проходит вепсский праздник «Древо жизни», на который собираются вепсы из разных деревень Аларского района. В июле 2006 г. в Сибири побывала экспедиция учёных-вепсоведов из Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск), в котором с 60-х гг. прошлого века ведётся работа по сбору фактического материала на вепсском языке [Зайцева М.И., Муллонен 1969], описанию фонетической системы и морфологического строя вепсского языка [Зайцева М.И. 1981; Зайцева Н.Г. 2002], составлен диалектный словарь вепсского языка [Зайцева М.И., Муллонен 1972].

2. Место сибирского говора на диалектной карте вепсского языка

По нашему мнению, сибирский говор является самостоятельным говором, входящим в восточную группу средневепсского диалекта вепсского языка. Основанием для его выделения служат следующие аргументы:

- 1) наличие расхождений между сибирским и пондальским говорами на всех уровнях языковой системы;
- 2) значительный временной разрыв, в течение которого пондальский и сибирский говоры развивались самостоятельно;

⁴ В материалах переписи 2010 г. в Иркутской области зарегистрировано 17 вепсов.

3) источниками формирования сибирского говора в той или иной степени были все восточные говоры средневепсского диалекта: куйско-пондальский, куйско-войлахотский, пяхозёрский, сяргозёрский и шимозёрский, которые проявляют очень большое языковое своеобразие и неоднородность. Кроме того, сибирский говор испытывал влияние со стороны русского, белорусского, молдавского языков.

Таким образом, диалектное членение вепсского языка можно представить в следующем виде (см. Схему 2):

Схема 2

3. Некоторые особенности сибирского говора средневепсского диалекта в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта, распространенным на территории исконного проживания восточных вепсов

В Аларский район Иркутской области мигрировали вепсы из Бабаевского района Вологодской губернии (д. Пондала, Куя, Войлахта и др.) – самого восточного района расселения вепсов. Поэтому по своей фонетической и грамматической структуре язык сибирских вепсов относится к средневепсскому диалекту и входит в группу восточных говоров. При первичном наблюдении речь сибирских вепсов почти не отличается от речи их соотечественников на Пондале. Языковая система на примере существова-

ния этих двух говоров демонстрирует достаточную устойчивость, особенно в области именного словоизменения.

Но вместе с тем, при всём стремлении к сохранению, язык – живой организм и не может не подвергаться движению, изменениям, развитию. В данном случае можно сказать, что отмеченные различия только подчёркивают стабильность системы в целом. В основном различия проявляются в области глагольного словоизменения и синтаксиса, также они отмечены в фонетике и лексике.

При детальном анализе материала, записанного у сибирских вепсов в Аларском районе и у вепсов Пондалы, обнаружались некоторые фонетические и грамматические различия. Сравнение проводилось на основании собственных экспедиционных материалов, а также по данным, приведённым в следующих источниках по вепсскому языку: [Бродский 2008; Зайцева М.И. 1981; Зайцева М.И., Муллонен 1969; Зайцева М.И., Муллонен 1972; Зайцева Н.Г. 1981; Зайцева Н.Г. 2002; Zaitseva 2001].

Фонетика.

1) В **пондальском** говоре имеются *и*-товые дифтонги: на месте *йи*, *ии* в первом слоге (с главным ударением) встречается как стяжённый вариант, так и монофтонг *й* (*и*): *küüte* – *küte* ‘три’.

В **сибирском** говоре на месте *и*-товых дифтонгов *йи*, *ии* в первом слоге (с главным ударением) чаще встречается монофтонг *й* (*и*), ср.:

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>püühan</i>	<i>pühan</i>	‘лён’
<i>küüte</i>	<i>küte</i> / <i>kume</i>	‘три’
<i>nuüzo</i>	<i>nuzo</i>	‘вставай’

2) В **сибирском** говоре на месте гласных *a* и *i* перед *č* встречаются дифтонги *ai*, *ii*, чего не наблюдается в **пондальском** говоре, ср.:

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>tačtihe</i>	<i>taičtihe</i>	‘бросили’
<i>päliči</i>	<i>päliiči</i>	‘через, из-за’
<i>pakičii</i>	<i>pakiīčii</i>	‘нищий’
<i>mičed</i>	<i>miīčed</i>	‘какие’

Большинство же фонетических различий между описываемыми говорами связано с индивидуальными особенностями произношения их носителей, ср.: *kodihesai* – *kodihesa* – *kodihesae* ‘до дому’. Эти варианты зафиксированы и в сибирском, и в пондальском говоре вепсского языка. Можно говорить, что эта вариативность характерна для обоих говоров в равной степени.

Таким образом, различия в фонетике сибирского и пондальского говоров касаются, прежде всего, дифтонгов, которые в сибирском говоре в отдельных случаях утратились, зато появились в других фонетических позициях.

Морфология.

1. Именная система.

В **пондальском** говоре огласовка показателя аллатива единственного числа зависит от предыдущего гласного: перед *i* он имеет вид *-le*: *kanoi=le* ‘курицам’; перед *a* – *-la*: *kala=la* ‘рыбе’; после всех других гласных показатель имеет вид *-lo*: *lebu=lo* ‘на отдых’.

В **сибирском** говоре окончание аллатива может иметь два варианта: *-le* – если основа оканчивается на гласный *i*: *sižutam babkoi=le* ‘поставим в бабки’, и *-lo* – если основа оканчивается на другие гласные: *vedim gomne=lo* ‘вывозили на ток’, *verha=lo naroda=lo* ‘переселенцам’ (букв.: чужому народу).

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>kaži=le</i>	<i>kaži=le</i>	‘кошке’
<i>neči=le sijäiže=le</i>	<i>neči=le sijäiže=lo</i>	‘на это местечко’
<i>gomne=le</i>	<i>gomne=lo</i>	‘на ток’
<i>hebo=lo</i>	<i>hebo=lo</i>	‘лошади’
<i>kana=le, kana=la</i>	<i>kana=lo</i>	‘курице’
<i>Pondla=la</i>	<i>Pondla=lo</i>	‘на Пондалу’

Таким образом, в сибирском говоре противопоставление типов основ стирается, значимым остается противопоставление основ на *i* всем другим, тогда как в пондальском говоре можно предположить существование тринарной оппозиции: гласные верхнего подъема *i, e* (суффикс *-le*) // огубленные гласные среднего подъема *o, u* (суффикс *-lo*) // гласный нижнего подъема *a* (суффикс *-la*).

2. Глагольная система.

1) В вепсском языке, как и во многих родственных прибалтийско-финских языках, отмечается процесс смешения и неразграничения активных и пассивных (имперсональных) форм 3-го л. мн. ч.

а) Использование активных и имперсональных форм в форме 3-го л. мн. ч. в презенсе индикатива.

В разговорной речи носителей **пондальского** говора глаголы в форме 3-го л. мн. ч. презенса индикатива встретились только с пассивными показателями *-das / -tas*: *sö=**das*** ‘едят’.

В печатных материалах по пондальскому говору [Зайцева М.И., Муллонен 1969, 1972] в форме 3-го л. мн. ч. презенса индикатива встречается также активный по происхождению показатель *-ba*: *hiinantegoupäi rahvaz tuloba* ‘люди придут с сенокоса’.

В **сибирском** говоре в 3-м л. мн. ч. презенса индикатива отмечен только показатель *-das / -tas*. Можно утверждать, что пассивная форма в функции 3-го л. мн.ч. презенса индикатива вытеснила активную форму.

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>kaz=das, kazva=ba</i>	<i>kaz=das</i>	‘растут’
<i>pan=das, pano=ba</i>	<i>pan=das</i>	‘кладут’
<i>sanu=tas, sanu=ba</i>	<i>pagiš=tas</i>	‘говорят’
<i>pašt=tas, pašta=ba</i>	<i>pašt=tas</i>	‘пекут’
<i>tuu=das, tulo=ba</i>	<i>tuu=das</i>	‘придут’

б) Использование активных и имперсональных форм в форме 3-го л. мн. ч. в имперфекте индикатива.

В **пондальском** говоре 3-е л. мн. ч. в основном оформляется пассивным показателем *-dihe / -tihe*, отмечены единичные примеры употребления активных форм с показателем *-ba*.

В **сибирском** говоре с активным показателем в 3-м л. мн. ч. имперфекта зафиксирован только глагол *olda* ‘быть’ – *oliba* ‘были’, со всеми дру-

гими глаголами употребляется только пассивный показатель *-dihe / -tihe*:

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>küzui=ba, küzui=tihe</i>	<i>küzui=tihe</i>	‘спросили’
<i>tuli=ba, tul=dihe</i>	<i>tuu=dihe</i>	‘пришли’
<i>pani=ba, pan=dihe</i>	<i>pan=dihe</i>	‘клали’
<i>ozui=ba, ozui=tihe</i>	<i>ozui=tihe</i>	‘показывали’
<i>oli=ba, ol=dhe</i>	<i>oli=ba, ol=dihe</i>	‘были’

В сибирском говоре в 3-м л. мн. ч. презенса и имперфекта пассивные (имперсональные) формы на *-das / -tas* и *-dihe / -tihe* почти полностью вытеснили исконные активные формы на *-ba*.

В пондальском говоре в большинстве случаев наблюдается употребление имперсональной формы, хотя встречается и исконная активная. Можно сделать вывод, что выбор форм 3-го л. мн. ч. в пондальском говоре ещё не завершён, формы варьируют, имея тенденцию к пассивному оформлению⁵.

В других прибалтийско-финских языках, например в карельском, исторически активные формы 3-го л. мн. ч. вообще не сохранились [Зайков 1999: 66; 2000: 80–81].

В водском языке преобладают формы имперсонала в функции 3-го л. мн. ч., при этом старая форма 3-го л. мн. ч. может встречаться факультативно только у некаузативных глаголов, имеющих каузативный коррелят и только в презенсе индикатива [Агранат 2009: 18].

2) Образование отрицательных форм имперфекта индикатива ед. и мн. ч.

а) Отрицательная форма имперфекта ед. ч. строится с помощью отрицательного глагола в соответствующем лице и числе и формы II-го причастия актива смыслового глагола. II-е причастие актива в диалектах вепсского языка имеет различные суффиксы, хотя исторически они происходят из одного и того же источника. Суффикс II-го причастия актива *-ni* восходит к древней форме суффикса *-nut, -nüt*, которая и сейчас употребляется в некоторых родственных языках и из которой на почве вепсского языка отпал конечный *-t* [Tunkelo 1946: 125; цит. по: Зайцева Н. Г. 2002: 97].

⁵ Однако нормой для младописьменного языка выбрана форма 3-го л. мн. ч. с показателем *-ba* (активная) для формального различения категорий актива и пассива.

Предполагается, что суффикс II-го причастия актива *-nu* исторически восходит к праприбалтийско-финскому звуковому комплексу **-nUt*; в свою очередь, происхождение данного комплекса ещё не нашло пока достаточно убедительного объяснения. Полагают, что в нём, возможно, объединено несколько суффиксов, например, *-nA* (финск. *humina* ‘гул, звон’) и *-Ut* (финск. *ohut* ‘тонкий’ < *oha*) [Häkkinen 1985: 128; цит. по: Зайцева Н. Г. 2002: 97].

Суффикс II-го причастия актива может иметь и форму *-nd* и *-nu*. Источником суффикса *-nd* является тот же указанный выше формант *-nut / -nüt*, утративший в результате стяжения слога в вепсском языке звук *u* [Kettunen 1922, I: 47; цит. по: Зайцева Н. Г. 2002: 97].

В большей части восточных говоров средневепсского диалекта используется вариант *-nd*.

В **пондальском** говоре отрицательная форма имперфекта ед. ч. строится с помощью отрицательного глагола в соответствующем лице и числе и формы II-го причастия актива с суффиксом *-nu*: *tähasai ii tui=nu* ‘до сих пор не пришёл’; *en eht=nü kacuta, ken oli* ‘не успела посмотреть, кто был’.

В **сибирском** говоре в отрицательных формах имперфекта ед. ч. большинство информантов использует вариант *-nu*. Однако в речи некоторых носителей сибирского говора отмечается смешанное употребление двух вариантов суффиксов II-го причастия актива – *-nu* и *-nd*.

Форма глагола *olda* ‘быть’ в отрицательных конструкциях в обоих говорах выступает в одном варианте: *ii le=nu* ‘он не был’.

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>en sō=nu</i>	<i>en sō=nu, en sō=nd</i>	‘не ел’
<i>en tui=nu</i>	<i>en tui=nu, en tule=nd</i>	‘не пришёл’
<i>en kac=nu</i>	<i>en kac=nu, en kacu=nd</i>	‘не смотрел’
<i>ii le=nu</i>	<i>ii le=nu</i>	‘он не был’

Таким образом, в сибирском говоре отрицательная форма имперфекта индикатива ед. ч. представлена двумя вариантами, а в пондальском говоре эта форма не вариативна.

б) Отрицательные конструкции мн. ч. отличаются от отрицательных конструкций ед. ч. тем, что в них отрицательный глагол имеет такие же лично-числовые окончания мн. ч., как и в презенсе. Значение имперфекта несёт смысловой глагол, который может стоять в форме ед. и мн. ч. II-го причастия актива и в форме причастия пассива.

В **пондальском** говоре в отрицательных формах имперфекта мн. ч. основной глагол стоит в особой форме, показатель которой состоит из аффикса активного причастия прошедшего времени *-nu* и форманта *-goi / -koi*: *em män=nu=goi* ‘не пошли’. Кроме этого, в пондальском говоре встретилась форма, построенная с помощью показателя II-го причастия актива *-nu* и суффикса пассивного причастия *-dud*: *ii tuu=nu=dud* ‘они не пришли’.

В **сибирском** говоре в отрицательных формах имперфекта мн. ч. основной глагол стоит в форме:

а) II-го причастия актива, к которой присоединяется формант *-goi / -koi*: *miid ii päst=nu=goi nikuna roditeläd* ‘родители нас никуда не пускали’, *časounišpäi ii ot=nu=goi niken haugoid* ‘из часовни никто не брал дрова’;

б) причастия пассива с суффиксами *-tut / -tud / -dut / -dud*: *em gä=dud sinna* ‘не остались там’, *mindai roditeläd ii päš=tud školha* ‘родители не пустили меня в школу’.

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>ii päst=nu=goi</i>	<i>ii päst=nu=goi, ii päš=tud</i>	‘не пускали’
<i>em mä=nu=goi</i>	<i>em män=nu=goi, em män=dud</i>	‘не пошли’
<i>ii ot=nu=goi</i>	<i>ii ot=nu=goi, ii ot=tud</i>	‘не брали’
<i>ii tuu=nu=dud</i>	<i>ii tuu=nu=goi, ii tuu=dud</i>	‘они не пришли’

Таким образом, при образовании отрицательных форм имперфекта в сибирском говоре наблюдается вариативность форм, тогда как в пондальском говоре используется только одна форма.

В основе вариативности лежат, по-видимому, контакты представителей разных говоров восточной группы средневепсского диалекта на территории Сибири. В пондальском говоре употребляются устоявшиеся формы отрицательного имперфекта для ед. и мн. ч., которые отличаются от используемых в других восточных говорах (например, в куйско-войлахотском). Причём контакты вепсов Пондалы с вепсами Куи и Войлахты (расстояние между этими населёнными пунктами не более 20 километров) не создают вариативности в употреблении названных форм.

3) Образование пассивного причастия.

В **пондальском** говоре суффиксами пассивного причастия являются *-tut / -tud / -dut / -dud*.

В **сибирском** говоре суффиксами пассивного причастия выступают не только *-tut / -tud ~ tet*, *-dut / -dud ~ det*, но и более архаичный вариант *-tu (~-t)*:

Пондальский говор	Сибирский говор	Перевод на русский язык
<i>voik=tud</i>	<i>voik=tu</i>	‘заплакана’
<i>gä=tud</i>	<i>gäte=t, gä=dut</i>	‘оставлен’
<i>varasta=dud</i>	<i>varaste=t, varasta=dud</i>	‘жданный’
<i>pašt=tud</i>	<i>pašt=tud</i>	‘испечён’

4) Употребление кондиционала.

В **пондальском** говоре функционируют синтетические (презенс и имперфект) и аналитические (перфект и плюсквамперфект) формы кондиционала:

– синтетический презенс кондиционала:

sa=iži=n

получить=COND=1Sg

‘получил бы’

– синтетический имперфект кондиционала:

sa=nu=iži=n

получить=PP=COND=1Sg

‘получил бы’

– аналитический перфект кондиционала:

ol=iži=n

sa=nu

быть=COND=1Sg

получить=PP

‘получил бы’

– аналитический плюсквамперфект кондиционала:

ol=nu=iži=n

sa=nu

быть=PP=COND=1Sg

получить=PP

‘получил бы’

В **сибирском** говоре зафиксированы только синтетические формы (подавляющее большинство из них – с презенсом кондиционала; единичные примеры – с имперфектом, или синтетическим перфектом):

– синтетический презенс кондиционала:

$sa=i\check{z}i=n$

получить=COND=1Sg

‘получил бы’

– синтетический имперфект / перфект кондиционала:

$sa=nu=i\check{z}i=n$

получить=PP=COND=1Sg

‘получил бы’

Различие по временам в кондиционале стирается, а аналитические прошедшие времена кондиционала в языке сибирских вепсов исчезли. В сибирском говоре реальное условие выражается формами индикатива, нереальное – презенсом кондиционала.

Синтаксис.

1) В пондальском и сибирском говорах представлены полипредикативные конструкции двух типов: монофинитные (синтетические) и бифинитные (с аналитическими показателями связи и бессоюзные).

В **пондальском** говоре бифинитные конструкции с бессоюзной связью более распространены, чем в **сибирском** говоре. Синтетические конструкции с морфологическими показателями отношения в разговорной речи пондальцев и сибиряков не употребляются, но в пассивном запасе имеются.

2) В синтетических конструкциях предикатом ЗПЕ могут быть три инфинитива и три причастия. Различия между говорами касаются только употребления форм III-го инфинитива: в **пондальском** говоре (на материале печатных источников) III-й инфинитив отмечен в пяти падежных формах – иллативе, инессиве, элативе, адессиве, абессиве; в **сибирском** говоре III-й инфинитив зафиксирован только в падежных формах иллатива и абессива.

3) В **пондальском** говоре для обозначения таксисного отношения ограничительной одновременности используется заимствованный из русского языка союз *roka* ‘пока’. В **сибирском** говоре эта разновидность передается собственными союзами: *kuni* и *kudai* ‘пока’ (в речи одного информанта эти союзы не смешиваются).

4) В **пондальском** говоре изъяснительные, условные (с потенциальной модальностью) и целевые отношения чаще передаются русскими кальками: *što* ‘что’, *jesli* ‘если’, *štob* ‘чтобы’. В этих типах отношений возможно опущение союза. В **сибирском** говоре данные типы отношений выражают-

ся собственными неспециализированными союзами: изъяснительные отношения – союзами *miše, mi, kut* ‘что’; условные с потенциальной модальностью – союзами *ku* ‘если’, *ku ... ka* ‘если ... то’; целевые – союзами *miše (mise), mi* ‘чтобы’ и др.

5) В **пондальском** говоре отношения причины выражаются в основном бессоюзно либо заимствованным из русского союзом *potamu što* ‘потому что’. В **сибирском** говоре отношения причины выражаются собственными союзными средствами, редко – заимствованным *potamu što* ‘потому что’.

6) В **пондальском** говоре функционирует несколько союзов сравнительной семантики: *kuti* ‘как; как будто’, *ani* ‘как’, *anikuti* ‘как; совсем как; как будто’, *kutni* ‘как; как будто’, *rounoku* ‘равно как’, *votku* ‘как; как будто’. В **сибирском** говоре употребляется в основном сравнительный союз *kuti* ‘как, будто, точно, словно, вроде’, отмечены также единичные примеры с союзом *ku* ‘как’ в значении сравнения.

В сибирском говоре в большей степени сохранены собственные союзные средства для выражения временных (ограничительная одновременность), причинных, условных и изъяснительных отношений. Причиной этому может быть стремление уподобить выражение подчинительных отношений русскому образцу, а также это можно рассматривать как факт консервации определённого этапа в развитии языка.

Лексика.

Пондальский говор отличается от других говоров средневепсского диалекта наличием своеобразной эндемичной лексики. Например, в нём сохранились слова *sai* ‘свадьба’, *niičeine* ‘невеста’, *oluh* ‘жених, возлюбленный’ и др. [Бродский 2008]. Словарь **сибирских** вепсов беднее, чем их пондальских соотечественников. Из-за отсутствия регулярного общения на родном языке, а также из-за ухудшения памяти вследствие преклонного возраста вепсов-сибиряков происходит утрата слов и обеднение словаря.

Изменения в лексике связаны:

1) с утратой реалий: например, во флоре практически не представлены ели и рябины, некоторые виды ягод (например, морошка) и т. д., соответственно, забыты их названия;

2) с заимствованиями из русского. Вепсский язык сибиряков очень сильно подвержен заимствованиям из русского. Калькирование широко распространено: русский корень сочетается с вепскими морфемами: *hvatib* ‘хватит’ в м. вепск. *ulotub*; *svadib* ‘свадьба’ в м. вепск. *sai*.

Итак, язык сибирских вепсов представляет собой самостоятельный **говор** в группе восточных говоров средневепского диалекта вепского языка. Система именного словоизменения в сибирском говоре сохранена достаточно хорошо. Значительные расхождения отмечены в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе. В системе глагольного словоизменения они касаются лично-числовых окончаний в презенсе и имперфекте, употребления активных и пассивных форм, образования отрицательных форм глагола.

В отношении использования активных и пассивных форм 3-го л. мн. ч. в пондальском говоре наблюдается активизация пассивных форм, в речи они встречаются гораздо чаще, чем активные. Но резкого скачка в преобладании пассивных форм над активными не произошло. В сибирском говоре пассивная форма в функции 3-го л. мн. ч. презенса и имперфекта индикатива преобладает над активной формой, что, несомненно, вызвано влиянием русского языка (конструкций типа «говорят, зима будет лютая»).

В образовании отрицательных форм имперфекта индикатива ед. и мн. ч. большая пестрота наблюдается в сибирском говоре. В ед. ч. используются два варианта суффикса II-го причастия актива с показателями *-ni* и *-nd*. Во мн. ч. основной глагол может стоять в форме II-го причастия актива с формантом *-goi / -koi* или в форме причастия пассива с суффиксами *-tut / -tud / -dut / -dud*. В сибирском говоре зафиксировано использование пассивного причастия с архаичным суффиксом *-tu (~-t)*.

Синтаксис пондальского говора бифинитный бессоюзный (обязательного союзного оформления требуют определительные и временные конструкции). Синтаксис сибирского говора бифинитный союзный с собственными средствами связи. Синтетические полипредикативные конструкции одинаково малоупотребительны в речи вепсов Пондалы и Сибири, но механизм предикативного склонения сохраняется в их языковой памяти.

Приведённые расхождения не создают препятствий в общении сибирских вепсов и их соотечественников на европейской части, но демонстрируют разные сценарии развития некоторых грамматических явлений. В целом языковая система является устойчивой, прочной и стабильной.

§ 2. Теория полипредикации и принципы описания полипредикативных конструкций в языках разных систем

Термин *полипредикативная конструкция* [Черемисина 1979: 12] позволяет описывать высказывания, которые состоят минимум из двух *предикативных единиц* (ПЕ) – минимальных синтаксических субстанций, способных выражать пропозицию и предикативные категории модальности, темпоральности и персональности. ППК имеет статус языковой единицы и представляется в виде *модели* – абстрактного образца, выступающего инвариантом по отношению к множеству его реализаций в речи: *планом выражения* такой модели является структурная схема, *планом содержания* – отношение пропозиций друг к другу. Конструктивным центром модели ППК является *показатель связи* [Черемисина 1981: 6], который определяет тип отношения между пропозициями.

В нашем исследовании мы, опираясь на положения новосибирской синтаксической школы, используем термин *полипредикативная конструкция* для описания конструкций языков прибалтийско-финской группы, которые отличаются от функционально близких им сложноподчинённых предложений (СПП) индоевропейских языков.

Введение М. И. Черемисиной в научный оборот понятия *полипредикативная конструкция* позволило объединить собственно сложные (с *финитным* зависимым сказуемым и аналитическим показателем связи) и не собственно сложные – осложнённые (с *инфинитным* сказуемым зависимой части) предложения.

В зависимости от финитности / инфинитности предикатов ППК принято различать *бифинитные конструкции*, в которых сказуемые ГПЕ и ЗПЕ выражены финитными глагольными формами, и *монофинитные конструкции*, в которых присутствует только один финитный предикат, обозначающий главное действие, инфинитный же предикат используется для наименования зависимого действия.

Для связи компонентов в рамках ППК используются:

1) *аналитические средства*, которые могут быть представлены лексическими компонентами (союзами, местоимениями, частицами);

2) *синтетические средства*, включающие только морфологические компоненты (показатель инфинитной формы, падежный или посессивный суффикс). Здесь же выделяется подтип *аналитико-синтетических* средств, имеющих базовый морфологический компонент и лексический компонент в виде послелога или частицы [Черемисина, Колосова 1987: 109–136].

Данная классификация средств связи была построена при исследовании тюркских языков, где выделяются СПП синтетического, аналитиче-

ского и комбинированного типов [Поцелуевский 1943: 30], и от них перенята Е. И. Убрятовой [1976: 19–20]. Для обозначения формальных средств, применяемых для связи двух ПЕ в полипредикативное целое, вводится понятие *скрепы* [Черемисина, Колосова 1987: 136], которое объединяет синтетические и аналитические показатели.

Специфические механизмы подчинения ПЕ отмечались исследователями уральских и алтайских языков начиная с конца XIX в.: финского [Сетэля 1890], эвенкийского [Василевич 1948] и тюркских [Гаджиева 1958] языков. Как «склонение предложений» данный факт был впервые интерпретирован Н. И. Фельдман для падежных суффиксов японского языка [1952]. Е. И. Убрятова на материале якутского языка показала, что глагольные формы, а именно причастия, принимают падежные суффиксы, так как они являются сказуемыми зависимого предложения в СПП. Механизм, регулирующий использование падежных форм при построении разных типов ППК, Е. И. Убрятова назвала *предикативным склонением* [Убрятова 1976]. Смысл термина *предикативное склонение* заключается в том, что по падежам изменяются не сами инфинитные формы, а зависимые предикативные единицы (ЗПЕ). Показатель падежа указывает на определенный тип отношений, который устанавливается между главной (ГПЕ) и зависимой предикативными единицами.

Предикативное склонение причастий представляет собою «закономерное продолжение и развитие механизмов агглютинации на одном из самых верхних ярусов языковой системы» [Предикативное склонение... 1984: 5]. Для связи ПЕ в составе ППК используется механизм, аналогичный склонению именных частей речи в простом предложении (ПП). Суффиксы падежей, встраиваясь в инфинитную форму глагола, структурно и семантически принадлежат ЗПЕ, т. е. предикативное склонение понимается как «склонение предикативных единиц, но морфологически оно осуществляется через склонение причастных сказуемых» [Предикативное склонение... 1984: 16]. В системе предикативного склонения посессивные суффиксы инфинитного предиката обозначают лицо и число субъекта ЗПЕ.

Выработанный Е. И. Убрятовой подход оказался продуктивным для описания ППК других агглютинативных языков. Исследованиями сложного предложения этих языков руководила доктор филологических наук, профессор Майя Ивановна Черемисина – выдающийся учёный, крупнейший специалист по общему языкознанию и языкам Сибири [Черемисина 1980; 1981а; 1981б; 1982; 1987; 1988; 2006; и др.]. Под ее руководством, а также ее последователями были выполнены исследования ППК в языках разных систем в едином теоретическом ключе:

- тюркских: алтайский [Филистович 1991; Тыбыкова Л.Н. 1989; Тыбыкова А.Т., Тыбыкова Л.Н., Черемисина М.И. 2013], тувинский [Шамина 1987, 2001], хакасский [Абумова 2002, Боргоякова 1987]; казахский в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири [Тажибаева 2001];
- монгольских: бурятский [Скрибник 1988, 1998, 2007];
- тунгусо-маньчжурских: эвенкийский [Бродская 1988; Горелова 1980], орокский [Озолина 2007]; удэгейский [Трофимова 2007]; ульчский и нанайский [Герасимова 2006];
- чукотско-корякских: алюторский, корякский и чукотский [Мальцева 1994, 2011, 2012];
- самодийских: нганасанский [Коваленко 1988], селькупский [Мартынова 1993], ненецкий [Буркова 2003; Кошкарева 2004, 2005; Ерченко 2007];
- финно-угорских: хантыйский [Ковган 1991; Кошкарева 1991, 2006, 2007а, 2007б], мансийский [Скрибник 1990, 1995].

В финской грамматической традиции включённые в состав основного предложения конструкции, которые не имеют формы предложений, но по своему содержанию равнозначны предложениям, принято называть *эквивалентами предложений* (фин. *lauseenvastikkeet*). *Эквиваленты предложений* рассматриваются во всех финских грамматиках [Сетэля 1890; Siro 1964; Hakulinen 1968; Ikola 1974; Hakulinen, Karlsson 1979; Hakulinen et al. 2004]. Обязательным признаком существования в предложении конструкции, эквивалентной двусоставному предложению, является наличие при именной форме глагола специально выраженной субъектной части. Эквивалентами предложений являются все конструкции, в которых при именной форме глагола имеется субъектный генитив, большинство конструкций с притяжательным суффиксом при именной форме глагола, конструкции с номинативом или партитивом в качестве субъектной части при именной форме глагола [Братчикова 2010; Дубровина 1977: 69; Томмола 1998: 350–370; 2004: 223–258; 2009: 515–566; Трефилова 2002: 64–70].

В нашей работе высказывания всех исследуемых языков, в которых представлено более одного предиката, рассматриваются как ППК – независимо от полноты / неполноты предикативного узла ЗПЕ.

В основу описания ППК положен структурно-семантический подход: классификация моделей, объединение их в группы опирается на признаки формального сходства; семантика выявленных моделей описывается с опорой на семантическую классификацию сложного предложения русского языка, представленную В. А. Белошапковой в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г.

§3. Глагольная система вепсского языка

Структура синтаксических конструкций любого языка – как моно-, так и полипредикативных – определяется глагольной системой и набором грамматических категорий.

Традиционно общая глагольная система делится на две подсистемы – финитных (или конечных, личных, спрягаемых) и инфинитных (неконечных, неличных, неспрягаемых) форм. Финитные формы признаются собственно глагольными и формируют свободную предикацию, инфинитные – «гибридными», сочетающими в себе признаки глагола с признаками именных частей речи: прилагательных (причастия), наречий (деепричастия) или существительных (инфинитивы, имена действия, масдары).

В данном параграфе дается краткая характеристика грамматических категорий финитных и нефинитных форм глагола вепсского языка, определяющих особенности структуры синтаксических конструкций.

1. Финитные формы вепсского глагола и их синтаксические функции

Система финитных форм глагола формируется взаимодействием таких категорий, как наклонение (модальность), время, лицо, число, аспект. Это универсальные категории глагола, действующие во всех языках, обладающие собственной спецификой.

В единстве предикативных категорий финитная форма глагола передает разные ситуации действительности, т. е. на финитных формах лежит основная нагрузка по выполнению коммуникативных функций предложения. Событие всегда представлено относительно участников (лицо и число), момента речи (время), факта реальности / нереальности / достоверности (наклонение), способа протекания действия (аспект).

В вепсском языке финитным формам глагола свойственны все названные выше категории. Финитная подсистема вепсского глагола подробно описана в монографии Н. Г. Зайцевой «Вепсский глагол» [Зайцева Н.Г. 2002], а также в «Грамматике вепсского языка» М. И. Зайцевой [Зайцева М.И. 1981]. Представим здесь кратко сведения, существенные для темы нашего исследования.

Категория наклонения обозначает отношение процесса к действительности. Система оппозиций наклонений в вепсском языке четырехчленна:

- 1) индикатив (изъявительное наклонение);
- 2) кондиционал (условное наклонение);

3) потенциал (возможностное наклонение);

4) императив (повелительное наклонение).

Внутри этой системы вычленяется бинарная оппозиция: индикатив, обозначающий реальность действия, противопоставляется трём остальным наклонениям – кондиционалу, потенциалу и императиву, передающим нереальность описываемого события. Семантическое противопоставление получает формальное выражение: кондиционал, потенциал и императив имеют специальные показатели, а форма индикатива специально не маркирована. Показателем кондиционала является суффикс *-iž(i)-* и *-nuiž(i)-* / *-danui(ž)-* / *-tanui(ž)-*: *sü=iži=n* ‘я (съ)ел бы’ – *sö=nuiži=n* ‘я съел бы’, *sö=danuiž=Ø* ‘они съели бы’.

Форма потенциала образуется при помощи форманта *-ne* / *-dane* / *-tane*: *voi=ne=n* ‘если, возможно, я смогу’, *voi=dane=Ø* ‘если, возможно, они смогут’. В грамматике вепсского языка М. И. Зайцева выделяет потенциал, поясняя: «Потенциал употребляется в вепсском языке довольно редко, причём неравномерно по диалектам» [Зайцева М. И. 1981: 260]. В монографии по вепсскому глаголу Н. Г. Зайцева делает вывод о том, что «в настоящее время потенциал уже не может быть признанным как функционирующее наклонение» [Зайцева Н. Г. 2002: 159]. В фольклорных текстах северновепсского диалекта Н. Г. Зайцевой обнаружены единичные примеры форм потенциала, наличие которых она объясняет влиянием карельского языка. Исследователь карельского языка П. М. Зайков также отмечает, что «из прибалтийско-финских языков возможностное наклонение, или потенциал, является живой грамматической категорией, главным образом, в финском и карельском языках. Существование форм потенциала в северновепсском диалекте является, вероятно, результатом влияния на него ливвиковского наречия» [Зайков 2000: 246]. В сибирском и пондальском говорах средневепсского диалекта потенциал не зафиксирован, его значение передаётся формой кондиционала.

Показателем императива является суффикс *-k(a)-* / *-g(a)-*: *lapsod, tö išt=ka=d kodiš i varasta=ga=d* ‘дети, сидите дома и ждите’. Историки языка полагают, что формант *-k-*, входящий в состав данного суффикса, идентичен суффиксу презенса, который сохранился в вепсском языке в отрицательных формах мн. ч. презенса на *-koi* / *-goi* (*em teh=koi* ‘мы не сделаем’, *ed tul=goi* ‘вы не придёте’); названный суффикс являлся общим для презенса и императива и ранее объединял их [Серебренников 1963: 142; Основы 1975: 83; Collinder 1965: 131; Nakulinen 1979: 244; цит. по: Зайцева Н. Г. 2002: 121].

Категория времени обозначает отношение процесса к моменту речи. В вепсском языке различается четыре времени. Презенс и имперфект обра-

зуются синтетически, перфект и плюсквамперфект – аналитически. Презенс не имеет формального выражения, показателем имперфекта является суффикс *-i*: *tulo=n* ‘я приду’, *tul=i=n* ‘я пришёл’; *sö=b* ‘он (съ)ест’, *sü=i* ‘он (съ)ел’.

Перфект и плюсквамперфект образуются при помощи вспомогательного глагола *olda* ‘быть’ в личных формах презенса и имперфекта и II-го активного причастия: *olo=n tui=nu* ‘я пришёл’ (букв. ‘я есть пришедший’), *ol=i=n tui=nu* ‘я пришёл’ (букв. ‘я был пришедший’). В пондальском и сибирском говорах сложные времена употребляются редко. Под влиянием русского языка вспомогательный глагол часто опускается, поэтому не всегда ясно, что перед нами – перфект, плюсквамперфект или причастие в роли предикатива: *pert* Ø *pestut* ‘дом убран’, *lava* Ø *krasidut* ‘пол покрашен’.

Все формы времени имеет индикатив:

(1) ср.-вепсск. сибирск.

Mö kutnuuzom, göm čajun. [Сердцова А. С., д. Мардай, 2010 г.]

mö kut nuuzo=**m** gö=**m** čajun=**n**
мы как вставить=**Pr/3Pl** пить=**Pr/1Pl** чай=**ACC/Sg**

‘Как только встаём, пьём чай.’

(2) север.-вепсск.

Mina kudin, mise milei pamat oli hüvä. [Зайцева Н. Г. 2002: 82]

mina kud=**i=n** mise mile=Ø=**i** pamat=Ø
я ткать=**IMPF=1Sg** потому что я=**ADESS=1Sg** память=**NOM**
ol=**i=Ø** hüvä
быть=**IMPF=3Sg** хороший

‘Я ткала, потому что у меня память была хорошая.’

(3) север.-вепсск.

Kulnu olen dōktid vei mida ajetaze. [Зайцева Н. Г. 2002: 107]

kul=**nu** ole=**n** dōkti=**d** vei mi=**da** aje=**taze**
слышать=**PP** быть=**Pr/1Sg** дёготь=**PART** или что=**PART** ехать=**Pr/3Pl**

‘Слышала я, что за дёгтем или ещё за чем едут.’

(4) ср.-вепсск. войлахт.

Kola tuli, ka hö gö uidnudod oliba. [Зайцева Н. Г. 2002: 119]

Kola tul=**i=Ø** ka hö gö uid=**nudod** ol=**i=ba**
Коля прийти=**IMPF=1Sg** так они уже уйти=**PP/Pl** быть=**IMPF=3Pl**

‘Коля пришёл, так они уже ушли.’

Для кондиционала характерны презенс, перфект (простой и сложный) и плюсквамперфект:

(5) ср.-вепсск. куйск.

Mina tedaižin ka paromba sanuižin. [Зайцева Н. Г. 2002: 143]

mina teda=iži=n ka paro=mba sanu=iži=n
я знать=COND_{pr}=1Sg так лучше=COMP сказать=COND_{pr}=1Sg
'Если бы я знал, так лучше бы сказал.'

(6) ср.-вепсск. сибирск.

Vastnuižin hänt, ku hän pakinuiž. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

vast=nuiži=n hän=t ku hän paki=nuiž=Ø
встретить=COND_{perf}=1Sg он=PART если он просить=COND_{perf}=3Sg
'Я встретил бы его, если бы он просил.'

(7) ср.-вепсск. войлахт.

A küdno ii uuniž uunudod ningižed pitkad, ka mina en pöugastuniž. [Зайцева Н. Г. 2002: 157]

a kü=dno ii uun=iž uu=nudo=d ningiže=d
а змея=NOM/Pl не3 быть=COND есть=PP/3Pl=NOM такой=NOM/Pl
pitka=d ka mina en pöugastun=iž
большой=NOM/Pl то я не1 испугаться=COND_{pr}
'А змеи-то если бы не были такими большими, так я бы не так испугалась.'

Категория аспекта. Глагол в вепсском языке, как и в других родственных языках, передает количественные характеристики действия. Морфологически выражаются оппозиции «повторность / однократность», «продолжительность / кратковременность и мгновенность». Эти видовые оттенки значения глагола передаются преимущественно с помощью суффиксов. К суффиксам видовой направленности относятся: суффиксы кратковременности, мгновенности *-ahta-*, *-alda-*, *-aida-*, *-ni-*; многократности, повторяемости, продолжительности *-el-* / *-ele-*, *-skele-*, *-sken-*, *-ske-*.

Категория лица и числа обозначает отношение действия к его исполнителю. Исполнителем глагольного действия может быть 1-е, 2-е или 3-е л. ед. или мн. ч. Показатели лица / числа в индикативе, кондиционале и императиве приводятся в Приложении № 3.

Финитные глаголы выполняют в предложении функцию сказуемого. Сказуемое – синтаксическая позиция, выражающая предикативность. По количеству компонентов выделяют простое и составное сказуемое, по морфологической природе главного компонента – глагольное и именное.

В простых сказуемых выражаются грамматические значения времени, лица, числа, наклонения, которые опираются на морфологическую парадигму глагола; в составных сказуемых выражаются модусные смыслы (модальность, фазовость, эмотивность, оценочность).

Составные глагольные сказуемые содержат полужнаменательные связки (*voida* 'мочь', *tahtoda* 'хотеть'; *zaottja* 'начать', *vaumita* 'кончить';

navettja ‘любить’; *hiivä* ‘хорошо’, *hondoin* ‘плохо’), конкретизирующие основное значение в аспекте модальности, фазовости, эмотивности, оценочности и выполняющие грамматическую функцию.

Составные именные сказуемые могут иметь разные типы связок: незначательную (*olda* ‘быть’), полузначательную или значательную (*lāžda* ‘лежать’, *siišta* ‘стоять’, *tuuda* ‘прийти’); смысловое значение передаёт лексический компонент.

В глагольных сказуемых смысловый компонент выражен личной формой глагола или инфинитивом, в именных сказуемых – именной частью речи, а также причастием.

Простое глагольное сказуемое выражается спрягаемой формой знаменательного глагола. Собственно морфологические значения выражаются преимущественно синтетически, т. е. в пределах словоформы:

(8) ср.-вепсск. сибирск.

Tedme mužik astub, hän mecas elab. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008]

te=dme	mužik=Ø	astu= b	hän	meca=s	ela= b
дорога=PROLAT	мужик=NOM	идти= Pr/3Sg	он	лес=INESS	жить= Pr/3Sg

‘По дороге идёт мужик, он в лесу живёт.’

(9) ср.-вепсск. пондал.

Iče mō siloi radoim, tapoim da. [Зайцева Н. Г. 2002: 82]

iče	mō	siloi	rado= i=m	tapo= i=m
сами	мы	тогда	работать= IMPF=1Pl	молотить= IMPF=1Pl

‘Мы тогда сами работали, молотили.’

Примеры аналитических форм простых глагольных сказуемых со сложными временами:

(10) север.-вепсск.

En teda ken om sōnu vain. [Lonin R., Šokša 2000.]

en	teda=Ø	ken	om=Ø	sō= nu	vai=n
he1Sg	знать=Pr	кто	быть =Pr/3Sg	съесть= PP/Sg	масло=ACC

‘Не знаю, кто съел масло.’

(11) ср.-вепсск.

Hän muštlī, miše järvehe oli libunu sur lainiž. [Kodima, 1998, №10]

hän	muštlī= i=Ø	miše	järve=he	ol= i=Ø
он	вспоминать= IMPF=3Sg	что	озеро=ILLAT	быть = IMPF=3Sg
libu= nu	sur	lainiž=Ø		
подняться= PP	большая	волна=NOM		

‘Он вспоминал, что тогда на озере поднялась большая волна.’

Составное глагольное сказуемое образуется аналитически: лексическое и грамматическое значения выражаются разными компонентами. Лексическое значение передает I-й инфинитив с показателем *-da / -ta*, который является основным смысловым компонентом сказуемого. Он обозначает само действие без указания на его отношение к действительности. Грамматические значения лица, числа, времени, а также некоторые особенности протекания действия и отношение к нему субъекта выражает вспомогательный компонент – полужнаменательная связка, например:

а) фазовые: *zaotta* ‘начинать’, *hiita* ‘прекращать’:

(12) ср.-вепсск. сибирск.

Hän iče zaodi sanuda, mida ozaitihe mecas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

<i>hän</i>	<i>iče</i>	zaod =i=Ø	<i>sanu</i> = da	<i>mida</i>	<i>oza</i> =i=tihe
он	сам	начать =IMPF=3Sg	рассказывать= INF ₁	что	случиться=IMPF=3Pl
<i>meca</i> =s					
лес=INESS					

‘Он сам начал рассказывать, что случилось в лесу.’

б) модальные: *tari(ž)* ‘должен, надо, следует’, *voida* ‘мочь’, *elgeta* ‘уметь’:

(13) ср.-вепсск. сибирск.

Kudai mina en kidasta, nikelle ii tari ambta. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

<i>kudai</i>	<i>mina</i>	<i>en</i>	<i>kidasta</i> =Ø	<i>nike</i> =lle	<i>ii</i>	tari	<i>amb</i> = ta
пока	я	не1Sg	кричать=Pr	никто=ALLAT	не3Sg	надо	стрелять= INF ₁

‘Пока я не крикну, никому не надо стрелять.’

(14) ср.-вепсск. сибирск.

Konz mina voin'abutada sini, mina abutin'. [Сердцова А. С., г. Ангарск, 2007 г.]

<i>konz</i>	<i>mina</i>	vo =i=n'	<i>abuta</i> = da	<i>sini</i> =Ø	<i>mina</i>
когда	я	мочь =IMPF=1Sg	помогать= INF ₁	ты=ALLAT	я
<i>abut</i> =i=n'					
помогать=IMPF=1Sg					

‘Когда я могла помогать тебе, я помогала.’

Составное именное сказуемое состоит из глагола-связки и именной части, которая может выражаться существительным, прилагательным (полным и кратким), наречием, причастием и др.:

(15) ср.-вепсск. сибирск.

Süu aigau hän oli vüuki lapson. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

sü=u aiga=u hän ol=i=Ø vüuki lapso=n
то=ADESS время=ADESS он быть=IMPF=1Sg ещё ребёнок=ESSIV
'В то время он был ещё ребёнком.'

(16) ср.-вепсск. сибирск.

Konz ristit om nor', hän nimida ii varaida. [Сердцова А. С., г. Ангарск, 2008 г.]

konz ristit=Ø om nor' hän nimida
когда человек=NOM естьPr/3Sg молодой он ничего
ii varaida=Ø
не3Sg бояться=Pr
'Когда человек молод, он ничего не боится.'

(17) ср.-вепсск. сибирск.

Mam oli toroptüid i voiktu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

mam=Ø ol=i=Ø torop=tüd i voik=tu
мама=NOM быть=IMPF=3Sg испугать=PP_{pass} и заплакать=PP_{pass}
'Мама была испуганная и заплаканная.'

(18) ср.-вепсск. сибирск.

Pert oli mödut amu. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2006 г.]

pert=Ø ol=i=Ø mö=dut amu
дом=NOM быть=IMPF=3Sg продать=PP_{pass} давно
'Дом был продан давно.'

В роли связки могут выступать:

– незначаменательный глагол *olda* 'быть';

– полузначаменательные глаголы: *tehta* 'стать, становиться', *voida* 'мочь', *tari* 'надо', *ottakso* 'взяться', *staraitakso* 'стараться', *varaita* 'бояться', *navettä* 'любить';

– значаменательные полнозначные глаголы: *käuda* 'ходить', *lähta* 'уйти', *joksta* 'бегать'. Например:

(19) ср.-вепсск. сибирск.

Konz mö uüim toiželo randalo, gäd'm' oli vüuki vahv. [Медникова Е. И., г. Ангарск, 2009 г.]

konz mö uü=i=m toiže=lo randalo
когда мы переправляться=IMPF=1Pl другой=ALLAT сторона=ALLAT
gäd'm'=Ø ol=i=Ø vüuki vahv
лёд=NOM быть=IMPF=3Sg ещё крепкий
'Когда мы переправлялись на ту сторону, лёд был ещё крепкий.'

(20) ср.-вепсск. сибирск.

Hän tegihe les'kän, konz lapsod vüuki ii käunugoi školaha. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2006 г.]

<i>hän</i>	teg =ihe=Ø	les'kä=n	<i>konz</i>	<i>lapso=d</i>	<i>vüuki</i>
она	стать=IMPF=3Sg	вдова=ESSIV	когда	ребёнок=NOM/Pl	ещё
<i>ii</i>	<i>käu=nu=goi</i>	<i>škola=ha</i>			
не3	ходить=PP=IMPF/3Pl	школа=ILLAT			

‘Она стала вдовой, когда дети ещё не ходили в школу.’

(21) ср.-вепсск. сибирск.

Konz päivad tegesoi lämäd, mö käum kül'btäksöimha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

<i>konz</i>	<i>päiva=d</i>	tege =soi	lämä =d	<i>mö</i>	<i>käu=m</i>
когда	день=NOM/Pl	становиться=Pr3Pl/REFL	тёплый=Pl	мы	ходить=Pr1Pl
<i>kül'btäk=soi=m=ha</i>					
купаться=Pr3Pl/REFL=INF ₃ =ILLAT					

‘Когда дни становятся тёплыми, мы ходим купаться.’

Финитные сказуемые организуют предикативный центр в простых предложениях, в главной части сложноподчиненных предложений, в частях сложносочиненных и бессоюзных предложений – и это их единственная функция. При их помощи строятся законченные, независимые высказывания.

Инфинитные формы тоже могут выступать в роли независимых сказуемых в предложении, но это не является их основной синтаксической функцией. Например:

(22) ср.-вепсск. сибирск.

Tuuda vihmalo. [Сердцова А. С., г. Ангарск, 2008 г.]

<i>tuu=da</i>	<i>vihma=lo</i>
быть=INF ₁	дождь=ALLAT

‘Быть дождю!’

(23) ср.-вепсск. шимоз.

Olon tuinu. [Зайцева М. И. 1981: 255]

<i>olo=n</i>	<i>tui=nu</i>
есть (быть)=1Sg	прийти=PP/Sg

букв: Я есть пришедший.

‘Я пришёл.’

2. Инфинитные формы вепсского глагола и их синтаксические функции

Противопоставление финитных и инфинитных форм сказуемых напрямую связано с важными структурными различиями в строе предложения в языках разных систем.

Особенно отчётливо проявляется противопоставление финитных и инфинитных форм сказуемых в сфере полипредикативного предложения, когда требуется сказать о событии в связи с другим событием.

Для нашего исследования важно разграничить функции финитных и инфинитных форм глагола в предложении, на основе которых различаются и противопоставляются два типа предикации – независимая и зависимая. В вепсском языке, как и в других языках, у финитных форм только одно назначение: они выступают в предложениях всегда в одной и той же синтаксической роли независимых сказуемых. Функции же инфинитных форм в предложении сводятся к двум типам. Один из них связан с участием инфинитных форм в выражении сказуемости в простом предложении. Второй тип функций связан с выражением зависимого, дополнительного, второстепенного сказуемого – вершины зависимой части в разных ППК. В соответствии с функцией первого типа, инфинитная форма может выступать как простое сказуемое или являться знаменательным компонентом составного сказуемого. Второй тип функций связан с объединением в сложном или осложнённом предложении двух или более сообщений, по-разному связанных между собой: посредством установления логических связей между событиями (диктум-диктумные отношения: временные, причинные, условные, уступительные, целевые и др.); посредством установления отношений тождества предметов, участвующих в двух ситуациях (релятивные отношения); посредством установления отношений изъяснительного (модус-диктумного) типа, при которых ситуация, описанная с помощью инфинитной формы, содержит субъективную интерпретацию другого события, восполняет недостаточность сильно управляющего глагола в составе ГПЕ.

К инфинитным формам глагола в вепсском языке относятся инфинитивы и причастия.

2.1. Инфинитивы

Инфинитивами в финской лингвистической традиции называют отглагольные существительные с определёнными показателями формы и определёнными падежными суффиксами. В разных языках их насчитывают от двух до пяти. Формируя зависимый предикативный узел, инфинитивы служат для передачи того или иного отношения между событиями, выраженными предикативными частями, средством связи при этом выступают падежные показатели.

Вепсские инфинитивы – это полифункциональные конвербы, образовавшиеся на основе косвенных падежей отглагольных имён. Своё происхождение инфинитивы берут от отглагольных имён, употребляющихся в функции обстоятельств в форме того или иного падежа [Itkonen 1966: 286–287; цит по: Дубровина 1972а: 6].

Инфинитивы совмещают в себе признаки глагола и имени существительного. К именным признакам относится изменение по падежам: *hän om rada=ma=s* [Tv=INF₃=INESS] ‘он на работе’, *tuli rada=ma=späi* [Tv=INF₃=ELAT] ‘он пришёл с работы’, *äii rad=ma=ha* [Tv=INF₃=ILLAT] ‘поехал работать’. К признакам глагола относится способность инфинитивов выступать в функции зависимого сказуемого и иметь при себе субъект, объект и обстоятельства. Однако у инфинитивов, в отличие от финитных форм глагола, отсутствуют глагольные категории лица, времени, наклонения.

В вепсском языке выделяют три инфинитива [Зайцева М.И. 1981: 270].

I-й инфинитив принят за словарную форму глагола, он является функциональным аналогом инфинитива в индоевропейских языках. Как и другие инфинитивы, первоначально он являлся формой латива с показателем *-da / -ta* отглагольного имени со значением длительной локализации действия. Первичными функциями этой формы могли быть только обстоятельственные и определительные. После утраты лативного суффикса форма на *-da / -ta* стала восприниматься как неделимая и приобрела субъектно-объектные функции. I-й инфинитив обозначает действие вне его отнесённости к лицу, времени, наклонению. На синхронном уровне показателем I-го инфинитива является суффикс *-da / -ta*: *te=da* ‘знать’, *maht=ta* ‘уметь’.

Показателем **II-го инфинитива** служит суффикс *-do / -to, -de / -te*. К нему присоединяется показатель инессива *-s (-š)*⁶, например: *pan=do=s* ‘кладя’, *torop=te=s* ‘в испуге, испугавшись’, *sö=do=s* ‘во время еды’,

⁶ Показатель *-š* употребляется после основы на *-i*.

läž=do=s ‘во время болезни’. II-й инфинитив в инессиве обозначает действие, которое происходит одновременно с действием основного глагола или указывает на цель действия.

В работе Л. Кеттунена [Kettunen 1943: 492–493; цит. по: Зайцева М.И. 1981: 270] выделена форма II-го инфинитива с падежным показателем инструктива *-n*: *sö=de=n söb* ‘поедом ест’, *ongita=de=n* ‘на удочку, удя’. И. В. Бродский также выделяет инструктивную форму II-го инфинитива: *astta* ‘идти’ – *astten* ‘идя’, *hüpta* ‘прыгать’ – *hüpten* ‘прыгая’ [Бродский 2008: 147]. II-й инфинитив в инструктиве обозначает, каким образом происходит основное действие. В сибирском и пондальском говорах инструктивная форма II-го инфинитива не зафиксирована, значение образа действия передаётся инессивной формой II-го инфинитива. В шимозёрских говорах М. И. Зайцева также таких форм не обнаружила [Зайцева М.И. 1981: 270].

Употребление формы II-го инфинитива не обусловлено ни типами основных предложений, ни лексико-семантическими группами слов, выступающих в основном предложении.

III-й инфинитив с показателем *-ma / -mä* может принимать несколько падежных аффиксов:

– инессива *-s*: *olin' nit=ma=s* ‘был на покосе’; данная форма служит для выражения действия, протекание которого относится говорящим к какому-то конкретному времени или месту, употребляется с бытийными, акциональными предикатами;

– иллатива *-ha*: *läksi nit=ma=ha* ‘он пошёл косить’; эта форма употребляется для выражения цели действия и сочетается с каузативными глаголами и глаголами движения;

– элатива *-späi / -špäi*⁷: *tule eigemba nit=ma=späi* ‘приди с покоса пораньше’; употребляется для передачи действия, которое субъект прекращает выполнять;

– абессива *-ta*: *ištun sö=mä=ta* ‘сiju без еды’; форма обозначает событие, без которого совершается действие основного глагола [Зайцева М.И. 1981: 271];

– адессива *-l*: *rata pajata=ma=l* ‘работать с песнями’ [Бродский 2008: 127].

III-й инфинитив, в отличие от II-го, сочетается только с определёнными лексико-семантическими группами глаголов, которым свойственно управление вступительными падежами существительных – иллативом или аллативом, а также присоединение других обстоятельств места, отвечаю-

⁷ Показатель *-špäi* употребляется после основы на *-i*.

щих на вопрос *куда? во что?* В подавляющем большинстве случаев это глаголы движения: *mānda* ‘пойти’, *tuuda* ‘прийти’, *lähtta* ‘пойти, уйти’, *göksta* ‘бежать’, *ajada* ‘ехать’, *libuda* ‘встать’ и т. п., реже – бытийные и каузальные глаголы: *uuda* ‘быть, находиться’, *opeta* ‘учить’, *pakita* ‘просить’ и т. п.

Кроме перечисленных выше трёх инфинитивов, в вепсском языке неравномерно по диалектам встречаются формы на *-mine*, использующиеся с двумя падежами:

– с номинативом для обозначения действия, которое необходимо совершить, например: *om tap=mine* ‘нужно молотить’;

– с партитивом *-d / -t*: *iile tap=miš=t* ‘не нужно молотить’ для выражения действия, которое не следует совершать. В финском языке подобные формы относят к IV-му инфинитиву, так как они употребительны и регулярны. В вепсском языке формы на *-mine* встречаются только в южном диалекте. В шимозёрском говоре они очень редки [Зайцева М.И. 1981: 272], в пондальском и сибирском говорах средневепсского диалекта вепсского языка они вообще не отмечены, обычно на месте такой конструкции употребляется сочетание слова *tariž* ‘нужно’ и I-го инфинитива: *tariž tap=ta* ‘нужно молотить’.

Основными падежами, участвующими в организации ЗПЕ с инфинитивами, являются инессив и иллатив – внутренне-местные падежи.

Инессив – падеж нахождения и состояния, соответствует русскому предложному падежу и отвечает на вопрос *где?*

В именном склонении инессив обозначает место действия или нахождения: внутри чего-либо, кого-либо (*pä=s* ‘в голове’, *perti=š* ‘в доме’); в чьём-либо доме или в каком-либо месте (*tata=s* ‘в доме отца’, *raffa=s* ‘в народе’, *Piteri=š* ‘в Питере’). Кроме того, инессив указывает на время протекания действия: *ö=s ii magadand* ‘ночью не спал’, *keza=s pertin paniba* ‘в течение лета (за лето) дом построили’ [Зайцева М.И. 1981: 181].

В предикативном склонении показатель инессива, присоединяясь к инфинитивам, передаёт одновременность или назначение предмета (с каузативными глаголами).

Местонахождение и одновременность объединяются на основании признака статичности, вписывания чего-либо в границы определенного пространства или в определенные временные рамки. «Лето» – ограниченный в своем течении промежуток времени, аналогично и в предикативном склонении: процесс ходьбы ограничивает течение действия в ГПЕ, ср.: *keza=s* ‘за лето’, *ast=to=s* ‘когда шёл, во время ходьбы’:

(24) ср.-вепсск. сибирск.

Asttos lüzin kolcaižen. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

ast=**to**=s lüz=i=n kolcaiže=n
идти=**INF**₂=**INESS** найти=**IMPF**=1Sg кольцо=**ACC**/Sg

Букв: Во время ходьбы я нашёл кольцо.

‘Когда я шёл, нашёл кольцо.’

(25) ср.-вепсск. пондал.

Asttos rüugaiž gaugan. [Зайцева, Муллонен 1972: 35]

ast=**to**=s rüugaiž=Ø gauga=n
идти=**INF**₂=**INESS** вывихнуть=**IMPF**/3Sg нога=**ACC**/Sg

Букв: Во время ходьбы он вывихнул ногу.

‘Когда шёл, он вывихнул ногу.’

На базе временного значения развилось целевое. Что-либо, ограниченное местом и временем, может иметь назначение или цель:

(26) ср.-вепсск. сибирск.

Neco luzik medon södos. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

нeco luzik=Ø medo=n sö=**do**=s
эта ложка=**NOM** мёд=**GEN** есть=**INF**₂=**INESS**

‘Эта ложка для еды мёда.’

(27) ср.-вепсск. сибирск.

Neco luzik söda mezi. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

нeco luzik=Ø sö=**da** mezi=Ø
эта ложка=**NOM** есть=**INF**₁ мёд=**NOM**

‘Это ложка, чтобы мёд есть.’

Иллатив – направительный падеж, соответствует русскому винительному в этом значении, отвечает на вопросы *куда? во что?*

Иллатив в именном склонении указывает на место, предмет, лицо, внутрь которого или к которому направлено действие или движение: *otta käde=he* ‘взять в руку’, *kacta ikna=ha* ‘смотреть в окно’, *läks tat=ha* ‘пошёл в дом отца’.

Кроме того, иллатив может обозначать предмет, который приобретается, собирается: *tulin liib=ha* ‘я пришёл за хлебом’, *otin vüug=ha* ‘взял в долг’; предмет, на который что-либо покупается или обменивается: *vaehtin vazan lehm=ha* ‘я обменял телёнка на корову’; место работы, вид деятельности: *poigan otiba soudatoi=he* ‘сына взяли в армию’ [Зайцева М.И. 1981: 182].

В предикативном склонении показатель иллатива, присоединяясь к III-му инфинитиву, передаёт отношение цели. Направление и цель объединяются на основании динамического пространственного отношения –

направления к конечной точке движения. Это соотносится с грамматической метафорой: движение к конечной точке осмысливается как цель:

(28) ср.-вепсск. сибирск.

Tat vii poigan opendamhakso. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

tat=Ø vi=i=Ø poiga=n учиться=INF₃=ILLAT=REFL
отец=NOM отправить=IMPF=3Sg сын=ACC/Sg openda=m=ha=kso
'Отец отправил сына учиться.' (> чтобы сын учился)

Элатив – внутренне-местный отделительный (исходный) падеж, соответствует русскому родительному в этом значении, отвечает на вопрос *откуда?*

Элатив в именном склонении указывает на место действия или нахождения, из которого исходит движение, «изнутри чего-л., кого-л.»: *pada=späi* 'из горшка', *kädo=späi* 'из руки', *käzi=špäi* 'из рук'.

Другие значения элатива следующие: исход из какого-либо действия или состояния (*poig tuli soudatoi=špäi* 'сын пришёл из армии'), время действия (*kezas=späi süguzohesai* 'с лета до осени'), материал или предмет, из которого что-л. сделано (*kive=späi tehtud* 'сделан из камня'), причина действия или состояния (*vilu=späi säroidab* 'дрожит от холода') [Зайцева М.И. 1981: 197–198].

В предикативном склонении элатив формирует конструкции со значением прекращения действия, ухода от какой-либо деятельности. Из этого значения, как логически соотнесённое с ним, развилось значение причины:

(29) ср.-вепсск.

Lekar keldab läžujad prihašt külbmaspäi. [Бродский 2008: 127]

lekar kelda=b läžuja=d prihašt=t
врач запретить=Pr/3Sg больной=PART мальчик=PART
külb=ma=späi
купаться=INF₃=ELLAT

'Врач запретил больному мальчику купаться.'

Иллатив, инессив и элатив по общему для них локальному значению объединяются в группу внутренне-местных падежей и используются для обозначения конкретного активного действия, к которому кто-то приступает, которое выполняет или которое перестаёт выполнять: *äii openda=m=ha=kso* 'он поехал учиться'; *oli openda=ma=s* 'был на учёбе'; *tuli openda=ma=späi* 'приехал с учёбы' [Зайцева М.И. 1981: 271].

В сибирском говоре употребление III-го инфинитива в локальном значении устойчиво связано с иллативной формой – начинательности действия с определённой целью. Все девять информантов, с которыми я рабо-

тала в Иркутской области, предложение ‘он поехал учиться’ переводили с III-м инфинитивом в иллативе: *äii openda=m=ha=kso* ‘он поехал учиться’ (учиться=INF₃=ILLAT=REFL). Но в предложениях ‘был на учёбе’ и ‘приехал с учёбы’ восемь из девяти информантов переводили именным член без показателя III-го инфинитива, а именно отглагольным существительным в инессиве и элативе соответственно: *oli opendus=s* (учёба=INESS ‘был на учёбе’) вместо возможной *oli openda=ma=s* ‘был на учёбе’ (учить=INF₃=INESS ‘был на учёбе’); *tuli opendus=späi* (учёба=ELAT ‘приехал с учёбы’) вместо *tuli openda=ma=späi* ‘приехал с учёбы’ (учить=INF₃=ELAT ‘приехал с учёбы’). По-видимому, предлог в русском переводе имеет определяющее значение при выборе формы – с предлогом могут употребляться только существительные.

Адессив – внешне-местный падеж нахождения. В именном склонении указывает на место, предмет, лицо, у которого или на котором что-либо или кто-либо находится или совершается: *lavo=u* ‘на полу’, *hāno=u* ‘у него’. Кроме того, слова в форме адессива могут обозначать средства, орудия или способ действия, субъект действия: *avoita avadimu=u* ‘открыть ключом’, *hiiri=l⁸södud havad* ‘мышами поеденный мешок’ [Зайцева М.И. 1981: 183].

В предикативном склонении показатель адессива, присоединяясь к III-му инфинитиву, передаёт значение способа, образа действия, при котором осуществляется главное событие:

(30) ср.-вепсск.

Sigoid kazvatamal eläm. [Бродский 2008: 127]

sigo=i=d	kazvata=ma=l	elä=m
свинья=Pl=PART	выращивать=INF ₃ =ADESS	жить=Pr/1Pl
‘Мы живём выращиванием свиней.’		

Таким образом, местные падежи послужили базой для создания средств выражения сложных отношений между двумя событиями. Инессив в именном склонении обозначает место и время, в предикативном – время и цель; иллатив в именном – направление (вступительное), в предикативном – цель; элатив в именном – направление (исходное), в предикативном – причина; адессив в именном – место, образ действия, в предикативном – образ, способ действия.

Абессив имеет одно значение – указывает на отсутствие, лишение кого-либо, чего-либо, на нахождение вне кого-либо, чего-либо: *sinu=ta en latho kodihe* ‘без тебя не пойду домой’ [Зайцева М. И. 1981: 185].

⁸ Показатель -l употребляется после основы на -i.

(31) ср.-вепсск.

Nece prihäine tegeb kodiradod ani radmata. [Бродский 2008: 127]

nece	prihäine=Ø	tege=b	kodi=rado=d	ani
этот	мальчик=NOM	делать=Pr/3Sg	дом=работа=PART	совсем
rad= ma = ta				
работа=INF ₃ =ABESS				

‘Этот мальчик делает домашнее задание совсем без труда.’

Единообразие грамматического оформления однотипных отношений, выражаемых членами простого предложения и предикативными формами в составе ППК, является отличительным признаком синтаксического механизма зависимой предикации.

Инфинитивы выполняют следующие функции:

1) в простом предложении они выступают в качестве лексического компонента аналитических конструкций, самостоятельного предиката предложений со значением долженствования и вопросительных предложений;

2) в ППК инфинитивы используются в качестве предиката ЗПЕ и формируют конструкции обстоятельственной и изъяснительной семантики.

2.2. Причастия

Как и инфинитивы, причастия совмещают в себе признаки глагола и имени – существительного и прилагательного.

Глагольными признаками у причастий являются:

1) формы актива и пассива, употребляющиеся в составе аналитических временных форм: перфекта индикатива – *olon teh=nu* ‘я сделал’, плюсквамперфекта индикатива – *olin teh=nu* ‘я сделал’, кондиционала – *oliizhin teh=nu* ‘я сделал бы’;

2) значение времени – законченности / незаконченности действия: *teg=ii* ‘делающий’, *teh=nu* ‘сделавший’, *teh=tud* ‘сделанный’;

3) наличие возвратных форм: *teh=nu* ‘сделавший’ – *teh=nu=s* ‘сделавшийся’;

4) способность участвовать в выражении зависимой предикации.

К именным признакам относятся:

1) формы именного словоизменения – падежные формы, формы числа: *magat=oi laps* ‘спящий ребёнок’ – *magat=oj=an lapson* ‘спящего ребёнка’ – *nell magat=oi=d lapsid* ‘четверо спящих детей’ – *magat=oj=au lapsou* ‘у спящего ребёнка’;

2) функция определения.

В вепсском языке три причастия [Зайцева М. И. 1981: 272–275].

I-е причастие актива образуется присоединением суффикса *-ii / -oi* к гласному основы презенса: *teg=ii* ‘делающий’, *rad=oi* ‘работающий’. Причастия на *-ii / -oi* обозначают признак незаконченного действия и, подобно имени прилагательному, выступают в предложении в роли определения, согласующегося с определяемым словом. В изолированном употреблении субстантивируются.

II-е причастие актива обозначает законченное действие. Образуется присоединением суффикса *-nu / -nudo* к гласному основы: *teh=nu* ‘сделавший’, *gõ=nu* ‘выпивший’; *teh=nudod* ‘сделавшие’, *gõ=nudod* ‘выпившие’. Причастия на *-nu* принимают участие в образовании аналитических форм индикатива: перфекта – *olon tuu=nu* ‘я пришёл (пришедший)’, *olomoi tuu=nudo=d* ‘мы пришли (пришедшие)’, плюсквамперфекта – *olin tuu=nu* ‘я был пришедший’, *olimoi tuu=nudo=d* ‘мы были пришедшие’; кондиционала: аналитической формы перфекта – *oliižin tuu=nu* ‘я был бы пришедший’, плюсквамперфекта – *uinuižin tuu=nu* ‘я был бы пришедший (давно)’.

Пассивное причастие выражает признак законченного действия. Показатель пассивного причастия имеет несколько вариантов: *-tut / -tud*, *-dut / -dud*, *-tet*, *-tu*; их выбор зависит от количества слогов в слове, от качества конечного звука основы (гласный, сонорный, не сонорный): *sõ=dut* ‘съеден(ный)’, *pur=dut* ‘укушен(ный)’, *ant=tud* ‘дан(ный)’.

Финский лингвист Э. А. Тункело в «Исторической фонетике вепсского языка» высказал мнение о том, что вепсские и эстонские формы причастия пассива в их синхронном состоянии есть не что иное, как застывшая форма партитива с окончанием *-d* [Tunkelo 1946: 136]. Это не позволяет причастию иметь в языке какие-либо иные словоизменительные формы, поэтому форма причастия пассива остаётся всегда неизменной (цит. по: [Зайцева Н. Г. 2002: 102]). Н. Г. Зайцева разделяет точку зрения Э. А. Тункело: «...форма единственного числа причастия пассива исторически всё-таки являлась партитивом. ...Следует ещё раз вернуться к объяснению происхождения вепсского варианта суффикса причастия пассива *-tud (-dud)*, всё-таки не исключая, возможно, в нём наличия исторически окончания партитива *-d*» [Зайцева Н. Г. 2002: 103].

Поэтому при глоссировании мы будем выделять в показателе пассивного причастия суффикс партитива, например: *ant=tu=d* ‘дан(ный)’ (дать=PP_{pass}=PART).

Пассивные причастия на *-tut / -tud*, *-dut / -dud* участвуют в образовании следующих форм:

- отрицательных форм мн. ч. имперфекта: *emoi tui=det* ‘мы не пришли’;
- пассивных конструкций перфекта индикатива: *ma om ant=tud verhalo narodalo* ‘земля дана переселенцам’;
- плюсквамперфекта индикатива: *ma oli ant=tud verhalo narodalo* ‘земля была дана переселенцам’;
- перфекта кондиционала: *oli=iži=d oige=tud* ‘был бы ты отправлен’;
- плюсквамперфекта кондиционала: *uinu=iži=d oige=tud* ‘был бы ты отправлен (давно)’.

В простом предложении пассивные причастия употребляются в составе именного сказуемого и в роли определения, в ППК выступают в функции зависимого сказуемого.

В зависимой предикации II-е пассивное причастие участвует в построении темпоральных придаточных со значением одновременности – следования:

(32) ср.-вепсск. сибирск.

Lebaitud gälghe longid puhtastim senen. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

lebai=**tu=d** gälghe longi=d puhtast=i=m sene=n
отдохнуть=**PP_{pass}=PART** после обед=**PART** чистить=**IMPF=1Pl** гриб=**ACC**
‘Отдохнув после обеда, чистили грибы.’

(33) ср.-вепсск. сибирск.

Lämbitet vet pezimoiš. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

lämbi=**te=t** ve=t pez=i=moiš
согреть=**PP_{pass}=PART** вода=**PART** помыться=**IMPF=1Pl/REFL**
‘Согрев воды, помылись.’

(34) ср.-вепсск.

Priha ajab kodihe lasttut verkod. [Хамялайнен М. М. 1966: 97]

prihä=Ø ajä=b kodi=he last=**tu=t** verko=**d**
парень=**NOM/Sg** ехать=**Pr/3Sg** дом=**ILLAT** опустить=**PP_{pass}=PART** сеть=**PART**
‘Парень едет домой, опустив сети.’

(35) ср.-вепсск. сибирск.

Prihä ajäb kodihe pästut verkod. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

prihä=Ø ajä=b kodi=he päś=**tu=t** verko=**d**
парень=**NOM/Sg** ехать=**Pr/3Sg** дом=**ILLAT** опустить=**PP_{pass}=PART** сеть=**PART**
‘Парень едет домой, опустив сети.’

Подобные формы причастия на *-tud* в ЗПЕ есть и в родственном вепсскому эстонском языке:

(36) эстонск.

Käed välja sirutatud ruttas onu külalisele vastu. [Успенский 1967: 17]

käe= d	välja siruta= tu=d	rutta=s	onu=Ø
рука= PART/Pl	протянуть= PP_{pass}=PART	поспешить= IMPF/3Sg	дядя= NOM
külalise=le	vastu		
гость= ALLAT/Sg	навстречу		
‘Протянув руки, дядя поспешил навстречу гостю.’			

Мнение Э. А. Тункело о наличии в составе пассивного причастия падежного аффикса партитива является очень важным для нас в свете теории полипредикации, согласно которой падежные показатели, присоединяясь к инфинитивному сказуемому, участвуют в образовании ЗПЕ и формируют определённый тип отношения между нею и ГПЕ. Опираясь на эту точку зрения, можно утверждать, что в вепсском языке причастия тоже участвуют в зависимой предикации, при их помощи выражаются отношения одновременности, в частности значения следования.

§4. Критерии выделения структурных типов полипредикативных конструкций

Структурные типы ППК вепсского языка выделяются на основе следующих критериев:

- 1) способ выражения сказуемого ЗПЕ (финитный глагол или инфинитивная форма);
- 2) характер показателя связи (аналитический или синтетический);
- 3) форма выражения субъекта ЗПЕ;
- 4) порядок следования ГПЕ и ЗПЕ относительно друг друга.

1. Способ выражения сказуемого ЗПЕ

Сказуемым в зависимой части вепсских ППК может быть финитный глагол, и тогда для выражения отношений между частями используются союзы.

В агглютинативных языках в качестве зависимых предикатов выступают нефинитные формы глаголов – инфинитивы и причастия.

Рассмотрим пример.

(37) ср.-вепсск. сибирск.

Lugedos tütren tam nukku. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

luge= do=s	tütre= n	tam=Ø	nukku=b
читать= INF₂=INESS	дочь= GEN	мать= NOM	засыпать= Pr/3Sg

Букв.: Дочь читая, мать засыпает.

‘Во время чтения дочери мать засыпает. > Когда дочь читает, мать засыпает.’

В данном предложении две предикативные части. Главная – *tam nukkub* ‘мать засыпает’ – простое предложение с финитным сказуемым *nukkub* ‘засыпает’; зависимая – *lugedos tütren*, где *lugedos* – инфинитное сказуемое, состоящее из основы глагола *luge=ta* ‘читать’, показателя инфинитной формы *-do* (II-й инфинитив) и суффикса инессива (внутренне-местного падежа) *-s*. Субъект инфинитного сказуемого *tütre=n* ‘дочь=GEN’ принимает форму генитива.

Это предложение *монофинитное* (один финитный глагол в ГПЕ) и *полипредикативное*, потому что представлены два субъекта, два события, которые объединены временным отношением [Черемисина, Колосова 1991: 129].

В предложении нетипичный порядок следования зависимого предиката и субъекта. В темпоральных монофинитных ППК субъект ЗПЕ обычно стоит на первом месте, за ним следует предикат ЗПЕ. По правилам грамматики, установленным создателями младописьменного вепсского языка, субъектный член рекомендуется ставить перед инфинитивом [Бродский 2008: 151], подобно тому, как подлежащее в вепсском предложении чаще всего стоит перед сказуемым. В речи сибирских вепсов такая перестановка достаточно частотна, поэтому для устной речи можно считать её допустимой.

Структуру этого предложения можно представить следующим образом:

$$[N_{\text{GEN}}^S \text{ Tv=INF}_2=\text{INESS}]^{\text{ЗПЕ}} [N_{\text{Nom}}^S \text{ V}_f]^{\text{ГПЕ}}.$$

2. Характер показателя связи между частями ППК

В исконных вепсских ППК показателями связи являются падежные аффиксы, которые встраиваются в словоформу инфинитного сказуемого и сообщают событию ЗПЕ определённый тип отношения (см. пример (37)). Синтетический способ связи частей ППК в настоящее время используется носителями вепсского языка редко. Чаще используются аналитические конструкции, в которых средством связи являются союзы и их функциональные аналоги.

(38) ср.-вепсск. сибирск.

Konz tütar lugeb, tam nukkub. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

konz *tütär*=Ø *luge*=b *tam*=Ø *nukku*=b
когда дочь=NOM читать=Pr/3Sg мать=NOM засыпать=Pr/3Sg
‘Когда дочь читает, мать засыпает.’

3. Стратегии оформления субъекта ЗПЕ в составе ППК

В бифинитных конструкциях подлежащее ЗПЕ выражается именем в форме номинатива (см. пример (38)). При определенных условиях позиция подлежащего может оставаться не заполненной.

В монофинитных ППК возможны три способа выражения зависимого субъекта: именем в форме генитива, посессивной формой личного местоимения или существительного со значением родства, которые находятся в составе ГПЕ, возможно также отсутствие эксплицитно выраженного субъекта.

1. При инфинитивных сказуемых субъект ЗПЕ выражается именем существительным в форме генитива:

$$[N^{S1}_{GEN} \quad Tv=INF]^{ЗПЕ} [N^{S2}_{NOM} \quad Tv=//]^{ГПЕ}$$

(39) ср.-вепсск. пондал.

Maman i tatan rados tütär kacui lapsid. [Прохорова Г. П., Пондала, 2013 г.]

мага=н	i	tata=н	ra=до=с
мать=GEN/Sg	и	отец=GEN/Sg	работать=INF ₂ =INESS
tütär=Ø		kacu=i=Ø	lapsi=d
дочь=NOM/Sg		смотреть=IMPF=3Sg	ребёнок=PART/Pl

Букв: Во время работы матери и отца дочь смотрит за детьми.

‘Когда мать и отец работают, дочь присматривает за детьми.’

(40) ср.-вепсск. пондал.

Tat kulišt poigan voiktes. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

tat=Ø	kulišt=Ø	poiga=н	voik=те=с
отец=NOM/Sg	услышать=IMPF/3Sg	сын=GEN/Sg	плакать=INF ₂ =INESS

Букв.: Отец услышал сына в плаче.

‘Отец услышал, что сын плачет.’

(41) ср.-вепсск. сибирск.

Vätoš lapson mam kiitab longin. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

vä=то=с	lapso=н	mam=Ø
играть=INF ₂ =INESS	ребёнок=GEN/Sg	мать=NOM/Sg
kiita=b	longi=n	
готовить=Pr/3Sg	обед=ACC/Sg	

Букв: Во время игры ребёнка мать готовит обед.

‘Когда ребёнок играет, мать готовит обед.’

2. Субъект ЗПЕ может совпадать с объектом ГПЕ. Если он выражается личным местоимением или существительным со значением родства, то к ним прикрепляется посессивный суффикс:

$$[N^{S1}=NOM \quad Tv=// \quad \{N^{OBJ/S2}=PART=POSS\}^{ГПЕ} [Tv=INF_2=INESS]]^{ЗПЕ}$$

(42) ср.-вепсск. пондал.

Vastšin sindaiž gügedan havadon kandatados. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

vastš=i=n	sin= da =iž	gügeda=n
встретить=IMPF=1Sg	ты= PART = POSS /2Sg	тяжёлый=ACC
havado=n	kandata= do =s	
мешок=ACC	нести= INF ₂ = INESS	

‘Я встретил тебя, когда [ты] нёс тяжёлый мешок.’

(43) ср.-вепсск. пондал.

Vastšin tattain gügedan havadon kandatados. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

vastš=i=n	tat= ta =in	gügeda=n
встретить=IMPF=1Sg	отец= PART = POSS /1Sg	тяжёлый=ACC
havado=n	kandata=do=s	
мешок=ACC	нести= INF ₂ = INESS	

‘Я встретил моего отца, когда [он] нёс тяжёлый мешок.’

Ср. аналогичный пример, в котором субъект ЗПЕ оформлен генитивом:

$$[N^{S1}=\text{NOM} \quad Tv=// \quad \{N^{OBJ/S2}=\text{GEN}\}^{ГПЕ} [Tv=\text{INF}_2=\text{INESS}]]^{ЗПЕ}$$

(44) ср.-вепсск. сибирск.

Vastšin susedan gügedan havadon kandatados. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

vastš=i=n	suseda= n	gügeda=n	havado=n
встретить=IMPF=1Sg	сосед= GEN	тяжёлый=ACC	мешок=ACC
kandata=do=s			
нести= INF ₂ = INESS			

‘Я встретил соседа, когда [он] нёс тяжёлый мешок.’

3. Если субъект неопределенный, то он может эксплицитно не выражаться:

$$[\emptyset^{S1} \quad Tv=\text{INF}_2=\text{INESS}]^{ЗПЕ} [ГПЕ]$$

(45) ср.-вепсск. сибирск.

Kästos kukoi ii pajataška. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

käs= to =s	kukoi= $\emptyset$	ii	pajata=ška
приказывать= INF ₂ = INESS	петух=NOM/Sg	не/3Sg	петь=INCH

Букв.: Приказывая, петух не запоёт.
‘По приказу петух не запоёт.’

(46) ср.-вепсск. сибирск.

Pezatodos variš ii vaugištu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

pezato=**do**=s variš=Ø ii vaugištu=Ø
мыть=**INF**₂=**INESS** ворон=**NOM/Sg** не/**3Sg** побелеть=**Pr/3Sg**

Букв: Моя, ворон не побелеет.

‘Ворон не побелеет от мытья.’

Для описания типов кореферентности, возможных между участниками главного и зависимого действий, важной является оппозиция «моносубъектность / разносубъектность».

Моносубъектными полипредикативными конструкциями (МСК) называются такие построения, которые «характеризуются единым “планом предикцирования”, то есть соотносят оба действия (состояния, признака) с одним и тем же субъектом» [Черемисина 1980: 9].

(47) ср.-вепсск. сибирск.

Prihä libui koivulo sada kaži. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

prihä=Ø libu=i=Ø koivu=lo sa=**da**
мальчик=**NOM/Sg** залезть=**IMPF=3Sg** берёза=**ALLAT/Sg** достать=**INF**₁
kaži=Ø

кошка=**NOM/Sg**

‘Мальчик залез на берёзу достать кошку.’ (мальчик залез, мальчик будет доставать кошку)

Разносубъектными (РСК) называются конструкции, в которых субъекты ЗПЕ и ГПЕ различны [Черемисина 2004: 339–341].

(48) ср.-вепсск. пондал.

Ehtüd margäd hän käui tamadme mecha. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

eh=**tü=d** margä=**d** hän käu=i=Ø mama=dme
созреть=**PP_{pass}=PART** ягода=**PART** он ходить=**IMPF=3Sg** мать=**COM**
mec=ha
лес=**ILLAT**

‘Когда ягоды созрели, он ходил с матерью в лес.’ (ягоды созрели, он ходил)

4. Порядок следования частей

Вепсский язык в целом характеризуется свободным порядком следования частей ППК, однако для отдельных типов конструкций имеются определённые тенденции расположения ЗПЕ относительно ГПЕ.

Наиболее значительное преобладание одного порядка следования над другим наблюдается:

1) в целевых, причинных и изъяснительных конструкциях: 80 % примеров с постпозицией ЗПЕ;

2) в условных и темпоральных: 70 % примеров с препозицией ЗПЕ.

В ППК с I-м инфинитивом зависимая часть передаёт отношение цели и следует за ГПЕ:

[ГПЕ] [Tv=INF₁ N_{NOM/ACC}]

(49) ср.-вепсск. сибирск.

Mina tuliin sanuda udod. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

mina tuli=i=n sanu=**da** udo=d
я прийти=IMPF=1Sg рассказать=INF₁ новость=ACC/Pl
'Я пришёл рассказать новости.'

В ППК со II-м инфинитивом зависимая часть, как правило, предшествует главной. Такая конструкция передаёт одновременность действий ГПЕ и ЗПЕ. Изменение порядка следования частей может быть связано с выражением дополнительных смыслов, которые сопутствуют одновременности (например, значение образа действия), или с актуализацией действия основного глагола: ср. структурные формулы конструкций:

[Tv=INF₂=INESS] [ГПЕ]

(50) ср.-вепсск.

Asttes Timoi söi bananan. [Бродский 2008: 147]

ast=**te**=s Timoi sö=i=Ø banana=n
шагать=INF₂=INESS Тима есть=IMPF=3Sg банан=ACC/Sg
Букв.: Шагая, Тима ел банан.

'Когда Тима шёл, [он] ел банан.'

[ГПЕ] [Tv=INF₂=INESS]

(51) ср.-вепсск.

Segoin tagas tuudos. [Zaitseva M. 2001: 23]

sego=i=n tagas tuu=**do**=s
заблудиться=IMPF=1Sg назад идти=INF₂=INESS

Букв.: Заблудился, назад идя.

‘Я заблудился, когда шёл назад.’

В ППК с III-м инфинитивом зависимая часть всегда располагается в постпозиции по отношению к главной, а компонент в падежной форме III-го инфинитива находится в абсолютном конце предложения:

[ГПЕ] [Tv=INF₃=INESS / ILLAT]

(52) ср.-вепсск.

Hebone om čopak vedamas. [Zaitseva M. 2001: 107]

hebone=Ø om=Ø čopak veda=**ma**=s
конь=NOM/Sg есть=Pr/3Sg крепкий запрягать=INF₃=INESS

‘Конь крепкий, когда запряжён.’

(53) ср.-вепсск. сибирск.

Paukšim pajataid pajatamha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

paukš=i=m pajata=i=d pajata=**m**=**ha**
нанять=IMPF=1Pl певец=Pl=PART петь=INF₃=ILLAT

‘Мы наняли певцов петь.’

(54) ср.-вепсск. сибирск.

Poig pakičeb taman opeta händ lugemaha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

poig=Ø pakiče=b mama=n ope=ta
сын=NOM/Sg просить=Pr/3Sg мать=ACC/Sg научить=INF₁
hän=d luge=**ma**=**ha**
он=PART читать=INF₃=ILLAT

‘Сын просит мать научить его читать.’

5. Аналитические и синтетические полипредикативные конструкции

На основе комплекса перечисленных признаков выделяются два основных структурных типа ППК – *синтетические* и *аналитические*.

Аналитическими называются такие ППК, сказуемые обеих частей которых выражаются финитными формами глагола, т. е. имеют бифинитную структуру, показатель связи – аналитическая скрепа, субъект ЗПЕ выражается номинативом или партитивом, как и субъект ГПЕ.

Синтетическими называются такие ППК, «в которых показатель связи – не отдельное служебное слово, а морфема в составе синтетической

словоформы зависимого сказуемого» [Структурные типы... 1986: 3], т. е. показатель связи синтетический, сказуемое ЗПЕ выражено инфитиной формой глагола, тем самым конструкции являются монофинитными, субъект зависимой части может принимать форму генитива. Здесь же выделяется подтип *аналитико-синтетических* средств, имеющих базовый морфологический компонент и лексический компонент в виде послелога или частицы [Черемисина, Колосова 1987: 109–136]. Последний тип характеризуется использованием и морфологических, и лексических показателей в передаче отношения зависимости между событиями.

Итак, по классификации структурных типов ППК, разработанной Новосибирской синтаксической школой [Структурные типы... 1986], все полипредикативные конструкции могут относиться к трём типам – аналитическому, синтетическому и аналитико-синтетическому. В вепском языке представлены аналитический и синтетический типы, аналитико-синтетическая разновидность не употребляется.

Выводы

Синтаксическая теория, разработанная на материале урало-алтайских языков Сибири, может быть использована при описании вепского языка, также входящего в уральскую языковую семью, в которой действуют синтаксические механизмы, характерные для всех языков данного типа.

Теория полипредикации, разработанная учёными Новосибирской синтаксической школы под руководством д.ф.н., профессора М. И. Черемисиной, основывается на следующих положениях.

1. Все языки можно разделить на два типа по способу организации сложного предложения:

а) аналитический тип: в языках флективного типа устройство СП основано на независимой предикации – с использованием финитных сказуемых и союзов, а также других аналитических показателей связи;

б) синтетический тип: в языках агглютинативного строя зависимая предикация базируется на использовании инфинитных сказуемых в ЗПЕ и морфологических аффиксов, встроенных в структуру словоформы зависимого сказуемого.

2. Полипредикативными являются не только предложения с финитными формами глаголов в обеих частях и аналитическим показателем связи, но и такие, в которых зависимое сказуемое – нефинитная форма, а показатель связи – падежный аффикс.

3. Синтаксический механизм, который позволяет строить ППК с использованием нефинитных сказуемых и падежных показателей, называется

предикативным склонением. Действие *предикативного склонения* проявляется в выражении связи между частями ППК теми же грамматическими средствами, что и между членами простого предложения, а именно: падежными показателями (в некоторых языках падежными показателями и послелогами), которыми оформляется зависимый (причастный или инфинитивный) предикат.

4. Нефинитные сказуемые ЗПЕ могут принимать показатели лица и числа, указывающие на производителя действия, т. е. спрягаются, обладают специфической системой зависимого спряжения. Лично-числовые показатели зависимого сказуемого могут содержать также указание на моно- или разносубъектность конструкции.

5. Субъект ЗПЕ может получить выражение, отличное от выражения субъекта ГПЕ: он может выражаться именами и их субститутами в форме основного, а также косвенных падежей, на лицо и число субъекта указывают также лично-числовые формы зависимого сказуемого.

Глава II

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

В данной главе проводится классификация ППК по формальным признакам – способе связи частей, форме выражения субъекта и предиката в ГПЕ и ЗПЕ и др.

В вепсском языке представлены две структурные разновидности ППК – монофинитные синтетические и бифинитные аналитические. В сибирском и пондальском говорах средневепсского диалекта вепсского языка аналитико-синтетический тип ППК не встретился. Аналитический тип конструкций является преобладающим как в языке сибирских, так и европейских вепсов, хотя исконными в уральских языках являются синтетические конструкции. В описываемых говорах они употребляются не так часто, как аналитические, но, как показало исследование, синтетический тип вепсских ППК – это живой, продуктивный, значимый тип. Кроме того, именно синтетические конструкции составляют специфику и своеобразие вепсского языка.

§1. Монофинитные синтетические ППК

Данный раздел посвящен описанию структурных типов ППК в вепсском языке в сопоставлении с другими прибалтийско-финскими языками, прежде всего – финским, на материале которого эти конструкции описаны подробнее всего.

1. Монофинитные синтетические ППК в вепсском языке

В вепсском языке зависимые предикативные части (в финской лингвистической традиции для их обозначения используется термин «эквиваленты предложений») могут оформляться с помощью двух стратегий – инфинитивной и причастной.

1.1. Инфинитивные ППК в вепсском языке

В вепсском языке три инфинитивные формы (I-й инфинитив на *-da / -ta*, II-й – на *-dos / -tos* и III-й – на *-ma / -mä*), которые могут создавать в предложении зависимый центр предикации. Это значит, что они должны соотноситься с некоторым субъектом.

Финский лингвист П. Сиро вывел закон соотнесённости, согласно которому «квазипредикат относящегося к глаголу грамматического обстоятельства в интранзитивном предложении указывает на субъект, а в транзитивном предложении на прямой объект» [Siro 1964: 28; цит. по: Дубровина 1972б: 31]. З. М. Дубровина применила этот закон к конструкциям с инфинитивами и причастиями [Дубровина 1972а, 1972б]. «Отличительная особенность инфинитивных и причастных конструкций, подчиняющихся закону соотнесённости, состоит в том, что инфинитивы или причастия в них обязательно имеют логическую соотнесённость либо с подлежащим, либо с прямым дополнением основного глагола, которое одновременно обозначает субъект, объект или какое-либо обстоятельство действия, выраженного инфинитивом или причастием» [Дубровина 1975: 92].

Таким образом, если глагол основной предикации непереходный, то зависимый предикат соотносится с субъектом главного действия, а если переходный, то инфинитивное сказуемое соотносится с объектом. От того, является ли соотносимый актант субъектом или не-субъектом зависимой предикации, зависит выбор инфинитивной формы.

Закон соотнесённости П. Сиро соблюдается в других прибалтийско-финских языках: водском, эстонском, вепсском, карельском.

На примере целевых монофинитных ППК в водском языке Т. Б. Агранат показала возможные условия распределения инфинитивных форм:

– использование формы на *-a / -ä* (I-й инфинитив) для абстрактного названия действия и на *-ma / -mä* (II-й инфинитив) – в качестве супина [Агранат 1997];

– коммуникативная задача, в соответствии с которой выбирается та или другая отглагольная форма [Агранат 2002].

Общее правило для прибалтийско-финских языков таково: выбор инфинитивной формы зависит от того, является ли соотносимый актант субъектом или не-субъектом зависимой предикации. Если актант ГПЕ, логически соотносимый с зависимым предикатом, является субъектом ЗПЕ, то употребляется форма на *-ma*; а если не-субъектом, то форма на *-da*.

В вепсском языке оппозиция инфинитивов трёхчленна. Выбор инфинитивной формы в конструкциях с предикатным актантом диктуется ролью одного из актантов как в ЗПЕ, так и в ГПЕ.

Т. Б. Агранат формулирует для вепсского языка следующее правило:

1) если соотносимый актант является не-агентом обеих предикаций, то употребляется форма на *-da / -ta*;

2) если субъект ГПЕ является также субъектом ЗПЕ, то используется форма на *-ma*;

3) если не-агент ГПЕ является агентом ЗПЕ, используется форма на *-dos / -tos*.

Если в ГПЕ и ЗПЕ кореферентны два актанта, один из которых выполняет в зависимой предикации роль агенса, а другой – не-агенса, выбор инфинитивной формы осуществляется по коммуникативному статусу агенса. Если коммуникативный статус выше у агенса, употребляется форма III-го инфинитива на *-ma*, если у не-агенса – форма на *-da* [Агранат 2009: 24].

1.1.1. ППК с I-м инфинитивом в вепсском языке

I-й инфинитив на *-da / -ta* выступает в роли зависимого сказуемого в целевых ППК. Выражение действия как цели является исконной функцией инфинитива во многих языках разных систем. Сочетаясь с глаголами определённых лексико-семантических групп, I-й инфинитив образует зависимый центр предикации, например:

– с глаголами движения:

(55) ср.-вепсск. сибирск.

Mina tulin rikta sigan. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2012 г.]

mina	tul=i=n	rik=ta	sig=n
я	прийти=IMPF=1Sg	забивать=INF ₁	свинья=ACC/Sg

‘Я пришёл забивать свинью.’

– с каузативными глаголами:

(56) ср.-вепсск. сибирск.

Tat käsk vallästäda hebon. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2012 г.]

tat=Ø	käsk=Ø	vallästä=da	hebo=n
отец=NOM/Sg	велеть=IMPF/3Sg	запрячь=INF ₁	конь=ACC/Sg

‘Отец велел запрячь коня.’

В качестве подлежащего или прямого дополнения выступают имена существительные, обозначающие предметы или пространственно-временные представления, которые находятся в логической связи с инфинитивом, называющим:

а) назначение предмета:

(57) ср.-вепсск. сибирск.

Tatau ii lenu dengiid antta vüughazo. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

tata=u ii lenu dengi=i=d ant=**ta**
отец=ADESS не/3 быть=IMPF/3Sg деньги=Pl=NOM давать=**INF**₁
vüug=hazo
долг=ILLAT

‘У отца не было денег давать в долг.’

(58) ср.-вепсск. сибирск.

Ulotui sijäd elada kaikile ühtes. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

ulotu=i=Ø sijä=d ela=**da** kaik=i=le ühtes
хватать=IMPF=3Sg место=PART жить=**INF**₁ весь=Pl=ALLAT вместе

‘Хватало места жить всем вместе.’

б) цель действия основного глагола:

(59) ср.-вепсск. сибирск.

Pördihe otta rahod. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

pördi=he ot=**ta** raho=d
вернуться=IMPF/3Sg/REFL взять=**INF**₁ деньги=ACC/Pl

‘Вернулся взять деньги.’

(60) ср.-вепсск. пондал.

Pani pertin elada kaikile ühtes. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

pan=i=Ø perti=n ela=**da** kaik=i=le ühtes
поставить=IMPF=3Sg дом=ACC/Sg жить=**INF**₁ весь=Pl=ALLAT вместе

‘Построил дом жить всем вместе.’

В монофинитных целевых конструкциях инфинитив на *-da* употребляется в следующих случаях:

а) если инфинитив обозначает абстрактное действие:

(61) ср.-вепсск. сибирск.

Mina pakičîn prihäižen varastada. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

mina pakič=i=n prihäiže=**n** varasta=**da**
я просить=IMPF=1Sg мальчик=ACC/Sg подождать=**INF**₁

‘Я просила мальчика подождать.’

б) если соотносимый актант является не-агентом обеих предикаций (существительное *liib* ‘хлеб’ в составе ГПЕ и ЗПЕ выполняет роль объекта):

(62) ср.-вепсск. сибирск.

Pašta liibad miniin söda. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

pašta=Ø	liiba= d	mini=Ø=in	sö= da
испечь=IMPER/2Sg	хлеб= PART	я=ALLAT=1Sg	поесть= INF₁

‘Испеки хлеба, [чтобы] мне поесть.’

в) если коммуникативный статус у соотносимого актанта (не-агенса) выше, чем у агенса («я»):

(63) ср.-вепсск. сибирск.

Miniin tariž negl omböuda riig. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

mini=Ø=in	tariž	negl=Ø	omböu= da	riig=Ø
я=ALLAT=1Sg	нужен	игла=NOM	зашить= INF₁	дырка=NOM

‘Мне нужна игла, [чтобы] зашить дырку.’

Акцент в этом предложении сфокусирован на актанте ‘игла’: подразумевается смысл ‘Мне нужна **игла**, которой зашивают дырки’, событие «я собираюсь зашивать дырку» не актуализировано.

Если поднять статус агенса в данном предложении и акцентировать внимание на действии говорящего (‘Мне нужна игла, **я** буду зашивать дырку’), то изменится форма инфинитива:

(64) ср.-вепсск. сибирск.

Miniin tariž negl omböumaha riig. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

mini=Ø=in	tariž	negl=Ø	omböu= ma=ha
я=ALLAT=1Sg	нужен	игла=NOM	зашить= INF₃=ILLAT

riig=Ø
дырка=NOM

‘Мне нужна игла, [чтобы] зашить дырку.’

В водском языке наблюдается аналогичная картина:

(65) водск.

Miil riäb nigl ötmölä. [Агранат 2002: 61]

miil=Ø	riä=b	niġl=Ø	ömmö= лля
я=ADESS	долженствовать=3Sg	игла=GEN	шить= INF₁

‘Мне нужна игла, [чтобы] шить.’

(‘Мне нужна такая **игла**, которой шьют.’)

(66) водск.

Mill piäb nigl ömmömä. [Агранат 2002: 61]

милл=Ø piä=b nigl=Ø ömmö=**mä**
я=ADESS долженствовать=3Sg игла=GEN шить=INF₂

‘Мне нужна игла, [чтобы] шить.’

(‘Мне нужна игла, чтобы **я** шил’).

ППК с I-м инфинитивом в ЗПЕ могут быть моносубъектными и раз-
носубъектными.

1) Моносубъектные ППК. В моносубъектных ППК I-й инфинитив
цели занимает позицию в финальной части конструкции перед прямым до-
полнением:

(67) ср.-вепск.

Mänen susedannoks pakita kirvez. [Бродский 2008: 137]

mäne=n suseda=nnoks paki=**ta** kirvez=Ø
пойти=Pr/1Sg сосед=APROC попросить=INF₁ топор=NOM/Sg

‘Пойду к соседу попросить топор.’

(68) ср.-вепск. сибирск.

Ott konfetoid čisttä lapsid. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

ott=Ø konfeto=i=d čist=**tä** laps=i=d
взять=IMPF3Sg конфета=Pl=PART угостить=INF₁ ребёнок=Pl=ACC

‘Взял конфет угостить детей.’

Структура конструкции имеет вид:

$$[N_{\text{NOM}}^S \ V_f^{\text{Mot/Act}}]_{\text{ГПЕ}} \ [Tv=\text{INF}_1 \ N_{\text{NOM/ACC}}]_{\text{ЗПЕ}}$$

2) Разносубъектные ППК.

(69) ср.-вепск. сибирск.

Mam poigalo ii käske naida. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

mam=Ø poiga=**lo** ii käske=Ø nai=**da**
мать=NOM/Sg сын=ALLAT не/3 велеть=Pr/3Sg жениться=INF₁

‘Мать не велит сыну жениться.’

> Мать не велит сыну, чтобы он женился.

(70) ср.-вепск. сибирск.

Läumain lind käzil tabata. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

läumain lind=Ø käz=i=l taba=**ta**
трудный птица=NOM/Sg рука=Pl=ADESS поймать=INF₁

Букв.: Трудна птица руками поймать.

‘Птицу трудно поймать руками.’

В разносубъектных конструкциях I-й инфинитив, как правило, завершает конструкцию. Структурная схема имеет вид:

$$[N_{\text{NOM}}^{S1} V_f^{\text{Mot/Act}}]^{\text{ГПЕ}} [N_{\text{ACC/ALLAT/}\emptyset}^{S2} T_v=\text{INF}_1]^{\text{ЗПЕ}}$$

1.1.2. ППК со II-м инфинитивом в вепском языке

В вепском языке ППК со II-м инфинитивом на *-dos / -tos* (см. с. 47–48) используются для выражения временных отношений – общей временной соотнесенности (ОВС) и одновременности, цели и образа действия.

Обычно II-й инфинитив располагается в препозиции по отношению к главной части, когда передаёт временное отношение между частями ППК. «Второй инфинитив *времени* предшествует тому члену предложения, к которому относится. При этом дополнения, относящиеся ко II-му инфинитиву, ему также предшествуют» [Бродский 2008: 147]:

(71) ср.-вепск.

Kartohkoid osttes, mam meleti, kut oliba kallištunuded kaik sōndtavarad.

[Бродский 2008: 147]

kartohkoi=d	ost= te =s	mam=∅	melet=i=∅
картошка=PART/Pl	покупать=INF ₂ =INESS	мать=NOM/Sg	думать=IMPF=3Sg
kut oli=ba	kallištu=nude=d	kaik	sōndtavara=d
как быть=IMPF=3Pl	подорожать=PP=NOM/Pl	весь	продукт=NOM/Pl

‘Покупая картошку, мать думала, как подорожали все продукты.’

Структура конструкции имеет вид:

$$[T_v=\text{INF}_2=\text{INESS}] [\text{ГПЕ}].$$

Конструкция со II-м инфинитивом относится к главной части в целом, а не к какому-либо из её членов. Поэтому связь этой конструкции с главной частью свободная.

Значение ОВС передаёт «факт временной соотнесённости» [Грамматика 1970: 728], при котором события описываются как соположенные во времени, но характер временной связи между ними не конкретизируется:

(72) ср.-вепск. сибирск.

Sōdos ištās vaikte. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2006 г.]

sö=**do**=s iš=tas vaikte
 есть=**INF**₂=**INESS** сидеть=**Pr**/3Pl молча
 ‘Когда едят, сидят молча.’

(73) ср.-вепсск.

Ehtau išttes viritadas säresen. [Zaitseva M. 2001: 111]

ehtau išt=**te**=s virita=das särese=n
 вечером сидеть=**INF**₂=**INESS** зажигать=**Pr**/3Pl лучина=**ACC**/Sg
 ‘Когда сидят вечером, зажигают лучину.’

Конструкции с отношениями одновременности выражают совпадение во времени двух событий, обозначенных предикативными частями:

МСК:

(74) ср.-вепсск. сибирск.

Hüptes katkaiž gäugan. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2010 г.]

hüp=**te**=s katkaiž=Ø gäuga=n
 прыгать=**INF**₂=**INESS** сломать=**IMPF**/3Sg нога=**ACC**/Sg
 ‘Прыгая, сломал ногу.’

РСК:

(75) ср.-вепсск. сибирск.

Pagižtes sindaižme mašin tuli. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

pagiž=**te**=s sin=da=iž=me mašin=Ø
 разговаривать=**INF**₂=**INESS** ты=**PART**=2Sg=**KOM** машина=**NOM**/Sg
 tul=i=Ø
 прийти=**IMPF**=3Sg
 ‘Пока мы с тобой разговаривали, пришла машина.’

По закону соотнесённости на субъект инфинитного предиката указывает объект основного глагола:

(76) ср.-вепсск.

Nägin' händas gogelo mändos. [Зайцева М. И. 1981: 270]

näg=i=n' hän=**da**=s goge=lo män=**do**=s
 видеть=**IMPF**=1Sg он=**PART**=**POSS**/3Sg река=**ALLAT**/Sg идти=**INF**₂=**INESS**
 Букв: Я видел его идущим на реку.
 ‘Я видел его, когда [он] шёл на реку.’

На фоне отношения одновременности развивается значение образа действия: действие ЗПЕ характеризует не столько одновременность с действием ГПЕ, сколько образ протекания последнего:

(77) ср.-вепсск. сибирск.

Ongitados sai äja kalad. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

ongita= do =s	sa=i=Ø	äja	kala=d
удить= INF ₂ = INESS	наловить= IMPF =3Sg	много	рыба= PART

‘Ловя удочкой, он поймал много рыбы.’

Временные отношения между инессивной формой II-го инфинитива и ГПЕ могут осложняться оттенком условия, если в главной части действие обращено в план будущего, но в большей степени оно определяется контекстом:

(78) ср.-вепсск. сибирск.

Tegedos muga putud gorähä. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

tege= do =s	muga	putu=d	gorä=hä
делать= INF ₂ = INESS	так	попасть= Pr /2Sg	беда= ILLAT /Sg

Букв: Делая так, попадёшь в беду.
‘Если [будешь] так делать, попадёшь в беду.’

Инессивная форма II-го инфинитива используется и для передачи целевого отношения. Она употребляется, если в главной части – акциональный предикат, а инфинитивная форма называет конкретное, определённое действие. Судя по примерам, имеющимся в картотеке, II-й инфинитив в инессиве служит скорее для передачи такой разновидности целевого отношения, как назначение предмета:

МСК:

(79) ср.-вепсск. сибирск.

Ostin vädr vedon kandištes. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

ost=i=n	vädr=Ø	vedo=n	kandiš= te =s
купить= IMPF =1Sg	ведро= NOM /Sg	вода= ACC /Sg	носить= INF ₂ = INESS

‘Купила ведро, [чтобы] воду носить.’

(80) ср.-вепсск.

Tegem tahthaz pirgoid paštes. [Бродский 2008: 148]

tege=m	tahthaz=Ø	pirgo=i=d	paš= te =s
сделать= Pr /1Pl	тесто= NOM /Sg	пирог= Pl = PART	печь= INF ₂ = INESS

‘Сделаем тесто, [чтобы] печь пироги.’

В этом случае ГПЕ предшествует ЗПЕ. «Второй инфинитив *цели* следует тому члену предложения, к которому относится. При этом дополнения, относящиеся ко II-му инфинитиву, ему предшествуют» [Бродский 2008: 151]. Структурная схема имеет вид:

[ГПЕ] [(N_{PART/ACC}) Tv=INF₂=INESS].

Однако возможен и другой порядок следования частей:

РСК:

(81) ср.-вепсск.

Lapsile vätos tehtas budkad. [Zaitseva M. 2001: 111]

laps=i=le

vä=to=s

teh=tas

budka=d

ребёнок=Pl=ALL

играть=INF₂=INESS

делать=Pr/3Pl

будка=PART/Sg

‘Делают детям будку, чтобы играть.’

1.1.3. ППК с III-м инфинитивом в вепсском языке

III-й инфинитив на *-ta* / *-mä* в вепсском языке может принимать пять падежных показателей: иллатива, инессива, элатива, абессива и адессива (см. с. 48–49). И. В. Бродский не считает конструкции с III-м инфинитивом сложными. «Третий инфинитив ... используется только **в качестве второго компонента так называемых сложных сказуемых**» [Бродский 2008: 125]. Мы полагаем, что они обладают дополнительной предикативностью и формируют полипредикативную конструкцию.

1.1.3.1. ППК с III-м инфинитивом в форме иллатива в вепсском языке

III-й инфинитив в форме иллатива используется для построения конструкций со значением цели. Выбор формы на *-ta* определяется прежде всего характером действия, обозначенного этой формой: оно должно быть определённо и конкретно, а также ролью актантов в ГПЕ и в ЗПЕ.

Возможны моносубъектные и разносубъектные конструкции.

1) Моносубъектные ППК. В МСК III-й инфинитив располагается обычно непосредственно рядом с формой основного глагола, а прямое дополнение завершает конструкцию.

Структура конструкции имеет вид:

[ГПЕ] [Tv=INF₃=ILLAT N_{PART/ACC}]

(82) ср.-вепсск.

Gägam kactaha kinod. [Зайцева М. И. 1981: 271]

gä=ga=m кас=**ma=ha** kino=d
остаться=IMPER=3Pl посмотреть=INF₃=ILLAT кино=PART
‘[Давайте] останемся посмотреть кино.’

(83) ср.-вепсск. пондал.

Vell äii Piterihe ečmäha sizard. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

vell=Ø äi=i=Ø Piteri=he
брат=NOM/Sg поехать=IMPF=3Sg Питер=ILLAT
еč=**mä=ha** sizar=d
искать=INF₃=ILLAT сестру=ACC
‘Брат поехал в Питер искать сестру.’

2) В РСК III-й иллативный инфинитив находится в абсолютном конце конструкции. Структура имеет вид:

$[N^{S1}_{NOM} V_f] [N^{S2}_{PART/ACC} Tv=INF_3=ILLAT].$

(84) ср.-вепсск. сибирск.

Uk openz händ voruimaha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

uk=Ø openz=Ø hän=d vorui=**ma=ha**
старик=NOM/Sg учить=IMPF/3Sg он=PART воровать=INF₃=ILLAT
‘Старик учил его воровать.’ (учил его, чтобы он воровал)

(85) ср.-вепсск.

Baboi openzi tütärt pirgoid pašmaha. [Бродский 2008: 130]

baboi=Ø openz=i=Ø tütär=t pirgo=i=d
бабушка=NOM/Sg научить=IMPF=3Sg дочь=ACC/Pl пироги=Pl=PART
pašt=**ma=ha**
печь=INF₃=ILLAT
‘Бабушка научила дочь печь пироги.’

ППК с III-м инфинитивом в форме иллатива – самые распространённые как в речи сибирских, так и в речи пондальских вепсов.

1.1.3.2. ППК с III-м инфинитивом в форме инессива в вепсском языке

В падежной форме инессива III-й инфинитив отмечен в темпоральных МСК, в которых именное сказуемое главной части передает значение характеристики: главная часть содержит указание на признаки или свойства субъекта, проявление которых относится либо к какому-то конкрет-

ному времени, либо ограничено определенными условиями, названными в зависимой части. Например:

(86) ср.-вепсск.

Akaine om hotk kargeidamas. [Zaitseva M. 2001: 107]

akaine	om=∅	hotk	kargeida= ma=s
женщина	быть=Pr/3Sg	удалая	плясать= INF₃=INESS

‘Женщина удалая, когда пляшет.’

(87) ср.-вепсск.

Hebone om čopak vedamas. [Zaitseva M. 2001: 107]

hebone=∅	om=∅	čopak	veda= ma=s
конь=NOM/Sg	есть=Pr/3Sg	крепкий	запрягать= INF₃=INESS

‘Конь крепкий, когда запряжён.’

(88) ср.-вепсск. сибирск.

Hän pagižliu humauhtas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

hän	pagižliu	humau= ma=s
он	разговорчивый	захмелеть= INF₃=INESS

‘Он разговорчивый, когда захмелеет.’

Такие конструкции строятся по схеме:

$$[N^S_{\text{Nom}} (\text{cop}) \text{ ADJ}]^{\text{ГПЕ}} [\text{Tv}=\text{INF}_3=\text{INESS}]^{\text{ЗПЕ}}$$

Инессивная форма III-го инфинитива зафиксирована в разносубъектных изъяснительных конструкциях, ГПЕ которых содержат модусные предикаты:

(89) ср.-вепсск.

Nägin' händast kezerdamas. [Зайцева М.И. 1981: 271]

näg=i=n'	hän=da=st	kezerda= ma=s
видеть=IMPF=1Sg	она=PART=3Sg	прясть= INF₃=INESS

Букв.: Я видел её в прядении.
‘Я видел, как она пряла.’

Такие конструкции имеют схему:

$$[N^{S1}_{\text{NOM}} \text{ V}_f]^{\text{ГПЕ}} [N^{S2}_{\text{PART/ACC}} \text{ Tv}=\text{INF}_3=\text{INESS}]^{\text{ЗПЕ}}$$

В сибирском и пондальском говорах инессивная форма III-го инфинитива в речи не встретилась, но при предъявлении предложений с данной формой информанты понимали их и без труда переводили. В картотеке имеются единичные примеры из «Грамматики вепсского языка» [Зайцева

М.И. 1981], иллюстративный материал которой относится к шимозёрскому говору, ныне исчезнувшему, а также два примера из «Самоучителя вепсского языка» [Бродский 2008].

1.1.3.3. ППК с III-м инфинитивом в форме элатива в вепсском языке

Элативная форма III-го инфинитива употребляется с глаголами, обозначающими уход откуда-либо, удаление от чего-либо, и служит для выражения конкретного активного действия, от совершения которого субъект уклоняется, отказывается или которое он перестаёт совершать.

Элативная форма III-го инфинитива сочетается с теми же глаголами, что и иллативная форма (глаголы движения), либо с противоположными по значению глаголами (*kästtada* ‘велеть’ – с иллативом, *küuta* ‘запрещать’ – с элативом). Она формирует конструкции со значением прекращения, уклонения от какой-либо деятельности, возможно также выражение значения причины:

(90) ср.-вепсск.

Dedoi pördihe külbetin sauvomaspäi. [Бродский 2008: 127]

dedoi=Ø	pördi=he	külbeti=n	sauvo= ma = späi
дед=NOM	вернуться=IMPF/3Sg/REFL	баня=GEN	строить=INF ₃ =ELAT

‘Дед вернулся со строительства бани.’

(91) ср.-вепсск.

Lekar keldab läžujad prihašt külbmaspäi. [Бродский 2008: 127]

lekar	kelda=b	läžuja=d	prihašt=t
врач	запрещать=Pr/3Sg	больной=PART	мальчик=PART

külb=**ma**=**späi**
купаться=INF₃=ELAT

‘Врач запрещает больному мальчику купаться.’

(92) ср.-вепсск. пондал.

Korvad kibištaškanz külbmaspäi. [Морозова М. П., Пондала, 2012 г.]

korva=d	kibišta=škanz	külb= ma = späi
ухо=NOM/Pl	болеть=INCH	купаться=INF ₃ =ELAT

‘Уши заболят от купания.’

(93) ср.-вепсск.

Väzuin astmaspäi. [Бродский 2008: 127]

väzu=i=n	ast= ma = späi
устать=IMPF=1Sg	шагать=INF ₃ =ELAT

‘Я устал от ходьбы.’

Предложения с формой III-го инфинитива в элативе в языке сибирских вепсов не зафиксированы. Встретилось предложение, в котором зависимый предикат представляет собой отглагольное существительное в элативе:

(94) ср.-вепсск. сибирск.

Mam päst händ vellen pestunusospäi . [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

mam	päst=Ø	hän=d	velle=n	pestun= uso = späi
мать	отпустить=IMPF/3Sg	он=PART	брат=GEN	нянчить= N _{АСТ} = ELAT

‘Мать отпустила его от присмотра за братом.’

Существительные могут образовываться от глаголов с помощью суффиксов:

– *-ez* (*-eso-*), *-uz* (*-uso-*) со значением названия действия: *vastuz* ‘встреча’ (от *vastutada* ‘встречать’), *kidastuz* ‘крик’ (от *kidastada* ‘кричать’);

– *-im* (*-ime-*) со значением названия предмета, посредством которого совершается какой-либо вид деятельности: *vidim* ‘трепало’ (от *vidoda* ‘трепать’) и др.

1.1.3.4. ППК с III-м инфинитивом в форме адессива в вепсском языке

Адессивная форма III-го инфинитива чаще формирует моносубъектные конструкции и выражает значение образа действия или дополнительного действия, которое совершается субъектом ГПЕ:

(95) ср.-вепсск.

Pämez opendab radnikoid ozutamal. [Бродский 2008: 127]

pämez	openda=b	radniko=i=d	ozuta= ma = I
руководитель	учить=Pr/3Sg	работник=Pl=PART	показать= INF ₃ = ADESS

‘Руководитель учит работников примером.’

(96) ср.-вепсск.

Uks avaitas kingitint painmal. [Бродский 2008: 127]

uks	avai=tas	kingitin=t	pain= ma = I
дверь	открывать=Pr/3Pl	кнопка=PART	нажать= INF ₃ = ADESS

‘Дверь открывают нажатием кнопки.’

В языке сибирских вепсов предложения с формой III-го инфинитива в адессиве не зарегистрированы. В подобных предложениях употребляются имена существительные в форме адессива (ср. аналогичное положение дел для форм с элативом):

(97) ср.-вепсск. сибирск.

Radou i tegeso pert. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

rado=**u** i tegeso= $\emptyset$ pert= $\emptyset$
работа=**ADESS** и получаться=Pr3Sg/REFL дом=**NOM**
'Работой и дом получается.'

1.1.3.5. ППК с III-м инфинитивом в форме абессива в вепсском языке

Абессив указывает на отсутствие действия. Абессивная форма III-го инфинитива подчиняется обычно основному глаголу (переходному или непереходному) и выражает значение образа или признака действия:

МСК:

(98) ср.-вепсск. сибирск.

Südän hüppi varaidamata. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

südän hüpp= $i=\emptyset$ varaida=**ma=ta**
сердце биться=IMPF/3Sg бояться=**INF₃=ABESS**
'Сердце билось без страха.'

(99) ср.-вепсск. сибирск.

Mö siizuim kubaitamata. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

mö siizu= $i=m$ kubaita=**ma=ta**
мы стоять=IMPF/1Pl двигаться=**INF₃=ABESS**
'Мы стояли неподвижно (без движения, не двигаясь).'

(100) ср.-вепсск.

Mö seižuim likumata. [Бродский 2008: 127]

mö seižu= $i=m$ liku=**ma=ta**
мы стоять=IMPF/1Pl двигаться=**INF₃=ABESS**
'Мы стояли неподвижно (без движения).'

(101) ср.-вепсск.

Hän tegi necon tedmata. [Бродский 2008: 127]

hän teg= $i=\emptyset$ necon ted=**ma=ta**
она сделать=IMPF/3Sg это знать=**INF₃=ABESS**
Букв. Она сделала это без знания.
'Она сделала это нечаянно.'

РСК:

(102) ср.-вепсск. сибирск.

Sömäta - gömäta proidüi päiv. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

sö=mä=ta gö=mä=ta proidü=i=Ø päiv
 есть=INF₃=ABESS пить=INF₃=ABESS пройти=IMPF/3Sg день
 ‘Без еды и без питья прошёл день.’

Обобщим структурные типы сказуемых ЗПЕ в разных говорах средневепского диалекта в Таблице 1.

Таблица 1

Структурные типы сказуемых ЗПЕ в сибирском и пондальском говорах средневепского диалекта веппского языка

Инфинитивы	Сказуемое ЗПЕ	Сибирский говор	Пондальский говор
I-й инфинитив	Tv=INF ₁	+	+
II-й инфинитив	Tv=INF ₂ =INESS	(+)	(+)
III-й инфинитив	Tv=INF ₃ =ILLAT	+	+
	Tv=INF ₃ =INESS	(+)	(+) ⁷
	Tv=INF ₃ =ABESS	+	+
	Tv=INF ₃ =ELAT	–	(+)
	Tv=INF ₃ =ADESS	–	(+) ⁹

Как видно из таблицы 1, I-й инфинитив, III-й инфинитив в иллative и абессиве образуют зависимый центр предикации в ППК, которые довольно активно употребляют в разговорной речи вепсы Сибири и Пондалы. II-й и III-й инфинитивы в инессиве как сказуемые ЗПЕ в составе ППК встречаются в обоих говорах редко. В сибирском говоре они были зарегистрированы только при работе с анкетными материалами, в пондальском, кроме этого, зафиксированы в письменных источниках [Зайцева М.И., Муллонен 1972; Зайцева М.И. 1981; Zaitseva M. 2001].

Различия между говорами касаются использования III-го инфинитива в падежных формах элатива и адессива. В сибирском говоре ППК с данным оформлением ЗПЕ не встретились. В сибирском говоре вместо III-го инфинитива употребляются отглагольные существительные в элативе и

⁹ Знаком (+) отмечены формы, употребление которых зафиксировано в письменных источниках или обнаружено при анкетировании информантов.

адессиве. В пондальском говоре ППК со сказуемым ЗПЕ – III-м инфинитивом в падежных формах элатива и адессива в спонтанной речи не были отмечены, но конструировались некоторыми информантами по предъявленным образцам.

Таким образом, в языке сибирских вепсов предикативное склонение инфинитивов имеет меньшее количество позиций, чем в языке вепсов европейской части, из-за перераспределения функций между инфинитивами и отглагольными именами. Язык пондальских вепсов располагает большим количеством инфинитивных типов сказуемых ЗПЕ.

1.2. Причастные ППК в вепском языке

В вепском языке причастия участвуют в двух типах ППК – определительных и обстоятельственных.

1) В определительных ППК причастия выполняют роль определения к подлежащему или прямому дополнению в составе ГПЕ, образуют с зависимым словом причастный оборот. Причастное определение к косвенному дополнению и обстоятельствам не зафиксировано.

В определительной функции используются все три причастия вепского языка:

– I-е причастие актива:

(103) ср.-вепсск. сибирск.

Ogradas vändajaid lapsod minun velled. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

ograde=s	vändaj= ai =d	lapso=d	minu=n	velle=d
двор=INESS	играть= PrP =Pl	ребёнок=NOM/Pl	мой=GEN	брат=NOM/Pl

‘Играющие во дворе дети – мои братья.’

(104) ср.-вепсск. пондал.

Pajätai pajän mužik üüb gogedme. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

pajät= ai	pajä=n	mužik=Ø	üü=b	goge=dme
петь= PrP	песня=ACC	мужчина=NOM	плыть=Pr/3Sg	река=PROLAT

‘Поющий песню мужчина по реке плывёт.’

– II-е причастие актива:

(105) ср.-вепсск. сибирск.

Eglai ajanudod lapsod gättihe ään sobid. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

eglai	aja= nudod	lapso=d	gät=tihe	ään	sob=i=d
вчера	уехать= PP /Pl	ребёнок=NOM/Pl	оставить=IMPF/3Pl	много	одежда=Pl=PART

‘Вчера уехавшие дети забыли много вещей.’

– пассивное причастие:

(106) ср.-вепсск. пондал.

Omböudud tatau sapkad pidi kaik döröun. [Прохорова Г.П., Пондала, 2013 г.]

omböu=**du=d** tata=u sapka=d pid=i
шить=**PP_{pass}=PART** отец=**ADESS** сапог=**ACC/Pl** носить=**IMPF=3Sg**
kaik döröun=Ø
вся деревня=**NOM**

‘Шитые отцом сапоги носила вся деревня.’

(107) ср.-вепсск. сибирск.

Nägišet öu uni en voi muštta. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

nägiš=**te=t** ö=u uni=Ø en
увидеть=**PP_{pass}=PART** ночью=**ADESS** сон=**NOM** не/1Sg
voi=Ø muš=ta
мочь=**Pr/1Sg** вспомнить=**INF₁**

‘Увиденный ночью сон не могу вспомнить.’

(108) ср.-вепсск. пондал.

Sadud minun dengäd pidi vell. [Прохорова Г. П., Пондала, 2013 г.]

sa=**du=d** minun dengä=d pid=i=Ø
заработать=**PP_{pass}=PART** мои деньги=**PART** истратить=**IMPF=3Sg**
vell=Ø
брат=**NOM**

‘Заработанные мной деньги истратил брат.’

Активные причастия согласуются с определяемым существительным в падеже и в числе. Если они являются определением к субъекту ГПЕ, выраженному именем в форме именительного падежа, то стоят в форме номинатива:

(109) ср.-вепсск. сибирск.

Piteriš elai tütär paksus ajelo so mamha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

Piteri=š ela=i=Ø tütär=Ø paksus ajelo=so
Питер=**INESS** жить=**PrP=NOM** дочь=**NOM** часто ездить=**Pr/3Sg/REFL**
mam=ha
мать=**ILLAT**

‘В Питере живущая дочь часто ездит к матери.’

(110) ср.-вепсск. пондал.

Lüpsnu lehman sizar toi miniin maidod. [Яшев В. К., Пондала, 2012 г.]

lüps=**nu=Ø** lehma=n sizar=Ø to=i=Ø
подоить=**PP=NOM** корова=**ACC** сестра=**NOM** принести=**IMPF=3Sg**
mini=Ø=in maido=d
я=**ALLAT=1Sg** молоко=**PART**

‘Подоившая корову сестра принесла мне молока.’

Если причастие является определением к прямому объекту в составе ГПЕ, то принимает ту же падежную форму:

(111) ср.-вепсск. сибирск.

Muloižed ligoted margäd ii sō niken. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

muloižed ligo=**te=d** margä=**d**
 в прошлом году вымочить=**PP_{pass}=PART** ягода=**PART**
 ii sō=∅ ni=ken
 NEG/3Sg есть=Pr3Sg ни=кто
 ‘В прошлом году вымоченные ягоды никто не ест.’

(112) ср.-вепсск.

Söjad lujas kitiba keitnuzid akoid. [Бродский 2008: 145]

sö=ja=d lujas kit=i=ba keit=nu=zi=d
 есть=PrP=Pl очень хвалить=IMPF=3Pl готовить=**PP=Pl=PART**
 ak=oi=d
 женщина=Pl=PART
 ‘Едоки очень хвалили готовивших женщин.’

Такие конструкции строятся по схеме:

$$[T_v=PP=PART/ACC]^{3ПЕ} [N_{PART/ACC} V_f]^{ГПЕ}.$$

2) В темпоральных ППК со значением следования в роли зависимого сказуемого выступает пассивное причастие с застывшим суффиксом партитива *-d*. Эта конструкция имеет только моносубъектную реализацию:

(113) ср.-вепсск. пондал.

Södut lapsod lähttihe magattaha. [Прохорова Г. П., Пондала, 2013 г.]

sö=**du=t** lapsod lath=tihe magatta=ha
 есть=**PP_{pass}=PART** ребёнок=NOM/Pl пойти=IMPF/3Pl спать=ILLAT
 Букв.: Поев, дети пошли ко сну.
 ‘Поев, дети пошли спать.’

(114) ср.-вепсск.

Jagadut kaks pertid tegimai. [Хамялайнен М. М. 1966: 97]

jaga=**du=t** kaks pert=i=d teg=i=mai
 разделить=**PP_{pass}=PART** два дом=Pl=PART построить=IMPF=1Pl
 ‘Разделившись, мы две избы построили.’

(115) ср.-вепсск.

Homesou nuustet mänimoi kalha. [Хамялайнен М. М. 1966: 97]

homesou nuus=**te=t** män=i=moi kal=ha
 утром пробудиться=**PP_{pass}=PART** идти=IMPF=1Pl рыба=ILLAT
 ‘Вставшие (пробуждённые) утром, мы пошли на рыбалку.’

ЗПЕ находится в препозиции к ГПЕ как предшествующая логически:

[Tv=PP_{pass}=PART] [ГПЕ].

* * *

В вепсском языке сохраняются монофинитные синтетические ППК с инфинитными формами в качестве сказуемых ЗПЕ. В пондальском говоре, а также в других говорах средневепсского диалекта [Бродский 2008; Зайцева М. И. 1972; Хамяляйнен 1966] используется полный набор инфинитных форм вепсского языка, предназначенных для выражения временных, целевых, образа действия и изъяснительных отношений. В сибирском говоре в предикативном склонении также используются три инфинитива и одно причастие, но с меньшим количеством падежей: употребление II-го инфинитива в инструктиве и III-го инфинитива в формах инессива, элатива и адессива не зафиксировано. Инфинитивные формы с падежами, у которых в предикативном склонении значение не переосмыслилось, в сибирском говоре заменяются отглагольными существительными. Отличительной чертой сибирского говора является большая свобода в расстановке компонентов ЗПЕ, тогда как в зависимой части ППК пондальского говора инициальная позиция субъектного члена по отношению к инфинитивной форме более строгая. Функции инфинитных форм в конструкциях сибирского и пондальского говоров совпадают.

Сходным является также малая употребительность в речи монофинитных синтетических ППК. Преобладают аналитические конструкции с союзной связью. Тем не менее исконные конструкции опознаются, понимаются и без труда составляются всеми носителями вепсского языка как в европейской части, так и в Сибири.

В более раннем синхронном срезе употребление монофинитных конструкций можно наблюдать на примере южновепсского диалекта [Kettunen 1920]:

(116) юж.-вепсск.

Ando hänlo mamš veden kandites seglan. [Kettunen 1920: 17]

ando=Ø	hän=lo	mamš=Ø	vede=n
дать=IMPF=3Sg	он=ALLAT	старуха=NOM	вода=GEN
kandi= te =s	segla=n		
носить=INF ₂ =INESS	сито=ACC		

‘Дала ему старуха сито, [чтобы] воду носить.’

(117) юж.-вепсск.

Edes-tagas käudes kaks nedalit proidind. [Kettunen 1920: 90]

edes-tagas	käu= de =s	kaks	nedali=t
вперёд-назад	ходить= INF ₂ = INESS	два	неделя=PART
proidi= nd			
пройти= PP			

Букв.: В хождении туда-сюда прошло две недели.
 ‘Пока ходил туда-сюда, прошло две недели.’

Примеры извлечены из сборника сказок, записанных Л. Кеттуненом у южных вепсов в начале XX века [Kettunen 1920]. Объём сборника составляет 126 страниц, половина из них – переводы на финский язык. В этих текстах монофинитные синтетические ППК встречаются не более 20 раз, причём в преобладающем большинстве случаев это конструкции с целевым значением. Можно сделать вывод, что уже сто лет назад эти конструкции были малочастотны в речи вепсов. По аналогии с ситуацией в южновепском диалекте начала XX в. можно предположить, что и в средневепском диалекте монофинитные синтетические конструкции не были основными при выражении сложной мысли.

В «Образцах вепсской речи» [Зайцева М. И., Муллонен 1969] удалось найти несколько предложений с I-м и III-м инфинитивами в зависимой части, со II-м инфинитивом – ни одного; в «Словаре вепсского языка» [Зайцева М. И., Муллонен 1972] и в «Синтаксисе вепсского языка» [Zaitseva M. 2001] имеются примеры на все типы ППК с инфинитивными предикатами, но как иллюстрации они не дают картины их употребительности.

Таким образом, частотность употребления монофинитных ППК в современных сибирском и пондальском говорах сопоставима с фольклорными данными столетней давности. Соответственно, можно утверждать, что данный фрагмент синтаксической системы вепсского языка отражает консервацию исходных черт.

2. Монофинитные синтетические ППК в финском языке

В финском языке в качестве предикатов ЗПЕ также выступают инфинитивы и причастия.

2.1. Инфинитивные ППК в финском языке

В грамматиках финского языка обычно выделяют пять инфинитивов: I-й инфинитив с показателями *-a / -ä, -da / -dä, -ta / -tä* (краткая форма), а также *-kse* (долгая форма); II-й инфинитив на *-e, -de / -te*; III-й инфинитив на *-ma / -mä*; IV-й инфинитив – на *-minen*; V-й инфинитив – адессивная форма III-го инфинитива с притяжательным суффиксом [Дубровина 1972а: 5]. Однако поскольку последние два инфинитива (четвёртый и пятый) используются исключительно редко, в новой «Большой грамматике финского языка» [Наkulinen et al. 2004: 487] авторы отказались от традиционной нумерации инфинитивов и выделяют всего три инфинитива: *a*-инфинитив (традиционный первый), *e*-инфинитив (традиционный второй) и *ma*-инфинитив (традиционный третий).

В конструкциях с инфинитивами субъект действия ЗПЕ может быть выражен следующими способами:

1) именем в форме генитива в РСК:

(118) финск.

Laoit heiniä laosta, Heiniä hevosen syöä. [Дубровина 1972: 21]¹⁰

lao=i=t	heini=ä	lao=sta	Heini=ä
наложить=IMPF=2Sg	сено=PART	сарай=ELAT/Sg	сено=PART
hevose=n	syö=ä		
конь=GEN/Sg	поесть=INF ₁		

‘Ты наложил сена из сарая, сена коню поесть.’

(> сена, чтобы конь поел)

2) именем в форме партитива:

(119) финск.

Matin herättyä oli Liisa ruvennut riitelemään. [Дубровина 1977: 39]

Matin	herä=tty=ä	ol=i=Ø	Liisa	ruven=nut
Мартин	проснуться=PP _{PASS} =PART	быть=IMPF=3Sg	Лиза	начинать=PP
riitele=mä=än				
спорить=INF ₃ =ILLAT				

‘Когда Мартин проснулся, Лиза стала спорить.’

¹⁰ Глоссирование примеров, извлеченных из цитируемых здесь работ Н. С. Братчиковой [2010], З. М. Дубровиной [1972, 1977], Э. Пялля и др. [1962], П. М. Зайкова [1999] (кроме примеров из работ Т. Б. Агранат и Е. В. Трефиловой), выполнено нами – Г. И.

3) именем в форме номинатива. Субъектная часть в форме номинатива выступает при инструктивной форме II-го инфинитива в оборотах *nominativus absolutus*:

(120) финск.

Muti tarjosi minulle olutta ja suolaisen kalan silmät itkusta punoittaen. [Дубровина 1977: 54]

Muti tarjo=si=Ø minu=lle olut=ta ja suolaise=n
 Мути подать=IMPF=3Sg я=ALLAT пиво=PART и солёный=ACC
 kala=n silmä=t itku=sta punoi=tta=e=n
 рыба=ACC глаз=NOM/Pl плач=ELAT краснеть=PASS=INF₂=INSTR
 ‘Мути подала мне пива и солёную рыбу, [при этом] её глаза были красными от слёз.’

4) притяжательным суффиксом:

а) притяжательным суффиксом, который в МСК присоединяется непосредственно к инфинитиву:

(121) финск.

Maija oli kaunis hymyillessä/än. [Братчикова 2010: 76]

Maija ol=i=Ø kaunis hymyill=e=ssä/än
 Майя быть=IMPF=3Sg красивый улыбаться=INF₂=INESS/3POSS
 ‘Майя была красива, когда улыбалась.’

б) существительным или местоимением в форме аллатива, на который указывает также притяжательный суффикс в РСК:

(122) финск.

On meillä oloista koissa... Tuon sinulle juoaksesi. [Дубровина 1972: 21]

on=Ø mei=lä oloi=sta koi=ssa tuo=n
 быть=Pr/3Sg мы=ADESS пиво=ELAT/Sg дом=INESS/Sg принести=Pr/1Sg
 sinu=lle juo=a=kse=si
 ты=ALLAT пить=INF₁=TRANSL=POSS
 ‘Есть у нас дома пиво, я принесу тебе попить.’
 (> я принесу тебе [его], чтобы ты попил)

(123) финск.

Olisi pitänyt Kaisalta pyytää maitoa porsaalle juoda. [Дубровина 1972: 21]

ol=i=si pitänyt Kaisa=lta pyytä=ä
 быть=IMPF=POSS/3Sg надо Кайса=ABLAT/Sg попросить=INF₁
 maito=a porsaa=lle juo=da
 молоко=PART поросёнок=ALLAT/Sg попить=INF₁
 ‘Надо было попросить у Кайсы молока, [чтобы] попить поросёнку.’

5) отсутствием формально выраженного субъекта ЗПЕ вне определённо-личных или обобщённо-личных предложений:

(124) финск.

Syötäessä tuli viesti. [Братчикова 2010: 77]

syötä=**e**=**ssä** tul=**i**=**Ø** viesti=**Ø**
есть=**INF**₂=**INESS** прийти=**IMPF**=**3Sg** сообщение=**NOM**
Букв.: Во время еды пришло сообщение.
'Когда ели, пришло сообщение.'

Порядок следования частей ППК в финском языке определяется главным образом типом отношения, передаваемым зависимым сказуемым в форме того или иного инфинитива.

Долгая форма I-го инфинитива – целевая, или финальная – обычно стоит в конце главной части и начинается с инфинитива, за которым следуют зависимые от него слова. Такой порядок слов сохраняется и в том случае, если конструкция находится в начале предложения:

(125) финск.

Hän oli kuollut herätäkseen eloon. [Братчикова 2010: 69]

hän ol=**i**=**Ø** kuollut herä=**tä**=**kse**=**en**
он быть=**IMPF**=**3Sg** мёртвый воскреснуть=**INF**₁=**TRANSL**=**POSS**
elo=**on**
жизнь=**ILLAT**
'Он умер, чтобы воскреснуть.'

Конструкция со II-м инфинитивом в форме инессива, передающая чисто временное отношение, обычно стоит в начале, но может стоять и в середине и в конце предложения.

Если временные отношения осложнены другими смысловыми отношениями, порядок следования частей такой конструкции является более обязательным. Конструкция, выражающая добавочное действие, обычно находится в конце предложения.

Всегда в постпозиции находится инфинитивная конструкция, показывающая, как, каким образом происходит действие, выраженное основным глаголом.

2.1.1. ППК с I-м инфинитивом в финском языке

В финском языке I-й инфинитив имеет две формы: краткую, или лативную, с суффиксом *-a* / *-ä*, *-da* / *-dä* и *-ta* / *-tä*, и долгую, или транслативную с показателем транслатива *-kse*, который присоединяется к краткой

форме. В финальных конструкциях краткая и долгая формы I-го инфинитива употребляются для выражения цели действия основного глагола. Долгую форму I-го инфинитива называют целевым инфинитивом, поскольку она всегда выражает цель действия.

В вепсском языке долгая (транслативная) форма I-го инфинитива отсутствует.

Краткая форма I-го инфинитива близка вепсскому и русскому инфинитиву, это собственно инфинитив. Эта форма употребляется в основном с модальными глаголами, обозначающими мыслительно-волевые процессы и эмоциональные переживания субъекта, связанные с выполнением им действия, выраженного инфинитивом. Такие конструкции всегда моносубъектны:

(126) финск.

Asian täytyy ratketa. [Трефилова 2002: 65]

asia=n	täy=Ø=yу	ratke=ta
дело=GEN	нужно=Pr3Sg	закончить=INF ₁

‘Дело нужно закончить.’

С каузативными глаголами *antaa* ‘давать, позволять’, *käskä* ‘велеть’, *sallia* ‘разрешать’, *suoda* ‘позволять’ в ГПЕ и краткой формой I-го инфинитива в ЗПЕ ППК могут иметь моносубъектные и разносубъектные реализации:

(127) финск.

Otin heiniä laosta vieä veikkoni orolle. [Дубровина 1972: 20]

ot=i=n	heini=ä	lao=sta	vie=ä
взять=ШБЗА=1Ып	сено=ЗФКЕ	сарай=УДФЕ.Ып	отнести=ШТА ₁
veikko=ni	oro=lle		
брат=POSS/1Sg	конь=ALLAT/Sg		

‘Я взял сена из сарая, [чтобы] отнести коню брата.’

(128) финск.

Hän antaa veden valua [Трефилова 2002: 65]

hän	ant=Ø=aa	vede=n	valu=a
он	дать=Pr=3Sg	вода=GEN	литься=INF ₁

Букв.: Он позволяет воде литься.
‘Он наливает воду.’

(129) финск.

Emme elä syödäksemme vaan syömme elääksemme. [Трефилова 2002: 65]

emme	elä=Ø	syö=dä=kse=mme	vaan	syö=Ø=mme
NEG/Pl	жить=Pr	есть=INF ₁ =TRANS=1Pl	но	есть=Pr=1Pl

elä=**ä**=**kse**=mme

жить=**INF**₁=**TRANS**=1Pl

‘Мы едим для того, чтобы жить, а не живём для того, чтобы есть.’

2.1.2. ППК со II-м инфинитивом в финском языке

В финском языке II-й инфинитив на *-e*, *-de* / *-te* имеет две падежные формы: инессивную (*-ssa* / *-ssä*) и инструктивную (*-n*) [Томмола 2009: 525]. Инструктивная форма встречается реже, чем инессивная. З. М. Дубровина отмечает, что функции инессивной и инструктивной форм часто совпадают [Дубровина 1972: 138–139].

2.1.2.1. ППК со II-м инфинитивом в форме инессива в финском языке

Формы II-го инфинитива могут без участия финитной формы (вспомогательного) глагола образовывать так называемые эквиваленты предложения, т. е. выступать в качестве зависимой предикации в ППК [Томмола 2009: 524–525].

Инессивная форма II-го инфинитива с показателем *-ssa* используется в финском сложном предложении для выражения временных отношений между событиями главной и зависимой частей. «Инессивная форма II-го инфинитива служит для образования конструкции, эквивалентной временному придаточному предложению с союзом *kun* ‘когда; в то время как’» [Дубровина 1972: 115]:

(130) финск.

Aseiden puhuessa vaikenivat sydämet. [Трефилова 2002: 66]

ase=**i**=**den**

puhu=**e**=**ssa**

vaikene=**Ø**=**vat**

оружие=**Pl**=**GEN**

говорить=**INF**₂=**INESS**

молчать=**Pr**=**3Pl**

sydäme=**t**

сердце=**NOM/Pl**

‘Когда говорят ружья, сердца молчат.’

Эта форма может передавать также отношения обусловленности:

– причина:

(131) финск.

Omaisuus joutui perillisten puuttuessa valtiolle. [Дубровина 1972: 120]

omaisuus=**Ø**

joutu=**i**=**Ø**

perillis=**ten**

имущество=**NOM**

перейти=**IMPF**=**3Sg**

наследник=**GEN/Pl**

puuttu= e=ssa	valtio=lle
отсутствовать= INF₂=INESS	государство=ALLAT/Sg
‘Ввиду отсутствия наследников имущество перешло к государству.’	

– условие:

(132) финск.

...maitse matkustaessamme voisimme siten joutua suurempiin ikävyyksiin kuin merellä. [Дубровина 1972: 122]

maitse	matkusta= e=ssa =mme	vo=isi=mme
по суше	путешествовать= INF₂=INESS =1Pl	мочь=COND/IMPf=1Pl
siten	joutu=a	suure=mpi=in
таким образом	попасть=INF ₁	большой=COMP=LLAT/Pl
ikävyyk=siin	kuin	mere=llä
трудность=ILLAT/Pl	чем	море=ADESS/Sg

‘...путешествуя по суше (если бы мы путешествовали по суше), мы могли бы испытывать ещё большие трудности, чем на море.’

2.1.2.2. ППК со II-м инфинитивом в форме инструктива в финском языке

Инструктивная форма II-го инфинитива в финском языке служит для передачи образа действия основного глагола или добавочного действия, сопутствующего основному действию, а также средства, причины, условия совершения действия основного глагола:

(133) финск.

Hän kulkee ontuen. [Трефилова 2002: 66]

hän=Ø	kulke=Ø=e	ontu= e=n
он=NON	ходить=Pr=3Sg	хромать= INF₂=INST
'Он ходит хромая.'		

(134) финск.

Mies makasi lehtiä lukien. [Братчикова 2010: 79]

mies=Ø	maka=si	lehti=ä	luki= e=n
мужчина=ТЩЬ	лежать=ШЬЗА.3Ып	газета=ЗФКЕ.Зд	читать=ШТА ₂ =ШТЫЕ
'Мужчина лежал, читая газеты.'			

(135) финск.

Hän jätti metsästyksen pitäen tappamista suurena syntinä. [Братчикова 2010: 80]

hän	jätt=i	metsästy=en	pitä= e=n	tappami=sta
он	бросить=IMPF/3Sg	охота=ACC	считать= INF₂=INST	убийство=ELAT
suure=na	synti=nä			
большой=ESSIV	грех=ESSIV			

‘Он бросил охоту, считая убийство большим грехом.’

2.1.3. ППК с III-м инфинитивом в финском языке

III-й инфинитив на *-ma / -mä* имеет шесть падежных форм: иллатива *-an*, инессива *-ssa*, элатива *-sta*, адессива *-lla*, абессива *-tta* и инструктива *-n*.

В финском языке III-й инфинитив, так же как и в вепсском, сочетается только с глаголами определённых лексико-семантических групп. В основном это глаголы движения: *mennä* ‘идти’, *tulla* ‘приходить’, *lähteä* ‘отправляться’, *juosta* ‘бежать’, *ajaa* ‘ехать’, *nousta* ‘вставать’ и т. п., реже – бытийные и каузуальные глаголы: *olla* ‘быть, находиться’; *opettaa* ‘учить’, *pyytää* ‘просить’ и т. п.

Так называемые внутренние местные падежи III-го инфинитива (иллатив, инессив, элатив) употребляются с рядом глаголов в полуграмматизированных видовременных конструкциях со значением начинательности, прогрессивности и будущего времени. Формы адессива и абессива III-го инфинитива могут без участия финитной формы (вспомогательного) глагола образовывать так называемые эквиваленты предложения, т. е. выступать в составе ЗПЕ [Томмола 2009: 524–525].

2.1.3.1. ППК с III-м инфинитивом в форме иллатива в финском языке

Иллативная форма III-го инфинитива с показателем *-an* передаёт целевые отношения:

(136) финск.

Mennään tuonne metsän laitaan tekemään pillejä ja soittelemaan niillä.

[Дубровина 1977: 64]

mennä=än	tuonne metsä=n	laita=an	teke= mä=än
идти=Pr1/Pass	туда	лес=GEN/Sg	край=ILLAT/Sg
pille=jä	ja	soittele= ma=an	nii=llä
дудка=PART/Pl	и	играть=INF ₃ =ILLAT	они=ADESS

‘Давай пойдём туда на опушку леса, [чтобы] вырезать дудочки и играть на них.’

(137) финск.

Juha riensi kaivolle tuoppia pesemään. [Дубровина 1977: 64]

Juha	riensi=i=Ø	kaivo=lle	tuoppi=a
Юха	побежать=IMPF=3Sg	колодец=ALLAT	кружка=ACC/Sg
pese= mä=än			
помыть=INF ₃ =ILLAT			

‘Юха побежал к колодцу, [чтобы] помыть кружку.’

(138) финск.

Akseli sai Elinankin lähtemään illalla kokoukseen. [Дубровина 1977: 67]

Akseli=Ø sa=i=Ø Elin=an=kin
Аксели=NOM добиться=IMPF=3Sg Элин= GEN=PTL

lathe=**mä=än** illalla kokouk=seen
пойти=**INF₃=ILLAT** вечером собрание=ILLAT/Sg

‘Аксели добился того, что Элин тоже пошла вечером на собрание.’

(139) финск.

Seuraavana aamuna äiti vei poikansa Kivitaloon jatkamaan palvelustaan.

[Дубровина 1977: 67]

seuraava=na aamu=na äiti=Ø ve=i=Ø
следующий=ESS утро=ESS мать=NOM отвести=IMPF=3Sg
poika=n=sa Kivitalo=on jatka=**ma=an** palvelusta=an
сын=ACC=POSS Кивитало=ILLAT продолжать=**INF₃=ILLAT** служба=ACC

‘На следующее утро мать отвела своего сына в Кивитало продолжать службу.’

2.1.3.2. ППК с III-м инфинитивом в форме инессива в финском языке

«Инессивная форма III-го инфинитива употребляется в основном с глаголами, обозначающими нахождение, пребывание где-либо, и служит для выражения более или менее продолжительного действия, совершение или протекание которого относится говорящим к какому-то конкретному времени и конкретному месту. В литературе отмечается, что инессивная форма III-го инфинитива употребляется с глаголами *olla* ‘быть’ и *käudä* ‘бывать где-либо; заходить куда-либо’, либо с глаголами, обозначающими ‘нахождение где-то’ или ‘посещение какого-то места’. Но круг глаголов, сочетающихся с этой формой, шире» [Дубровина 1972: 164].

Если глагол носит вспомогательный характер и имеет ослабленное лексическое значение, то его сочетание с инфинитивом воспринимается как составное глагольное сказуемое:

(140) финск.

Anna oli kuorimassa perunoita. [Дубровина 1977: 62]

Anna **ol**=i=Ø kuori=**ma=ssa** peruno=i=ta
Анна **быть**=IMPF=3Sg чистить=**INF₃=INESS** картошка=Pl=PART

Букв.: Анна была за чисткой картошки.

‘Анна чистила картошку.’

Если глагол *olla* ‘быть’ выступает как самостоятельный глагол в роли сказуемого, обозначая «существование или нахождение где-либо», тогда инессивная форма III-го инфинитива выражает целевое отношение:

(141) финск.

Minä olen tässä houkuttelemassa Kiiskiä töihin. [Дубровина 1972: 171]

minä	ole=n	tässä	houkuttele=ma=ssa	Kiiskiä
я	находиться=Pr1Sg	здесь	выманить=INF ₃ =INESS	Киския
töi=hin				
работа=ILLAT/Pl				

‘Я нахожусь здесь, чтобы выманить Киския на работу (букв: на работы).’

Сочетаясь с глаголами движения, инессивная форма III-го инфинитива выражает одновременность действия:

(142) финск.

... pyörä ... lojuu ruostumassa ojässä. [Дубровина 1972: 173]

pyörä=Ø	loju=u	ruostu=ma=ssa	ojä=ssa
колесо=NOM	валяться=Pr3Sg	ржаветь=INF ₃ =INESS	канавы=INESS/Sg

‘... колесо ... валяется, ржавея в канаве.’

Инессивная форма III-го инфинитива может употребляться в предложениях, финитное сказуемое которых выражено глаголами изъяснительной семантики: *nähdä* ‘видеть’, *huomata* ‘замечать’, *löytää* ‘обнаруживать’:

(143) финск.

... jäsamassa huomaan tulemassa alas kaksi vanhaa miestä. [Дубровина 1972: 176]

jäsamassa	huomaa=n	tul=ma=ssa	alas	kaksi
и в тот же момент	замечать=Pr1Sg	идти=INF ₃ =INESS	вниз	два
vanha=a	mies=tä			
пожилой=PART	человек=PART			

‘...и в тот же момент я замечаю, что спускаются вниз два пожилых человека.’

2.1.3.3. ППК с III-м инфинитивом в форме элатива в финском языке

Форма III-го инфинитива в элативе (показатель=*sta*) обозначает действие, выполнение которого кто-то прекращает или от выполнения которого кто-то отказывается, или действие, выполнение которого прекращается, запрещается или удерживается. Используется в целевых конструкциях:

(144) финск.

Emo kielsi itkemästä. [Дубровина 1972: 185]

emo=Ø	kiel=si	itke=mä=stä
матушка=NOM	велеть=IMPF/3Sg	плакать=INF ₃ =ELAT

‘Матушка велела не плакать.’

В финском языке представлена вся группа внутренне-местных падежей III-го инфинитива. Все три формы – иллатив, инессив и элатив – употребляются для выражения конкретного активного действия и различаются между собой характером выражаемых ими локальных отношений (куда – где – откуда). Они используются в образовании моносубъектных и разносубъектных ППК.

2.1.3.4. ППК с III-м инфинитивом в форме адессива в финском языке

Адессивная форма III-го инфинитива (показатель *-lla*) обозначает средство, способ совершения действия, выраженного основным глаголом. Она всегда подчиняется основному глаголу и служит для обозначения действия, которое способствует осуществлению действия основного глагола. Исполнитель действия, выраженного адессивной формой III-го инфинитива и основным глаголом, один и тот же, чаще всего это человек:

(145) финск.

Hän elää kirjoittamalla kirjoja. [Братчикова 2013: 162]

<i>hän</i>	<i>elää=Ø</i>	<i>kirjoittaa=ma=lla</i>	<i>kirjo=ja</i>
он	жить=IMPF/3Sg	писать=INF ₃ =ADESS	книга=PART/Pl

‘Он жил тем, что писал книги.’

2.1.3.5. ППК с III-м инфинитивом в форме абессива в финском языке

Абессивная форма III-го инфинитива с суффиксом *-tta* выражает добавочное действие, не сопутствующее действию основного глагола, а также значение образа действия:

(146) финск.

Pekka teki sen äidin tietämättä. [Братчикова 2013: 164]

<i>Pekka</i>	<i>tek=i=Ø</i>	<i>se=n</i>	<i>äidi=n</i>	<i>tietä=mä=ttä</i>
Пекка	совершать=IMPF=3Sg	это=ACC	мать=GEN	знать=INF ₃ =ABESS

Букв.: Пекка совершил это [так, чтобы] мать не знала.
‘Пекка совершил это без ведома матери.’

2.1.3.6. ППК с III-м инфинитивом в форме инструктива в финском языке

Инструктивная форма III-го инфинитива употребляется с глаголом долженствования *pitää* ‘надо’. В современном литературном языке используется редко:

(147) финск.

Ihmisen pitäisi aina oleman viisas... [Дубровина 1972: 200]

ihmise=n	pita=isi	aina	ole=ma=n	viisas
человек=GEN	следует (надо)=COND	всегда	быть=INF ₃ =INSTR	мудрый

‘Человеку следовало бы всегда быть мудрым...’

2.1.4. ППК с IV-м инфинитивом в финском языке

IV-м инфинитивом называют формы номинатива и партитива ед. ч. отглагольных существительных на *-minen* в сочетании с безлично употреблённым глаголом *olla* ‘быть’. Они служат для выражения действия, которое следует (номинативная форма) или не следует (партитивная форма) совершать:

(148) финск.

Sinun on nyt lätheminen. [Трефилова 2002: 66]

sinu=n	on=Ø	nyt	läthe=mi=n
ты=GEN	быть=Pr3Sg	сейчас	уходить=INF ₄ =NOM

‘Тебе нужно сейчас уходить.’

(149) финск.

Sinun ei on nyt läthemista.

sinu=n	ei	on=Ø	nyt	läthe=mi=sta
ты=GEN	NEG/3Sg	быть=Pr3Sg	сейчас	уходить=INF ₄ =PART

‘Тебе не нужно сейчас уходить.’

2.1.5. ППК с V-м инфинитивом в финском языке

V-й инфинитив выделяют не все авторы финских грамматик, так как по своей грамматической форме он совпадает с адессивной формой III-го инфинитива. Адессивная форма III-го инфинитива с притяжательным суффиксом в сочетании с глаголом *olla* ‘быть’ выражает действие, которое было близко к осуществлению, например:

(150) финск.

Olin nukkumallani. [Братчикова 2013: 166]

ol=i=n nukku=**ma**=lla=**ni**
быть=IMPF=1Sg уснуть=INF₃=ADESS=POSS
'Я почти уснул.'

Подобная конструкция является архаичной. Вместо неё употребляется так называемая удлинённая форма III-го инфинитива, которую и называют V-м инфинитивом. Она образуется путём присоединения к основе глагола в форме III-го инфинитива показателя кондиционала *-isi-*, суффикса адессива *-lla / -llä* и притяжательного суффикса, указывающего на подлежащее предложения. Таким образом, форма V-го инфинитива имеет только одну падежную форму – адессива:

(151) финск.

Tyttö oli itkuun purskahtamaisillaan. [Дубровина 1972: 203]

tyttö=Ø ol=i=Ø itku=un
девушка=NOM быть=IMPF=3Sg плач=ILLAT
purskahta=**ma**=isi=lla=**an**
зайтись=INF₃=COND=ADESS=POSS
'Девушка чуть не расплакалась.'

V-й инфинитив выражает действие, которое чуть было не свершилось (авертив) или вот-вот может совершиться (перспектив).

2.1.6. Расположение ЗПЕ по отношению к ГПЕ в ППК с инфинитивами в финском языке

Долгая форма I-го инфинитива – целевая, или финальная – обычно стоит в конце основного предложения и начинается с инфинитива, за которым следуют зависимые от него слова. Такой порядок сохраняется и в том случае, если финальная конструкция находится в начале предложения:

(152) финск.

Hän oli kuollut herätäkseen eloon. [Братчикова 2010: 69]

hän ol=i=Ø kuollut herätä=**kse**=en
он быть=IMPF=3Sg мёртвый воскреснуть=INF₁TRANSL=POSS
elo=on
жизнь=ILLAT
'Он умер, чтобы воскреснуть.'

Конструкция со II-м инфинитивом в форме инессива, передающая чисто временное отношение, обычно стоит в начале, но может стоять и в середине и в конце предложения. Если временные отношения осложнены другими смысловыми отношениями, порядок следования частей такой конструкции является более обязательным. Конструкция, выражающая добавочное действие, обычно находится в конце предложения.

Всегда в постпозиции находится инфинитивная конструкция, показывающая, как, каким образом происходит действие, выраженное основным глаголом.

Таким образом, порядок следования частей в инфинитивных ППК зависит от отношений между главной и зависимой частями.

2.2. Причастные ППК в финском языке

По своему значению и морфологическим признакам различаются следующие группы причастий:

1) причастие незаконченного действия, или I-е причастие, с суффиксами *-va / -vä* (активный залог): *luke=va* ‘читающий’; с суффиксами *-tava / -tävä, -ttava / -ttävä* (пассивный залог): *luet=tava* ‘читаемый’;

2) причастие законченного действия, или II-е причастие, с суффиксами *-nut / -nnut / -nnet / -nneet* (активный залог): *luke=nut* ‘читавший’; с суффиксами *-tu / -ttu / -ty / -tty* (пассивный залог): *luet=tu* ‘прочитанный’;

3) причастие агента образуется от переходных глаголов путём присоединения суффикса *-ma / -mä* к сильной основе глагола, т. е. как и основа III-го инфинитива: *Itkosen rakenta=ma talo* ‘дом, построенный Итконеном’.

4) причастие-отрицание образуется от абессивной формы (*-tta / -ttä*) III-го инфинитива (*-ma / -mä*) с помощью суффикса *-ton / -tön*: *kutsu=ma=ton vieras* ‘незванный гость’.

В организации зависимой предикативной части в ППК участвуют:

1) активные причастия настоящего и прошедшего времени в падежной форме генитива, которые при модусных предикатах в ГПЕ передают изъяснительные отношения:

(153) финск.

Luulin sinun tietävän. [Трефилова 2002: 64]

luul=i=n

sinu=n

tietä=vä=n

думать=IMPF=1Sg

ты=GEN

знать=PrP=GEN

‘Я думал, [что] ты знаешь.’

2) пассивные причастия прошедшего времени в падежной форме партитива, передающие следование во времени:

(154) финск.

Marjojen kypsyttyä hän kävi äidin mukana metsässä. [Дубровина 1977: 39]

marjoj=en	kypsy= ty =ä	hän	käv=i=Ø	id=in
ягода=GEN/Pl	поспеть= PP _{pass} = PART	он	ходить=IMPF=3Sg	мать=COM
mukana	metsä=ssä			
вместе	лес=INESS/Sg			

‘Когда ягоды поспели, он ходил с матерью в лес.’

3) причастия агента, передающие определительные отношения:

(155) финск.

Halmeen ennustama koetus tuli nopeasti. [Дубровина 1977: 43]

Halmeen	ennusta= ma	koetus=Ø	tul=i=Ø
Х.	предсказать= PP _{agent}	испытание=NOM	прийти=IMPF=3Sg
nopea=sti			
быстро=ADV			

‘Предсказанное Х. испытание пришло быстро.’

* * *

Набор причастных форм в финском и вепсском языках в целом совпадает. В вепсском языке, в отличие от финского, активные причастия не употребляются в изъяснительных ППК, в остальном их функции аналогичны: пассивные причастия являются средством выражения отношений разновременности, активные и агентивные используются в причастных определительных конструкциях (см. Таблицу 2).

Таблица 2

**Причастия в вепсском и финском языках
и передаваемые ими отношения**

Типы отношений		Причастия					
		Вепсский язык			Финский язык		
		Активные причастия	Пассивное причастие	Причастие- агента	Активные причастия	Пассивные причастия	Причастие- агента
Темпораль- ные	ОВС						
	Одновременность						
	Разновременность		+			+	
Обусловлен- ность	Причина						
	Условие						
	Цель						
Изъяснительные		–			+		
Определительные		+		+	+		+

В финском языке сохранились исконные полипредикативные конструкции в наиболее полном объеме. Этому способствовало несколько причин: длительная литературная традиция, жесткое нормирование, использование притяжательных суффиксов для выражения обладания и др.

Конструкциями с инфинитивными предикатами ЗПЕ передается весь спектр семантических отношений: темпоральности, обусловленности, изъяснительного и определительного типов. Они не только используются в письменной речи носителей языка, но общеупотребительны и частотны в устной речи, что составляет своеобразие, неповторимость и красоту финского языка.

В финском языке конструкция с инессивной формой II-го инфинитива передаёт более широкий круг значений, чем в вепсском: общую временную соотнесённость, одновременность, следование; отношения обусловленности представлены единичными примерами со значениями причины и условия.

3. Монофинитные синтетические ППК в эстонском языке

В эстонском языке монофинитные ППК строятся с участием в качестве предиката ЗПЕ следующих нефинитных форм: инфинитива I на *-ma* (супина), инфинитива II на *-da*, герундива – формы на *-des* и причастий. В грамматиках эстонского языка инфинитивы носят названия в соответствии со своими функциями: инфинитив I – целевой (супин), инфинитив II – неизменяемая форма глагола (собственно инфинитив), герундив – деепричастие) [Кару, Кюльмоя 2004: 264; Пялль и др. 1962: 176].

Инфинитивы на *-ma* и на *-da* сочетаются с определёнными лексико-семантическими группами глаголов.

Инфинитив на *-ma* – супин (исторически форма иллатива) имеет четыре падежные формы:

- иллатива: *lähen laul=ma* ‘пойду петь’;
- инессива: *olen laul=ma=s* ‘я пою (нахожусь в пении)’;
- элатива: *tulin laul=ma=st* ‘я пришёл с пения’;
- абессива: *laul jäi laul=ma=ta* ‘песня осталась неспетой’.

Инфинитив на *-ma* употребляется с глаголами движения (*astuma* ‘шагать, ступать’, *hüppama* ‘прыгать’), фазовыми (*hakkama* ‘начать / начинать’) и модальными глаголами (*pidama* ‘долженствовать’); в зависимой предикации участвует в образовании целевых (возможно, с оттенком качественной характеристики), временных, а также придаточных образа действия:

(156) эстонск.

Ema pani ta silmapilgutamisega vaikima. [Пялль Э. и др. 1962: 435]

ema=Ø pani=Ø ta silma=pilgutami=sega vaiki=**ma**
мать=NOM дать=IMPF/3Sg она глаза=мигать=путанно замолчать=SUP
‘Мать глазами подала ей [tēte] знак, чтобы она замолчала.’

ЗПЕ с целевым значением завершает конструкцию:

[ГПЕ] [Tv=SUP]

ЗПЕ со значением образа действия, дополнительного действия или состояния могут начинать или завершать конструкцию (актуальная информация находится в начале предложения):

(157) эстонск.

Illimar seisis pargimüüri taga, süda hirmust puperdamas. [Пялль и др. 1962: 185]

Illimar=Ø seisi=s pargi=müüri=Ø taga
Иллимар==NOM постоять=IMPF/3Sg парк=GEN=ограда=GEN за
süda=Ø hirmu=st puperda=**ma=s**
сердце=NOM страх=ELLAT биться=SUP=INESS
букв.: Иллимар постоял за оградой парка, сердце от страха в биении.
‘Иллимар с бьющимся сердцем постоял за оградой парка.’

[ГПЕ] [Tv=SUP=INESS]

(158) эстонск.

Võtmata mantlit seljast istus mees toolile. [Капу К., Кюльмоя И. 2004: 296]

võt=**ma=ta** mantli=t selja=st istu=s
снять=SUP=ABESS пальто=PART спина=ELLAT сесть=IMPF/3Sg
mees=Ø tooli=le
мужчина=NOM стул=ALLAT
‘Не сняв (не снимая) пальто, мужчина сел на стул.’

[Tv=SUP=ABESS] [ГПЕ]

Инфинитив на *-da* (исторически форма партитива) никогда не сочетается с глаголами движения, зато употребляется с модальными глаголами и глаголами мысли, чувства:

(159) эстонск.

Taat suudab veel töötada. [Пялль и др. 1962: 180]

taat=Ø suuda=b veel tööta=**da**
дед=NOM мочь=Pr/3Sg ещё работать=INF₂
‘Дед может ещё работать.’

(160) эстонск.

Õpilane ei tohi lobiseda. [Пялль и др. 1962: 180]

õpilane=Ø	ei	tohi=Ø	lobise= da
ученик=NOM	неЗ	сметь=Pr/3Sg	болтать=INF ₂

‘Ученик не смеет болтать.’

С инфинитивом на *-da* могут строиться целевые ППК:

(161) эстонск.

Alguses pandi see kiik mõne painduva puu latva või suurema kase oksa tuule kiigutada. [Пялль и др. 1962: 183]

alguses	pand	see	kiik=Ø	mõne
в начале	ставить=IMPF/IMPERS	эта	зыбка=GEN	некоторый
painduv=a	puu=Ø	latv=a	või	suurem=a
гнущийся=GEN	дерево=GEN	верхушка=GEN	или	большой=GEN
kas=e	oks=a	tuul=e	kiiguta= da	
,th`pf=GEN	dtndm=GEN	dtntn=GEN	rxfnm=INF ₂	

‘Сперва зыбку подвешивали к верхушке какого-нибудь гибкого деревца или к ветке раскидистой берёзы, чтобы ветер покачивал её.’

[ГПЕ] [N_{GEN} Tv=INF₂]

Герундив – исторически инессив – с показателем *-de-s* (INF₂=INESS) соответствует финскому и вепсскому II-му инфинитиву в инессиве. Он образуется от всех глаголов, формирует ЗПЕ с темпоральным (одновременность), изъяснительным отношением, а также условным и образа действия:

(162) эстонск.

õhtul toas istudes mõtles Jaan sellele kaua. [Erelt 2003: 122–123; цит. по: Агранат 2009: 41]

õhtul	toa=s	istu= des	mõtle=s	Jaan
вечером	комната=INESS	сидеть= GER	думать=IMPF/3Sg	Яаан
selle=le	kaua			
это=ALLAT	долго			

‘Сидя вечером в комнате, Яаан долго думал об этом.’

В эстонском языке монофинитные синтетические ППК обычно моно-субъектны, общий первый субъект в ЗПЕ не представлен. Вместе с тем они могут быть и разносубъектными: тогда при герундиве непереходного глагола (переходный глагол в этом случае невозможен) употребляется имя в генитиве, обозначающее субъект действия:

(163) эстонск.

Koer jäi minu nädes auto alla. [Erelt 2003: 122–123; цит. по: Агранат 2009: 41–42]

koer	jä=i	minu	nä= des
собака	оставаться=IMPF/3Sg	я.GEN	видеть= GER
auto	alla		
машина=GEN	под		

‘Я видел, как собаку задавила машина.’

ЗПЕ с герундивом находится обычно в препозиции по отношению к главной части:

[N_{GEN} Tv=GER] [ГПЕ]

В эстонском языке четыре причастия: два активных (на *-v* и *-tav*) и два пассивных (на *-nud* и *-tud*) [Пялль и др. 1962: 188; Каск 1966: 50]. Активные причастия используются в определительных ППК, пассивные (с показателем партитива *-d*) могут участвовать в зависимой предикации, передавая временные отношения следования:

(164) эстонск.

Ta nägi viit-kuut meest rannal istuvat ja üle järve häärberi poole vahtivat.

[Пялль и др. 1962: 387]

ta	näg=i	vii=t-kuu=t	mees=t	ranna=l
он	увидеть=IMPF/3Sg	несколько=PART	мужчина=PART	берег=ADESS
istu= vat	ja	üle	järv=e	häärber=i
сидеть= PP	и	через	озеро=GEN	господская усадьба=GEN
vahti= vat				сторона=ILLAT
глядеть= PP				

‘Он увидел нескольких стариков, сидевших на берегу и глядевших через озеро в сторону господской усадьбы.’

(165) эстонск.

Jõudnud tagasi kodumaale, otsis ta kõigepealt üles oma vana sõbra. [Успенский 1967: 21]

jõud= nud	tagasi	kodumaa=le	otsi=s	ta	kõigepealt
прибыть= PP_{pass}	назад	родина=ALLAT	искать=IMPF/3Sg	он	прежде всего
üles	oma	vana	sõbr=a		
раз=(искать) свой	старый	друг=GEN			

‘Возвратившись на родину, он прежде всего разыскал своего старого друга.’

(166) эстонск.

Töö lõpetatud, mindi koju. [Каск 1966: 55]

töö=Ø	lõpeta= tud	min=di	koju
работа=NOM	окончить= PP_{pass}	пойти=IMPF/IMPER	домой

‘Окончив работу, пошли домой.’

(167) эстонск.

Latv murtud seisis kuuseke kurvalt metsaserval. [Ууспыльд 1967: 22]

latv=Ø mur=**tud** seisi=s kuuse=ke=Ø
верхушка=NOM надломить=**PP**_{pass} стоять=IMPF/3Sg ель=DEM=NOM
kurvalt metsaserv=al
печально опушка леса=ADESS

‘Верхушка надломлена (надломившись), ёлочка печально стояла на опушке.’

ЗПЕ с пассивным причастием, выражающим предшествующее главному действию, находится в препозиции:

[Tv=PP_{pass}] [ГПЕ]

В эстонском языке, как в финском и вепсском, действует механизм «предикативного склонения». ППК, построенные с использованием инфинитных форм – отглагольных имён в определённых падежах, служат для передачи временных отношений, способа действия, побочного действия и др.

4. Монофинитные синтетические ППК в карельском языке

Синтаксису карельского языка посвящено специальное исследование [Федотова 1990], в котором описываются словосочетание, простое предложение и сложное предложение с союзной и бессоюзной связью частей. Конструкции с нефинитными формами глагола не рассматриваются.

В карельском языке к инфинитным формам глагола относятся инфинитивы и причастия.

Имеется три инфинитива – I-й, II-й, III-й, которые могут образовываться практически от любого глагола [Зайков 1999: 84].

I-й инфинитив – неопределённо-личная форма глагола – имеет показатели *-a / -ä* (*opastu=a* ‘учить’), *-o / -ö* (*ihastu=o* ‘обрадоваться’), *-e* (*luki=e* ‘читать’), *-na / -nä* (*pan=na* ‘класть’), *-la / -lä* (*ol=la* ‘быть’) и др.

II-й инфинитив имеет показатель *-e* и две падежные формы – инессива *-ssa* (*oll=e=ssa* ‘находясь’) и инструктива *-n* (*kulki=je=n* ‘шагая’).

III-й инфинитив имеет показатель *-ma / -mä* и пять падежных форм:

- инессива *-ssa / -ssä*: *ečči=mä=ssä* ‘был в поиске’;
- иллатива *-h*: *läksimä heposie uitta=ma=h* ‘пошли переправлять лошадей’;
- элатива *-sta / -stä*: *piäsimä riitelö=ma=stü* ‘мы перестали спорить’ (букв. ‘освободились от спора’);

– абессива *-tta / -ttä*: *yksi sana jäi sano=ma=тта* ‘одно слово осталось не сказанным’;

– адессива *-lla / -llä*: *kotih piäsemmä souta=ma=lla* ‘домой попадём на лодке’.

В карельском языке четыре причастия [Зайков 1999: 88–89]. Два активных (на *-ja* и *-nun*: *ompele=ja* ‘шьющий’, *hapan=nut* ‘сгнивший’), два пассивных (на *-va / -vä* и *-tu / -ttu*: *pijettä=vä* ‘носимый’, *kaso=ttu* ‘виденный’).

В грамматике карельского языка [Зайков 1999] в разделе «Инфинитные формы глагола» представлены примеры конструкций с инфинитными глаголами в зависимой предикации для выражения разных типов отношений:

– целевых:

(168) карел.

Korvossa on vettä peseytyö. [Зайков 1999: 85]

korvo=ssa	on=Ø	vet=tä	peseyty=ö
ушат=INESS	быть=Pr/3Sg	вода=PART	помыться=INF ₁

‘В ушате вода, [чтобы] помыться.’

– временных (одновременность, следование):

(169) карел.

Paitua ommelessa niekla katkei. [Зайков 1999: 86]

rai=tua	ommel=e=ssa	niekla=Ø	katkei=Ø
рубашка=PART	шить=INF ₂ =INESS	игла=NOM	сломаться=IMPF/3Sg

‘[Когда] я шила рубашку, игла сломалась.’

(170) карел.

Tultuo työstä tuatto pesi kiät ta istuutu symäh. [Зайков 1999: 90]

tul=tu(o)	työ=stä	tuatto=Ø	pesi=Ø	kiä=t
прийти=PP _{pass}	работа=ELAT	отец=NOM	вымыть=IMPF/3Sg	рука=ACC
ta	istuutu=Ø	sy=mä=h		
и	сесть=IMPF/3Sg	есть=INF ₃ =ILLAT		

‘Придя с работы, отец вымыл руки и сел, [чтобы] есть.’

– образа действия:

(171) карел.

Mies kävelöy häilyen. [Зайков 1999: 86]

mies=Ø	kävelö=y	häily=e=n
мужчина=NOM	шагать=Pr/3Sg	шататься=INF ₂ =INSTR

‘Мужчина шагает, шатаясь.’

В статье о карельском языке [Макаров 1966] в разделах «Морфология» и «Синтаксис» также приводятся примеры конструкций с использованием причастий в определительных ППК и деепричастий (или, как иначе называют, герундивов или инфинитивов) в качестве предикатов ЗПЕ со значением образа действия и одновременности:

(172) карел.

Kiwgualla maguajalla kazilla, hiiri šuw h ei tule. [Макаров 1966: 76]
 kiwgu=lla magua=**ja=lla** kazi=lla hiiri=Ø
 печь=ADESS спать=**PrP=ALLAT** кошка=ALLAT мышь=NOM
 šuw=h ei tule=Ø
 рот=ILLAT NEG/3Sg прибежать=Pr/3Sg
 ‘Спящей на печи кошке мышь в рот не прибежит.’

(173) карел.

Tieten hebo regie potkiw. [Макаров 1966: 73]
 tiet=**e=n** hebo regie potki=w
 надеяться=**INF₂=INSTR** кобыла дровни лягать=Pr/3Sg
 ‘Надеясь, и кобыла дровни лягает.’

(174) карел.

Muato poigua žalleiješša itkōw kuin jogi virduaw. [Макаров 1966: 73]
 muato=Ø poigua=Ø žalleij=**e=šša** itkō=w kuin
 мать=NOM сын=ACC жалеть=**INF₂=INESS** плакать=Pr/3Sg как
 jogi=Ø virdua=w
 река=NOM течь=Pr/3Sg
 ‘Мать, жалея сына, плачет, как река течёт.’

(175) карел.

Nagramašša nāhāh, vain itkōmäššä ei nāhā. [Макаров 1966: 73]
 nagra=**ma=šša** nāhā=h, vain itkō=**mā=ššä**
 смеяться=**INF₃=INESS** видеть=Pr/3Pl только плакать=**INF₃=INESS**
 ei nāhā=Ø
 не/3Pl видеть=Pr/3Pl
 Букв: В смеянии – видят, в плакании – не видят.
 ‘Когда смеёшься – видят, когда плачешь – не видят.’

Примеры показывают, что в карельском языке тоже есть монофинитные синтетические конструкции, но насколько они употребительны, нигде не говорится, можно предположить, что они, как и в большинстве языков прибалтийско-финской группы, не являются частотными.

5. Монофинитные синтетические ППК в водском языке

В грамматических описаниях водского языка [Адлер 1966; Ariste 1968; Агранат, 1997, 2002; Маркус, Рожанский 2011] выделяют два инфинитива и два причастия.

Причастия употребляются как в действительном, так и в страдательном залоге. Признаком причастия настоящего времени действительного залога является показатель *-va / -vǎ*, в безличных формах *-tava / -tävǎ*; признаком причастия прошедшего времени действительного залога является суффикс *-nnu / -nnü*, в безличных формах – *-tu / -tü*: *pеле=va* ‘горящий’, *suvat=tava* ‘любимый’; *page=nnu* ‘бежавший’, *sö=tü* ‘съеденный’, *tšěle=ttü* ‘запрещённый’.

Признаком I-го инфинитива (неопределённой формы глагола) являются показатели *-a / -ǎ*, *-ta / -tä*, II-го инфинитива (супина) – *-ma / -mä*. В водском языке монофинитные синтетические конструкции с отглагольными именами используются только для выражения цели:

(176) водск.

Tāmā tej puteli parvez jūvv. [Маркус, Рожанский 2011: 291]

tāmā	tej=Ø	puteli=Ø	parvez	jūv=v
он	приносить=IMPF/3Sg	бутылка=GEN	вместе	распить=INF ₁

‘Он принёс бутылку, [чтобы] распить [всем] вместе.’

(177) водск.

Mīl piāb üvvä ilma sarkə čüntāmā. [Агранат 2002: 61]

mī=лл	piā=b	üvvä	ilma=Ø
я=ADESS	долженствовать=Pr3Sg	хороший	погода=NOM
sarkə=Ø	čüntā=mā		
поле=GEN	пахать=INF ₂		

‘Мне нужна хорошая погода, [чтобы] поле пахать.’

Отличительной чертой водского языка является наличие в нём аналитико-синтетического средства связи компонентов в рамках ППК. Синтетический показатель инфинитной формы *-ma* сочетается с послелогом *vartə* ‘для’. Видимо, инфинитив на *-ma* в водском языке обладает большим количеством именных признаков, если возможно такое сочетание.

Использование послелога с формой II-го инфинитива может диктоваться коммуникативной задачей, которую решает говорящий в высказывании. В примере (178) говорящему важно подчеркнуть назначение предмета:

(178) водск.

Miä õsin püssü amputa vartə. [Агранат 2002: 59]

miä	õs=i=n	püssü=Ø	ampu= ma	vartə
я	купить=IMPF/1Sg	ружьё=GEN	стрелять=INF ₂	для

‘Я купил ружьё, [чтобы] стрелять.’

(Я купил ружьё для стрельбы.)

Выбор инфинитива на *-ma* и инфинитива на *-a* может быть вызван разными ролями, которыми наделяет говорящий участников ситуации: в примере (179) «ружьё» тоже осознаётся инструментом, это не агенс:

(179) водск.

Miä õsin püssü ampu. [Агранат 2002: 59]

miä	õs=i=n	püssü=Ø	ampu= a
я	купить=IMPF/1Sg	ружьё=GEN	стрелять=INF ₁

‘Я купил ружьё, [чтобы] стрелять.’

(Я купил ружьё, я буду стрелять.)

В примере (180) употреблён инфинитив на *-ma*, так как «ружьё» осознаётся говорящим активным деятелем по отношению к действию, обозначаемому инфинитивом:

(180) водск.

Miä õsin püssü amputa. [Агранат 2002: 59]

miä	õs=i=n	püssü=Ø	ampu= ma
я	купить=IMPF/1Sg	ружьё=GEN	стрелять=INF ₂

‘Я купил ружьё, [чтобы] стрелять.’

(Я купил ружьё, чтобы ружьё стреляло.)

В примерах (178) и (179) существительное «ружьё» репрезентирует семантическую роль инструмента в составе зависимой предикации, в примере (180) этот актант представит в роли агенса зависимой предикации [Агранат 2002: 59].

Выбор той или иной формы осуществляется в соответствии с коммуникативной задачей говорящего, а также зависит от семантических ролей актантов главной и зависимой частей, может зависеть от абстрактности или конкретности действия инфинитного сказуемого.

Использование для выражения цели инфинитивного оборота без союзной связи в водском языке встречается довольно редко [Маркус, Рожанский 2011: 290].

Таким образом, во всех привлечённых для сопоставления прибалтийско-финских языках используются монофинитные синтетические конструкции, т. е. сохраняется исконный способ выражения «сложной мысли» посредством падежных аффиксов, которые прикрепляются к инфинитному сказуемому в зависимой части и передают определённое смысловое отношение между частями ППК.

Языки различаются количеством отглагольных имён в функции ЗПЕ. Наибольшее их число – пять инфинитивов – имеет финский язык, в котором ППК с этими формами до настоящего времени являются общеупотребительными. В финском языке названные формы передают и самый широкий спектр отношений: темпоральных, изъяснительных, цели, условия, причины, уступки, образа действия.

В эстонском, карельском и вепсском языках в ППК функционируют три инфинитива, которые передают временные, целевые, изъяснительные отношения, а также значение образа действия. В эстонском и карельском языках синтетические ППК не являются частотными и общеупотребительными. В разговорной речи вепсов они практически не встречаются, хотя опознаются информантам и вполне им понятны.

В водском языке сохраняются ППК с двумя инфинитивами, которые передают только целевые отношения, они встречаются довольно редко. Отличительной чертой водского языка по сравнению с другими прибалтийско-финскими языками является наличие аналитико-синтетического типа ППК (см. Таблицы 3).

Сохранность полипредикативного синтаксиса напрямую зависит от социолингвистического статуса языка [Агранат 2009: 49]: количества говорящих, наличия письменности (нормирования), языковой политики, проводимой в отношении этих языков.

Таблица 3

Инфинитивы в прибалтийско-финских языках и передаваемые ими типы отношений

Инфинитивы	Тип отношения	Финский язык	Эстонский язык	Вепсский язык	Карельский язык	Водский язык
I-й инфинитив	$Tv=INF_1$	$Tv=a/=ä$	$Tv=ma/=mä$ (супин)	$Tv=da/=dä$	$Tv=a/=ä,$ $Tv=da/=dä$	$Tv=a/=ä$
	Темпоральные	+	+	–	–	–
	Обусловленность	+	+	+	+	+
	Изъяснительные	+	–	–	–	–
II-й инфинитив	$Tv=INF_2=INESS$ $Tv=INF_2=INSTR$	$Tv=e/=de=INESS$ $Tv=e/=de=INSTR$	$Tv=da$	$Tv=do/=to=INESS$ $Tv=do/=to=INSTR$	$Tv=e=INESS$ $Tv=e=INSTR$	$Tv=ma/=mä$ (post) (супин)
	Темпоральные	+	+	+	+	–
	Обусловленность	+	+	+	?	+
	Изъяснительные	+	+	–	–	–
III-й инфинитив	$Tv=INF_3=ILLAT$	+	+	+	+	–
	$Tv=INF_3=INESS$	+	+ ^{*11}	+	+	–
	$Tv=INF_3=ABESS$	+	+	+	+	–
	$Tv=INF_3=ELAT$	+	+	–	–	–
	$Tv=INF_3=ADESS$	+	–	–	–	–

¹¹ Употребление в речи не зафиксировано. Форма отмечена только в пассивном запасе.

§2. Бифинитные аналитические ППК

1. Бифинитные аналитические ППК

в вепсском языке

Бифинитные конструкции функционируют в двух разновидностях: с лексическими показателями связи («союзные») и без лексических показателей («бессоюзные»). В бессоюзных ППК связь осуществляется с опорой на контекст, порядок следования частей и интонацию.

1.1. Бифинитные конструкции без лексических показателей связи

в вепсском языке

Бессоюзные предложения как единое целое интерпретируются на основе интонации (в них нет понижающейся интонации после первой части):

(181) ср.-вепсск. пондал.

Havad kebnen, poled suhriš süim. [Зайцева, Муллонен 1972: 190]

havad=Ø	kebnen=Ø	pole=d
мешок=NOM	становиться легче=IMPF/3Sg	половина=PART
suhr=i=š	sü=i=m	
сухарь=Pl=INESS	есть=IMPF=1Pl	

‘Мешок стал легче, половину сухарей мы съели.’

(182) ср.-вепсск. пондал.

Püuhan puhtastad, karbe lankteb maha. [Зайцева, Муллонен 1972: 180]

püuha=n	puhtasta=d	karbe=Ø	lankte=b	ma=ha
лён=ACC	очищать=Pr2Sg	очёски=NOM/Sg	падать=Pr3Sg	земля=ILLAT

‘Лён очищаешь, очёски падают на землю.’

(183) ср.-вепсск. сибирск.

Minaolin' kazvousur' mindain' lugitihe sureks ristituks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2006 г.]

mina	ol=i=n'	kazv=ou	sur'	min=da=in'
я	быть=IMPF=1Sg	рост=ADESS	высокий	я=PART=1Sg
lug=i=tihe	sure=ks	ristitu=ks		
считать=IMPF=3Pl	взрослый=TRANSL	человек=TRANSL		

‘Я была ростом высокая, меня считали взрослой.’

В пондальском говоре причина чаще всего эксплицитно не выражается: подразумевается, что причинно-следственная связь должна быть очевидна собеседнику:

(184) ср.-вепсск. пондал.

Lauk saubatihe, möhä. [Туржин Г. А., д. Пондала, 2012 г.]

lauk=Ø	sauba=tihe	möhä
магазин=ACC/Sg	закрывать=IMPF/3Pl	поздно

‘Магазин закрыли, [потому что] поздно.’

Бессоюзные конструкции возможны и при изъяснительных отношениях:

(185) ср.-вепсск. сибирск.

Hüvä om hän nai. [Сердцова А. С., г. Ангарск, 2006 г.]

hüvä	om=Ø	hän	nai=Ø
хорошо	есть=Pr/3Sg	он	жениться=IMPF/3Sg

‘Хорошо, что он женился.’

Бифинитные конструкции без лексических показателей связи характерны для речи вепсов, но пондальские вепсы их употребляют чаще, чем сибиряки.

1.2. Бифинитные конструкции с лексическими показателями связи в вепсском языке. Структурно-семантическая классификация аналитических средств связи вепсского языка

Аналитический тип связи реализуется в бифинитных конструкциях.

В вепсском языке все типы отношений между событиями в ППК могут быть выражены аналитически, т. е. с помощью союзов или союзных слов. В этом, несомненно, проявляется сильное влияние со стороны русского языка.

Приведём структурно-семантическую классификацию аналитических средств связи вепсского языка, основанную на описании союзных средств, которую М. И. Черемисина и Т. А. Колосова [1987] выполнили на материале русского языка. На наш взгляд, она применима к языкам разных систем, в том числе и к вепсскому языку.

В классификации М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой все скрепы делятся на одноместные и неодноместные. Одноместными называются такие скрепы, компоненты которых расположены в одной из частей сложного предложения, компоненты неодноместных скреп распределены по обеим частям полипредикативной конструкции [Черемисина, Колосова 1987: 136-180].

1.2.1. Одноместные скрепы

Большинство вепских скреп одноместны, они делятся на однокомпонентные и многокомпонентные.

1. **Однокомпонентные одноместные скрепы** представлены в основном простыми союзами.

Союзы *a* ‘а’, *i* ‘и’, *no* ‘но’, *da* ‘да’, *vai* ‘или’, *ili* ‘или’ передают сочинительные отношения, почти все они заимствованы из русского языка. Союзы *konz* ‘когда’, *ka* ‘то, так, поэтому’, *ku* ‘когда, если, как’, *kuti* ‘как; как будто’ относятся к подчинительным и являются собственными средствами вепского языка.

Сочинительные скрепы по семантике делятся на соединительные, противительные и разделительные.

Соединительные скрепы *i* ‘и’, *da* ‘да’ используются, как правило, в простом предложении для установления связи между однородными членами, а также в сложном предложении. Чаще всего используется союз *i* ‘и’.

(186) ср.-вепск. сибирск.

Kaži tabaz hiren i süi. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

kaži=Ø	tabaz=Ø	hire=n	i	sü=i
кошка=NOM/Sg	поймать=IMPF/3Sg	мышь=ACC/Sg	и	съесть=IMPF/3Sg

‘Кошка поймала мышь и съела.’

(187) ср.-вепск. сибирск.

Mina tulin i hän läks. [Ульянов А. С., с. Иваничск, 2006 г.]

mina	tul=i=n	i	hän	läks=Ø
я	прийти=IMPF=1Sg	и	он	пойти=IMPF/3Sg

‘Я пришёл, и он пошел.’

Противительные скрепы *a* ‘а’, *no* ‘но’ используются в простом и сложном предложениях:

(188) ср.-вепск. сибирск.

Kaks' vot Mamko Tatcome mokičihesoi, a neso mahut ii kazvatanu nimida. [Ульянов А. С., с. Иваничск, 2006 г.]

kaks'	vo=t	mamko=Ø	tatko=me	mokiči=hesoi
два	год=PART/Sg	мать=NOM/Sg	отец=POSS/Sg	мучиться=REFL/IMPF/3Pl
a	несо	ma=hut=Ø	ii	kazvata=nu nimida
a	этот	земля=DEM=NOM/Sg	не	рождать=PP ничего

‘Два года они промучились, а эта земля ничего не рождала.’

Эти союзы могут выражать и противительно-уступительные отношения:

(189) ср.-вепсск. сибирск.

Sä vilu, no tulliid' iile. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

sä=Ø vilu **no** tullii=d' ii=le(olo)
погода=NOM/Sg холодный **но** ветер=PART/Sg не/3Sg=быть/Pr
'Погода холодная, но ветра нет.'

Разделительные скрепы *libo* 'или', *ili* 'или' употребляются в утвердительных предложениях, скрепа *vai* 'или' – в отрицательных:

(190) ср.-вепсск. сибирск.

Tulon tämbäi ili homen. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

tulo=n tämbäi **ili** homen
прийти=Pr/1Sg сегодня **или** завтра
'Приду сегодня или завтра.'

(191) ср.-вепсск. сибирск.

Sina olid mijau vai ed uunu? [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

sina ol=i=d mij=au **vai ed** uu=nu
ты быть=IMPF=2Sg мы=ADESS **или NEG/2Sg** быть=PP
'Ты был у нас или не был?'

Подчинительные скрепы связывают части, находящиеся в синтаксической зависимости друг от друга. Это союзы *konz* 'когда', *ka* 'то, так, поэтому', *ku* 'когда, если, как', *kuni* 'пока', *kut* 'как', *kuti* 'как; как будто', *vaiše* 'как только, если' и др.

Союз *konz* 'когда' передаёт темпоральную семантику. Он используется для выражения значений общей временной соотнесённости, полной и частичной неограничительной одновременности:

(192) ср.-вепсск. сибирск.

Varengän kiitas konz marg ehtib. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

varengä=n kii=tas **konz** marg=Ø
варенье=ACC/Sg варить=Pr/3Pl **когда** ягода=NOM/Sg
eht=i=b
поспевать=FREQ=Pr/3Sg
'Варенье варят, когда ягода поспевает.'

(193) ср.-вепсск. сибирск.

Konz mö ujuim toiželo randalo, möpagižim. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

konz mö uju=i=m toiže=lo rand=lo mö
когда мы плыть=IMPF/1Pl другой=ALLAT берег=ALLAT мы
pagiž=i=m
разговаривать=IMPF/1Pl
'Когда мы плыли на другой берег, мы разговаривали.'

(194) ср.-вепсск.

Viriganzi pert' junan ös, konz lujas kuiv sä oli. [Kodima 2004, №3: 4]

viriganz=i=Ø	pert=Ø	juna=n	ös=s,	konz
загораться=IMPF=3Sg	дом=NOM/Sg	июнь=GEN	ночь=INESS	когда
lujas	kuiv	sä=Ø	ol=i=Ø	
очень	сухой	погода=NOM/Sg	быть=IMPF=3Sg	

‘Загорелся дом в июньскую ночь, когда очень сухая погода стояла.’

Союз *ku* полисемантичен. Он может использоваться для выражения временных, условных, уступительных, сравнительных, а также модус-диктумных отношений:

(195) ср.-вепсск.

Ku om praznik, samvaran perthe todas. [Zaitseva M. 2001: 131]

ku	om=Ø	praznik=Ø	samvara=n	pert=he
когда	есть=Pr/3Sg	праздник=NOM/Sg	самовар=ACC/Sg	изба=ILLAT
to=das				
принести=Pr/3Pl				

‘Когда праздник, самовар приносят в избу.’

(196) ср.-вепсск. сибирск.

Ku sina pättad naikta, nai. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

ku	sina	pätta=d	naik=ta	nai=Ø
если	ты	хотеть=Pr/2Sg	жениться=INF _I	жениться=IMP/2Sg

‘Если ты хочешь жениться, женись.’

(197) ср.-вепсск.

Hebo göksob kebnas, kuti lind lendab. [Zaitseva M. 2001: 133]

hebo=Ø	göksob=b	kebnas	kuti	lind=Ø	lenda=b
лошадь=NOM/Sg	бежать=Pr/3Sg	легко	как	птица=NOM/Sg	лететь=Pr/3Sg

‘Лошадь бежит легко, как птица летит.’

(198) ср.-вепсск. сибирск.

Mina pidin meles, ku hän hüvä ristit. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

mina	pid=i=n	mele=s	ku	hän	hüvä
я	держать=IMPF=3Sg	ум=INESS/Sg	что	он	хороший
ristit=Ø					

человек=NOM/Sg

Букв.: Я держала в уме, что он хороший человек.

‘Я думала, что он хороший человек.’

Союз *kut* ‘как’ может употребляться как временной (в значении следования) и модус-диктумный:

(199) ср.-вепсск. сибирск.

Kut mina tulin, susedad tuudihe. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

kut mina tul=i=n suseda=d tuu=dihe
как я приехать=IMPF/3Sg сосед=NOM/Pl прийти=IMPF/3Pl
'**Как** я приехал, пришли соседи.'

(200) ср.-вепсск. сибирск.

En teda, kut lapsid kasvata da. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

en teda=Ø **kut** laps=i=d kasvata=da
не/1Sgз нать=Pr/Sg **как** ребёнок=Pl=PART вырастить=INF₁
'Не знаю, как детей вырастить.'

Однокомпонентная скрепа *ka* 'то, так, поэтому' служит для выражения отношений следствия:

(201) ср.-вепсск. пондал.

Edahaks mänod, ka säto lamemba. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

edahaks mänö=d, **ka** säto=Ø lame=mba
далеко идти=Pr/2Sg **поэтому** одеться=IMP/2Sg тёплый=COMP
'Идёшь далеко, **поэтому** оденься теплее.'

Союз *kuti* 'как; как будто' передаёт сравнительное значение. Используется как в монопредикативных, так и в полипредикативных конструкциях:

(202) ср.-вепсск. сибирск.

Päiv läm kuti kezau. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

päiv=Ø läm **kuti** keza=u
день=NOM/Sg тёплый **как** лето=ADESS
'День тёплый, как летом.'

(203) ср.-вепсск. сибирск.

Ak käub, kuti kana tipitab. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

ak=Ø käu=b **kuti** kana=Ø tipita=b
женщина=NOM/Sg идти=Pr/3Sg **как** курица=NOM/Sg семенить=Pr/3Sg
'Женщина идёт, как курица семенит.'

В систему союзных средств вовлекаются слова знаменательных частей речи. Особенно активен процесс образования скреп на базе местоимений – вопросительного *mi* 'что' и указательного *se* 'тот, то'.

На основе разных падежных форм вопросительного местоимения *mi* 'что' сформировались скрепы *miše* 'что; чтобы' (*mi=še* 'что=INESS'), *mihe* 'что' (*mi=he* 'что=ILLAT'), *mida* 'что' (*mi=da* 'что=PART'), которые используются для выражения следующих типов отношений:

– ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ:

(204) ср.-вепсск. сибирск.

Mam toropihe, mi laps lanktob vedoho. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

mam=Ø	torop=i=he	mi=Ø	laps=Ø
мать=NOM/Sg	испугаться=IMPF=REFL/3Sg	что=NOM	ребёнок=NOM/Sg
lankto=b	vedo=ho		
упасть=Pr/3Sg	вода=ILLAT		

‘Мать испугалась, что ребёнок упадёт в воду.’

(205) ср.-вепсск. сибирск.

Sanutihe, miše homen linneb vihm. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

sanu=tihe	mi=še	homen	linne=b	vihm=Ø
сказать=IMPF/3Pl	что=INESS	завтра	быть=Pr/3Sg	дождь=NOM/Sg

‘Сказали, что завтра будет дождь.’

(206) ср.-вепсск. сибирск.

Mö hätken meles pidim mida ostta. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

mö	hätken	mele=s	pid=i=m	mi=da	ost=ta
мы	долго	ум=INESS/Sg	держать=IMPF/1Pl	что=PART	купить=INF ₁

‘Мы долго думали, что купить.’

– целевой семантики:

(207) ср.-вепсск. сибирск.

Hän liīzaz’ vüuki gäuhod, miše tahtaz oliiž saged. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

hän	liīza=z’	vüuki	gäuhod=d	miše
он	добавлять=COND/3Sg	ещё	мука=PART/Sg	чтобы
tahtaz=Ø		oli=iž		saged
тесто=NOM/Sg		быть=COND/3Sg		густой

‘Она добавила ещё муки, чтобы тесто было густым.’

(208) ср.-вепсск. сибирск.

Idänu rugiž pandihe räčile mi magiduiž. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

idä=nu	rugič=Ø	pan=dihe
проращивать=PP	рожь=NOM/Sg	положить=IMPF/3Pl
räči=le	mi	magidu=iž
печь=ALLAT/Sg	чтобы	стать сладким=COND/3Sg

‘Проросшую рожь положили на печку, чтобы она стала сладкой.’

Скрепы *sikš* и *sentäht* представляют собой падежную и падежно-последнюю форму указательного местоимения *se* ‘тот, то’:

si=kš

тот, то=TRANSL

‘потому что; поэтому’

se=n=täht

тот, то=GEN=из-за

‘потому что; поэтому’

Они могут использоваться для выражения отношений и причины, и следствия, в зависимости от того, какую предикативную единицу – причинную или следственную – они маркируют:

(209) ср.-вепсск. сибирск.

Sina nimida ed teda, sentäht nikuna ed käu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

sina nimida ed teda=Ø **sentäht** nikuna ed käu=Ø

ты ничего не/2 знать=Pr/Sg **потому что** никуда не/2 ходить=Pr/Sg

‘Ты ничего не знаешь, потому что никуда не ходишь.’

(210) ср.-вепсск.

Nahk om sirikaz, sentäht sapkad kizeitas. [Зайцева, Муллонен 1972: 513]

nahk om sirikaz **sentäht** sapka=d kizei=tas

кожа быть=Pr/3Sg сыроватый **потому** сапог=NOM/Pl скрипеть=Pr/3Pl

‘Кожа плохо выделана, поэтому сапоги скрипят.’

В функции скреп могут выступать слова *kus* ‘где’, *kuna* ‘куда’, *kuspäi* ‘откуда’, которые используются в модус-диктумных предложениях, а также в релятивных предложениях с семантикой характеристики:

(211) ср.-вепсск. сибирск.

Hän nägi kus sina olid. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

hän näg=i=Ø **kus** sina ol=i=d

он видеть=IMPF=3Sg где ты быть=IMPF/2Sg

‘Он видел, где ты был.’

(212) ср.-вепсск. пондал.

Neco pert kuna mina müin lehman. [Яшев В. К., Пондала, 2012 г.]

neco pert **kuna** mina mü=i=n lehma=n

это дом куда я продать=IMPF=1Sg корова=ACC/Pl

‘Это дом, куда я продал корову.’

2. **Многокомпонентные одноместные скрепы** образованы сочетанием различных служебных частей речи со знаменательными или соединением друг с другом.

В вепсском языке в составе этих скреп есть семантически значимый компонент – предлог, послелог или существительное определённой семантики (например, *aig* ‘время’ или *viga* ‘изъян, причина, вина’) и семантически нейтральная часть – указательное местоимение *se* ‘тот, то’ или вопросительно-относительное *mi* ‘что’ в разных падежных формах:

selle aighasai kudai

se=lle	aig=hasai	kudai
то=ALLAT	время=TERM I	пока

‘до того времени пока’

ses aigaspäi konz

se=s	aiga=späi	konz
то=INESS	время=ELAT	как

‘с тех пор как’

edou temad kut

edou	tema=d	kut
перед	то=PART	как

‘перед тем как’

sespäi mi

se=späi	mi
то=ELAT	что

‘оттого, что’

sen vigaui mi

se=n	viga=u	mi
то=GEN	причина=ADESS/Sg	что

‘по причине того, что’

ka sikš i

ka	si=kš	i
так	тот, то=TRANSL	и

‘(то) потому (и)’

ka seda i

ka	se=da	i
так	то=PART	и

‘(то) поэтому (и)’

Многокомпонентный состав скреп, изменяемость этих компонентов (падежное, послеложное изменение) позволяют более детально и дифференцированно передавать общие типы отношений. Например, скрепа *kaikitčou kerdau kut* ‘всякий раз как’ выражает значение общей временной соотнесённости:

(213) ср.-вепсск. сибирск.

Kaikitčou kerdau kut vihmäd zaodišoi, minun tam kounivelehtad pakutab. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

kaikiččo=u	kerda=u	kut	vihma=d	zaodi=šoi
всякий=ADESS	раз=ADESS	как	дождь=NOM/Pl	начинаться=Pr/REFL/3Pl
minun	mamko=u	nivelehta=d		pakuta=b
мой	мать=ADESS	сустав=NOM/Pl		ломить=Pr/3Pl

‘Всякий раз как дожди начинаются, у моей матери суставы ноют.’

Значение следования конкретизируется скрепами *kut vaiše* ‘как только’ как немедленное следование, *ses aigaspäi konz* ‘с тех пор как’ – как ограничительное следование.

Если к скрепам *sikš* и *sentäht* присоединяется второй союзный компонент – вопросительно-относительное местоимение *mi* ‘что’ в разных падежных формах, они указывают на общую причину, например:

(214) ср.-вепсск. сибирск.

Mö tulim neče elon siäl sentäht miše tägau om škol. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

mö	tul=i=m	neč=he	elo=n	siä=l	sentäht
мы	приехать=IMPF=1Pl	этот=ILLAT	жизнь=GEN	место=ADESS	потому
miše	tägau om	škol=Ø			
что	здесь быть=Pr/3Sg	школ=NOM			

‘Мы приехали в этот посёлок, потому что здесь есть школа.’

Для конкретизации общей причины и выделения оттенков причинного значения используются многокомпонентные скрепы *sešpäi mi* ‘оттого, что’, *sentäht ku* ‘из-за того как’; *ka sikš(i)*, *ka seda(i)* ‘то потому и’, *päliči seda miše* ‘из-за того что’, *sen vigau mi* ‘по причине того, что’:

(215) ср.-вепсск. сибирск.

Nakein laps' läžeganzi sešpäi mi käui mär'gime gäugoime. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

nakein	laps'=Ø	läžu=škanz=Ø	se=špäi	mi
наверно	ребёнок=NOM/Sg	болеть=INCH=IMPF	то=ELAT	что
käui=i=Ø	mär'g=i=dme	gäugo=i=dme		
ходить=IMPF=3Sg	мокрый=Pl=KOM	нога=Pl=KOM		

‘Наверно, ребёнок заболел из-за того, что ходил с мокрыми ногами.’

(216) ср.-вепсск. сибирск.

Sentäht ku mö tegim ii muga kut nevoi se uk, tegihe gorä. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

se=n=täht	ku	mö	teg=i=m	ii	muga	kut
то=GEN=из-за	что	мы	сделать=IMPF/1Pl	не	так	как
nevo=i=Ø		se	uk=Ø	teg=i=he		
советовать=IMPF=3Sg		тот	старик=NOM/Sg	случиться=IMPF/REFL/3Sg		

gorä=Ø

беда=NOM/Sg

‘Из-за того, что мы поступили не так, как советовал тот старик, случилась беда.’

(217) север.-вепсск.

Havad om rebinu, ka sikš giväd votaze. [Zaitseva M. 2001: 141]

havad=Ø

om

rebi=nu

ka

si=kš

givä=d

мешок=NOM/Sg

быть=Pr/3Sg

рвать=PP

так

то=TRANSL

зерно=NOM/Pl

vo=taze

сыпаться=Pr/3Pl

‘Мешок рванный, потому и зерно сыплется.’

В составе многокомпонентных скреп (*ka*) *sikš* (*i*), (*ka*) *seda* (*i*) компоненты *ka* и *i* могут отсутствовать, так как слова *sikš* и *seda* являются лексически полнозначными словами.

Скрепка *a se* ‘а то’ формирует предложения альтернативной мотивации, в которых мотивация основана на допущении предполагаемого явления, обратного тому, которое названо в первой части, и несовместимого с явлением, названным во второй части:

(218) ср.-вепсск. сибирск.

Sö kaš, a se koiralo andan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

sö=Ø

kaš=Ø

a

se

koira=lo

anda=n

есть=IMP/2Sg

каша=NOM

a

то

собака=ALLAT

отдать=Pr/1Sg

‘Ешь кашу, а то собаке отдам.’

Двухместная скрепа уступительной семантики *darom miše* ‘хотя, несмотря на то что’ является фразеологическим выражением: её общий смысл не равен сумме значений составляющих, хотя и мотивирован этими значениями.

(219) ср.-вепсск. сибирск.

Darom miše hän elab edahan, hän nikonz ii tulo möhä. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2008 г.]

darom

miše

hän

ela=b

edahan

hän

nikonz

ii

несмотря

что

он

жить=Pr/3Sg далеко

он

никогда

не/3Sg

tulo=Ø

möhä

прийти=Pr/Sg

поздно

‘Несмотря на то, что он живёт далеко, он никогда не опаздывает.’

1.2.2. Неодноместные скрепы

Компоненты неодноместных скреп расположены не в одной части СП, а в каждой. Они подразделяются на двух- и многоместные.

1. **Двухместные скрепы.** Компоненты двухместной скрепы распределены по обеим частям ППК. Эти скрепы представляют собой разные конструктивные варианты:

а) соединения союзов и соотносительных с ними коррелятов: *konz ... ka* ‘когда ... то’, *ku ... ka* ‘как, если ... то’, *kuni (kudai) ... ka* ‘пока ... то’, *kut ... tuga* ‘как ... так’, *vaiše...ka* ‘когда, если ... то’, *kutvaiše ... tuga* ‘как только ... так’; *ku...znamoičeb* ‘раз..., значит’;

б) сочетания местоимений в падежной (падежно-последовательной) форме и служебных слов (союзов, частиц): *sihessai ... kuniii* ‘до тех пор..., пока не’; *tuga ... kuti (butto)* ‘так..., как (будто)’; *tuga ... miše* ‘так..., что’; *tuga ... eskai* ‘так ... даже’; *severz ... kut i (butto)* ‘столько ... как (и)’;

в) сочетания вопросительных, указательных, определительных местоимений в разных падежных формах друг с другом или с наречиями: *mi ... se* ‘что ... то, чем ... тем’; *se ... ken* ‘тот ... кто’; *ken ... se* ‘кто ... тот’; *mida ... sida* ‘чем ... тем’; *kelle ... sille* ‘кому ... тому’; *severz ... kuverz(i)* ‘столько ... сколько (и)’; *ked ... ned* ‘кто ... те’; *kaik ... ken* ‘все ... кто’; *sinna (sigaupäi) ... kus* ‘туда ... где’; *kus ... siga i* ‘где ... там и’; *kaikjoupäi ... kuna* ‘отовсюду ... куда’; *se ... kudamb* ‘тот ... который’.

Двухместные скрепы в большей мере задействованы в выражении временных, сравнительно-сопоставительных и определительных отношений и в меньшей – отношений обусловленности.

Скрепы *ku ... ka* ‘когда ... то’, *konz ... (ka) siloi* ‘когда ... (то) тогда’ используются для передачи значения общей временной соотнесённости:

(220) ср.-вепсск. сибирск.

Konz (Ku)puhärpäi, ka siloi (ka) ii rakoi. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

konz (ku)	puhärpäi	ka	siloi (ka)	ii	ra=koi
когда	воскресенье	то	тогда	не3	работать=Pr/Pl

‘Когда воскресенье, то тогда не работают.’

Скрепа *ku ... ka* ‘когда ... то’ может выражать условную и причинную семантику:

(221) ср.-вепсск. сибирск.

Ku homen ii linne vihtad, ka mänom lömhä pähkimid’. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

ku	homen ii	linne=Ø	vihtad	ka	mäno=m
если	завтра не	быть=Pr/3Sg	дождь=PART/Sg	то	пойти=Pr/1Pl

lō=m=hä pähkim=i=d'
 бить=INF₃=ILLAT орех=Pl=PART
 ‘Если завтра не будет дождя, то пойдём бить орехи.’

(222) ср.-вепсск. сибирск.

Ku langti mugoi äjai lumed, (ka) mänom štargmaha suksil. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

ku langt=i mugoi äjai lume=d mänō=m
 так как выпадать=IMPF/3Sg так много снег=PART/Sg пойти=Pr/1Pl
 štarg=ma=ha suks=i=l'
 кататься=INF₃=ILLAT лыжа=Pl=ADESS/Sg
 ‘Так как выпало много снега, пойдём кататься на лыжах.’

Скрепы *vaiše-vaiše ... kut* ‘только-только ... как’, *en ehtnü ... kut* ‘не успел ... как’ выражают отношения немедленного следования:

(223) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše-vaiše mina nukuškanzin', kut veraihe kolotiškatihe. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

vaiše-vaiše mina nuku=škanz=i=n' **kut** verai=he
 только-только я дремать=INCH=IMPF=3Sg как дверь=ILLAT
 koloti=ška=tihe
 стучать=INCH=IMPF/3Pl
 ‘Только-только я задремал, как в дверь постучали.’

Посредством фразеоскрепы ‘не успел ... как’ «акцентируется минимальность интервала между ситуациями или отсутствие интервала, причём вторая ситуация противопоставляется первой как внезапная, неожиданная» [Русская грамматика 1980, т. II: 558–559; Черемисина 1987]:

(224) ср.-вепсск. сибирск.

Mina en ehtnü sprvdäksō, kut läžuškanz ižand. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

mina **en** eht=nü sprav=dä=kso **kut**
 я не/1Sg успеть=PP выздороветь=INF₁=REFL как
 läžu=škanz=Ø ižand=Ø
 болеть=INCH=IMPF3Sg хозяин=NOM/Sg
 ‘Не успела я выздороветь, как заболел муж.’

Скрепa *sihessai ... kuni ii* ‘до тех пор ... пока не’ передает отношения ограничительного предшествования:

(225) ср.-вепсск. пондал.

Sihešsai pekstas kuni ii libu padas. [Зайцева, Муллонен 1972: 508]

sihešsai peks=tas **kuni ii** libu=Ø pada=s
 до тех пор взбивать=Pr/3Pl пока не/3Sg подняться=Pr/Sg горшок=INESS

‘Взбивают до тех пор, пока не поднимется в горшке.’

Двухместными скрепами выражаются сравнительно-сопоставительные отношения:

– значение образа действия:

(226) ср.-вепсск.

Tütär muga voik, butto prostihez igaks. [Zaitseva M. 2001: 123]

tütär=Ø **muga** voik=Ø **butto** prost=i=hez
дочь=NOM/Sg **так** плакать=IMPF/3Sg **будто** прощаться=IMPF=REFL3Sg
iga=ks
век=TRANSL

‘Дочь так плакала, будто прощалась навек.’

– меры и степени:

(227) ср.-вепсск.

Severz rahvast tuli, ka iikuna olnu ištutada kaikid. [Zaitseva M. 2001: 123]

severz rahvas=t tul=i=Ø **ka** ii=kuna ol=nu
столько народ=PART прийти=IMPF=3Sg **так** не=куда быть=PP
ištuta=da kaik=i=d
посадить=INF₁ весь=Pl=PART

‘Столько народу пришло, что некуда было всех посадить.’

– соответствия:

(228) ср.-вепсск.

Mida aigemba libud, sida enamban ehtid tehta. [Zaitseva M. 2001: 122]

mi=da aige=mba libu=d **si=da** ena=mb=an
что=PART рано=COMP встать=Pr/2Sg **то=PART** больше=COMP=GEN
ehtid=d teh=ta
успеть=Pr/2Sg сделать=INF₁

‘Чем раньше встанешь, тем больше успеешь сделать.’

Двухместными скрепами передаются отношения:

– характеристики:

(229) ср.-вепсск.

Se kala traviše hotkemba, kudamui somus hobedakaz. [Зайцева, Муллонен 1972: 125]

se kala=Ø travi=še hotke=mba
та рыба=NOM/Sg портиться=Pr/REFL/3Sg быстрый=COMP

kudamu=u **somus**=Ø **hobedakaz**
который=ADESS чешуя=NOM/Sg серебристый
‘Та рыба портится быстрее, у которой чешуя серебристая.’

– пространственного отождествления:

(230) ср.-вепсск. сибирск.

Ve sinna, kus otid. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

ve=Ø **sinna** **kus** **ot**=i=d
унести=IMP/2Sg туда где взять=IMPF=2Sg
‘Унеси туда, где взял.’

– предметного отождествления:

(231) юж.-вепсск.

Kelle arb langez, sille tarbi mända. [Zaitseva M. 2001: 127]

ke=lle **arb**=Ø **langez**=Ø **si**=lle **tarbi**
кто=ALLAT жребий=NOM/Sg выпадать=IMPF/3Sg тот=ALLAT надо
män=da
идти=INF₁
‘Кому жребий выпал, тому надо идти.’

Образованы эти скрепы по образцу русских местоименно-соотносительных средств связи.

2. **Многостепенные скрепы** в русском языке представляют собой повторяющиеся разделительные союзы *то ... то, ли ... ли, ни ... ни* и др. Для вепсского языка подобные скрепы не характерны. В текстах, которые привлекались для исследования, отмечена скрепа *se ... se* ‘то ... то’:

(232) ср.-вепсск.

Se vihmub, se päiv paštab. [Zaitseva M. 2001: 140]

se **vihmu**=b **se** **päiv**=Ø **pašta**=b
то дождить=Pr/3Sg **то** солнце=NOM/Sg греть=Pr/3Sg
‘То идёт дождь, то греет солнце.’

Список скреп вепсского языка и их структурно-семантическая классификация приводится в Таблице 4.

Таблица 4

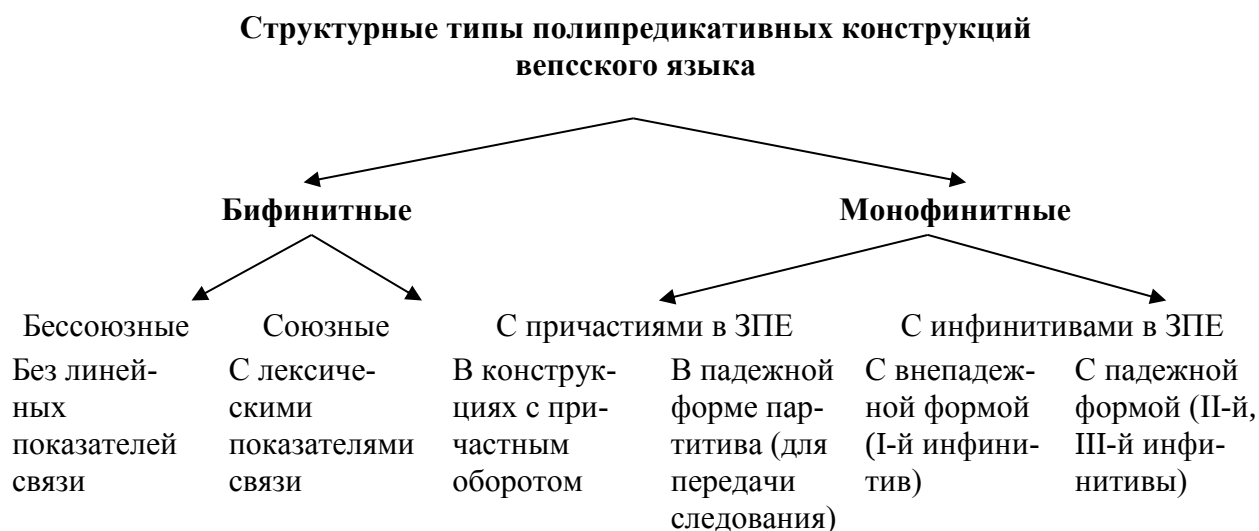
**Структурно-семантическая классификация аналитических скреп
вепсского языка**

Тип отношения	Скрепы			
	Одноместные		Неодноместные	
	Однокомпонентные	Многокомпонентные	Двухместные	Многоместные
Соединительные	<i>i</i> ‘и’ <i>da</i> ‘да’			
Противительные	<i>a</i> ‘а’ <i>no</i> ‘но’			
Разделительные	<i>libo</i> ‘или’ <i>ili</i> ‘или’ <i>vai</i> ‘или’			<i>se ...se</i> ‘то...то’
Временные	<i>konz</i> ‘когда’ <i>ku</i> ‘когда’ <i>kut</i> ‘как’ <i>kudai</i> ‘пока’ <i>kuni</i> ‘пока’ <i>vaiše</i> ‘только’	<i>kudai ei</i> ‘пока не’ <i>kut vaiše</i> ‘как только’ <i>edou kut</i> ‘прежде чем’ <i>gälghe seda kut</i> ‘после того как’ <i>kaikitčou kerdau kut</i> ‘всякий раз как’ <i>selle aighasai kudai</i> ‘до того времени пока’ <i>ses aigaspäi konz</i> ‘с тех пор как’ <i>edou temad kut</i> ‘перед тем как’ <i>päliči seda kut</i> ‘через то как’	<i>konz ... ka</i> ‘когда ... то’ <i>kuni ... ka</i> ‘пока ... то’ <i>ku ... ka</i> ‘когда ... то’ <i>kut ... muga</i> ‘как ... так’ <i>konz ... silei (siloï)</i> ‘когда ... тогда’ <i>en ehtnü ... kut</i> ‘не успел ... как’ <i>vaiše ... ka</i> ‘когда ... то’ <i>kut vaiše ... muga</i> ‘как только ... так’ <i>sihessai ... kuni ii</i> ‘до тех пор ... пока не’ <i>vaiše-vaiše ... kut</i> ‘только-только ... как’	
Причинно- следственные	<i>ka</i> ‘то, так, поэтому’ <i>sikš</i> ‘потому, потому что’ <i>sentäht</i> ‘потому, потому что’ <i>ika</i> ‘не то’ <i>muito</i> ‘иначе’	<i>sikš mi (miše)</i> ‘потому что’ <i>sentäht mi</i> ‘потому что’ <i>päliči seda miše</i> ‘из-за того что’ <i>sen vigau mi</i> ‘по причине того, что’ <i>sespäi mi</i> ‘от того, что’ <i>sentäht ku</i> ‘из-за того как’ <i>ka sikš (i)</i> ‘то потому и’ <i>ka seda (i)</i> ‘то потому и’ <i>a se</i> ‘а (не) то’	<i>ku ... znamoičeb</i> ‘раз..., значит’	
Условные	<i>ku</i> ‘если’		<i>ku ... ka</i> ‘если ... то’ <i>vaiše ... ka</i> ‘если ... то’	

Целевые	<i>mi</i> ‘чтобы’ <i>miše</i> ‘чтобы’			
Уступительные	<i>hot</i> ‘хотя’ <i>darom</i> ‘хотя’ <i>ku</i> ‘даже если бы’	<i>darom miše</i> ‘хотя, несмотря на то что’		
Сравнительно-сопоставительные	<i>ku</i> ‘как’ <i>kut</i> ‘как’ <i>kuti</i> ‘как, как будто’ <i>aniku</i> ‘словно, как’		<i>muga ... miše</i> ‘так ... что’ <i>muga ... kuti (butto)</i> ‘так ... как (будто)’ <i>severz ... ka</i> ‘столько ... что’ <i>muga ... eskai</i> ‘так ... даже’ <i>severz ... kut i (butto)</i> ‘столько ... как (и)’	
Изъяснительные	<i>ku</i> ‘что’ <i>kut</i> ‘как’ <i>mi</i> ‘что’ <i>miše</i> ‘что’ <i>mihe</i> ‘что’ <i>mida</i> ‘что’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kuna</i> ‘куда’ <i>kuspäi</i> ‘откуда’ <i>konz</i> ‘когда’			
Определительные	<i>kudamb</i> ‘который’ <i>mitte</i> ‘какой’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kuna</i> ‘куда’ <i>kuspäi</i> ‘откуда’ <i>konz</i> ‘когда’		<i>se ... kudamb</i> ‘тот ... который’ <i>sinna ... kus</i> ‘туда ... где’ <i>sigä ... kus</i> ‘там ... где’ <i>kaikäupäi ... kuna</i> ‘отовсюду ... куда’ <i>ned ... ked</i> ‘те ... кто’ <i>se ... ken</i> ‘тот ... кто’ <i>se ... mi</i> ‘то ... что’ <i>kaik ... ken</i> ‘все ... кто’	

Итак, структурные типы вепсских полипредикативных конструкций представлены двумя основными классами – бифинитные и монофинитные. Наибольшее распространение в языке имеют бифинитные ППК, сказуемые обеих частей которых выражены финитными формами сказуемых. Связь между частями может осуществляться либо бессоюзно, либо посредством аналитических скреп – союзов или союзных слов. В монофинитных ППК сказуемое ЗПЕ принимает форму либо причастия, либо инфинитива, которые передают весь спектр подчинительных отношений – определительные, изъяснительные и обстоятельственные (см. Схему 3)

Схема 3

2. Бифинитные аналитические ППК в прибалтийско-финских языках

Во всех прибалтийско-финских языках бифинитные аналитические ППК являются основным, доминирующим средством в передаче разных типов отношений между событиями.

Аналитические средства связи в прибалтийско-финских языках и передаваемые ими значения описываются в ряде специальных работ:

- вепсский язык: [Кеттунен 1943; Зайцева М.И. 1981, 1972, 2001; Бродский 2008; Хямяляйнен 1966];
- финский язык: [Hakulinen, Karlsson 1979; Hakulinen et al. 2004; Томмола 1998: 350–370; 2004: 223–258; 2009: 515–566; Братчикова 2013];
- эстонский язык: [Пялль и др. 1962; Каск 1966; Ereht 1979];
- карельский язык: [Макаров 1966; Федотова 1990; Зайков 1999, 2000];

– водский язык: [Адлер 1966; Ariste 1968; Маркус, Рожанский 2011] и др.

В данных исследованиях союзные средства рассматриваются по структуре (непроизводные и производные) и по характеру связи (сочинительные и подчинительные).

Производные союзы в языках прибалтийско-финской группы, как и во всех языках, в подавляющем большинстве случаев формируются на базе местоимений и служебных слов. Например, водский союз *seneperäss-jotti* ‘потому что’ образован из *sene* ‘тот.GEN’, *peräss* ‘из-за’ и *jotti* ‘чтобы’ [Маркус, Рожанский 2011: 199].

Общим для всей группы прибалтийско-финских языков является полисемантический союз *ku*. В вепсском, карельском и водском языках он является самостоятельным союзом: вепсск. *ku* ‘когда, если, что, как’, водск. *ku* ‘когда, как, если’, карельск. *ku* ‘когда, если’. В других прибалтийско-финских языках он выступает в роли общего компонента скреп различной семантики: финск. *kun* ‘когда’, эстонск. *kui* ‘когда, если’, *kuni, kudai* ‘пока’, карельск. *kun* ‘если’.

Также общими для всей группы можно считать союзы изъяснительно-целевой семантики, например: финск. *että, jotta* ‘чтобы, что’, карельск. *jotta* ‘чтобы, что’, эстонск. *et* ‘чтобы, что’, водск. *jotti* ‘чтобы, что’. В вепсском языке используются также изъяснительно-целевые союзы *mi, miše* ‘что, чтобы’. В остальных значениях вепсские союзы сопоставимы с союзами родственных языков и отражают общий прибалтийско-финский стандарт.

Следует отметить, что в бесписьменных языках для выражения таких значений, как условие, уступка, причина, активно используются заимствованные из русского союзы *jesli* ‘если’, *hot* ‘хотя’, *patamu-šta* ‘потому что’ и др.

В сибирском говоре вепсского языка в полном объёме сохраняется состав собственных союзных средств, в то время как пондальский говор отличается большим количеством заимствований: пондал. *roka* ‘пока’, *ras* ‘если’ и др.

Состав основных, наиболее употребительных скреп прибалтийско-финских языков представлен в Таблице 5.

Аналитические скрепы в прибалтийско-финских языках

Скрепы								
Язык	Обстоятельственной семантики						Изыяснительные	Определительные
	Время	Цель	Условие	Уступка	Причина	Следствие		
Вепсский	<i>konz</i> ‘когда’ <i>ku</i> ‘когда’ <i>kut</i> ‘как’ <i>kuni</i> ‘пока’ <i>kudai</i> ‘пока’ <i>vaiše</i> ‘только’	<i>mi</i> ‘чтобы’ <i>miše</i> ‘чтобы’	<i>ku</i> ‘если’ <i>jesli</i> ‘если’	<i>hot</i> ‘хотя’ <i>darom</i> ‘хотя’ <i>ku</i> ‘даже если бы’	<i>sikš miše</i> ‘потому, по- тому что’ <i>sentäht</i> ‘потому, по- тому что’	<i>ka</i> ‘то, так, потому’	<i>ku</i> ‘что’ <i>kut</i> ‘как’ <i>mi</i> ‘что’ <i>miše</i> ‘что’ <i>mihe</i> ‘что’ <i>mida</i> ‘что’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kuna</i> ‘куда’ <i>kuspäi</i> ‘откуда’ <i>konz</i> ‘когда’	<i>kudamb</i> ‘который’ <i>mitte</i> ‘какой’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kuna</i> ‘куда’ <i>kuspäi</i> ‘откуда’ <i>konz</i> ‘когда’
Финский	<i>kun</i> ‘когда’ <i>kunnes</i> ‘пока’ <i>niin kauan kuin</i> ‘пока’ <i>juuri kun</i> ‘только’ <i>heti kun</i> ‘только’	<i>että</i> ‘чтобы’ <i>jotta</i> ‘чтобы’	<i>jos</i> ‘если’	<i>vaikka</i> ‘хотя’	<i>sen tähden että</i> ‘потому что’	[<i>niin</i>] <i>että, niin</i> ‘так, что; то, поэтому’	<i>että</i> ‘что’ <i>kuinka</i> ‘как’ <i>miten</i> ‘как’ <i>mihin</i> ‘куда’ <i>missä</i> ‘где’ <i>missä</i> ‘где’ <i>milloin</i> ‘когда’	<i>joka</i> ‘который’ <i>mikä</i> ‘который’ <i>jollainen</i> ‘какой’ <i>missä</i> ‘где’ <i>mihin</i> ‘куда’ <i>josta</i> ‘откуда’ <i>milloin</i> ‘когда’
Карельский	<i>kons</i> ‘когда’ <i>konša</i> ‘когда’ <i>konzu</i> ‘когда’ <i>koz</i> ‘когда’ <i>kun</i> ‘когда, как’ <i>ku</i> ‘когда’ <i>kuni</i> ‘пока’	<i>jotta</i> ‘чтобы’ <i>štobi</i> ‘чтобы’	<i>još</i> ‘если’ <i>kun</i> ‘если’ <i>jesli</i> ‘если’ <i>ras</i> ‘если’	<i>hot</i> ‘хотя’	<i>kun</i> ‘потому что’	<i>ka, ga</i> ‘то, так’ <i>što</i> ‘что’ <i>ato</i> ‘а то’	<i>kun</i> ‘как’ <i>što</i> ‘что’ <i>jotta</i> ‘что’ <i>mitä</i> ‘что’ <i>missä</i> ‘где’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kussa</i> ‘где’	<i>kumpani</i> ‘который’ <i>jotta</i> ‘который’ <i>mimmoni</i> ‘какой’ <i>mittiini</i> ‘какой’ <i>kulla</i> ‘что’ <i>mitä</i> ‘что’ <i>missä</i> ‘где’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kussa</i> ‘где’ <i>kunne</i> ‘куда’ <i>kunna</i> ‘куда’ <i>kusta</i> ‘откуда’

¹² В таблице представлены только простые и наиболее употребительные союзы.

Эстонский	<i>kui</i> ‘когда’ <i>kus</i> ‘когда’	<i>et</i> ‘чтобы’	<i>kui</i> ‘если’	<i>kuigi</i> ‘хотя’	<i>sest</i> ‘потому что, так как’	<i>nii et</i> ‘так что’	<i>et</i> ‘что’ <i>kuidas</i> ‘как’ <i>mis</i> ‘что’ <i>kes</i> ‘кто’ <i>kust</i> ‘откуда’, <i>kuhu</i> ‘куда’	<i>mis</i> ‘что’ <i>kes</i> ‘кто’ <i>selline</i> ‘какой’ <i>säärane</i> ‘какой’ <i>milline</i> ‘какой’ <i>missugune</i> ‘какой’ <i>kus</i> ‘где’ <i>kuhu</i> ‘куда’ <i>kunas</i> ‘когда’ <i>kuidas</i> ‘как’
Водский	<i>kens</i> ‘когда’ <i>kuj</i> ‘как, когда’ <i>ku</i> ‘когда, как’	<i>jotti</i> ‘чтобы’ <i>štob</i> ‘чтобы’	<i>ku</i> ‘как, если’ <i>kens</i> ‘когда’ <i>no-ku</i> ‘если’ <i>jesli</i> ‘если’	<i>hot</i> ‘хотя’ <i>vajkoz</i> ‘хотя’	<i>što</i> ‘что’ <i>patamu-šta</i> ‘потому что’ <i>senepe-räss-jotti</i> ‘потому что’	<i>sīz (siz)</i> ‘тогда’	<i>jotti</i> ‘что’ <i>što</i> ‘что’ <i>mitä</i> ‘что’ <i>kuza</i> ‘где’ <i>kuhe</i> ‘куда’ <i>kuss</i> ‘откуда’ <i>kens</i> ‘когда’	<i>kump</i> ‘который’ <i>tšen</i> ‘кто’ <i>mikā</i> ‘что’ <i>milläin</i> ‘какой’ <i>miltejn</i> ‘какой’ <i>millin</i> ‘какой’ <i>kuza</i> ‘где’ <i>kuhe</i> ‘куда’ <i>kuss</i> ‘откуда’ <i>kens</i> ‘когда’ <i>što</i> ‘что’

Выводы

Полипредикативный синтаксис вепсского языка представлен двумя структурными типами – синтетическими и аналитическими ППК.

Исконными разновидностями полипредикативных конструкций в вепсском языке, относящимися к уральской типологической общности, являются синтетические монофинитные конструкции. Сказуемое зависимой предикативной единицы таких конструкций выражено инфинитивными формами глагола – инфинитивами и причастиями. В вепсском языке четыре инфинитива и три причастия. IV-й инфинитив в исследуемых говорах не зафиксирован.

В предикативном склонении участвуют II-й инфинитив в инессиве, III-й инфинитив в иллативе, инессиве, абессиве, элативе, адессиве (в сибирском говоре два последних падежа в предикативном склонении не зафиксированы), а также пассивное причастие в партитиве.

ЗПЕ со II-м инфинитивом в инессиве образуют темпоральные (со значением одновременности) и целевые конструкции, с III-м инфинитивом в инессиве – темпоральные (со значением одновременности) и изъяснительные конструкции. ЗПЕ с III-м инфинитивом в иллативе служат для выражения целевого отношения. Эти формы составляют ядро предикативного склонения. ППК могут иметь моно- и разносубъектные реализации. Субъект ЗПЕ в РСК может быть выражен именами в формах генитива и партитива, может обозначаться притяжательным суффиксом или не иметь специального обозначения (в неопределённо-личных и обобщённо-личных предложениях).

На периферии системы предикативного склонения в вепсском языке находятся конструкции с III-м инфинитивом в падежных формах элатива, адессива и абессива, при помощи которых строятся ППК со значением образа действия, они указывают также на дополнительное действие, сопутствующее основному.

I-й инфинитив принят за словарную форму вепсского глагола и формирует ППК с целевым значением.

Причастия в вепсском языке участвуют в определительных и темпоральных ППК. В определительных ППК причастие, организующее ЗПЕ, выступает в функции определения к определяемому слову в составе ГПЕ. В этой функции используются все три причастия вепсского языка: I-е причастие актива, II-е причастие актива и пассивное причастие. В темпоральных ППК со значением разновременности (следования) используется пассивное причастие в падежной форме партитива.

Аналитический структурный тип ППК представлен бифинитными конструкциями с аналитическими показателями связи и бессоюзием. Использование последних ограничено причинными, изъяснительными и условными

отношениями. Система союзных средств связи разработана в вепсском языке достаточно хорошо. В составленной нами классификации насчитывается более 50 союзных скреп разной семантики. ППК с аналитическими средствами связи являются самыми распространёнными в вепсском языке. Пополнение фонда скреп происходит путём калькирования русских моделей с опорой на собственные средства – вепсские местоимения и частицы.

На многих языках Сибири, в том числе и на вепсском, подтвердились выводы М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, сделанные на материале русского языка, о закономерностях пополнения фонда аналитических скреп и принципах организации их системы.

Прибалтийско-финские языки в целом обладают едиными механизмами построения ППК, в них используются материально тождественные инфинитивные формы, функции которых в основных чертах пересекаются. Из всех языков монофинитная стратегия построения ППК наиболее широко представлена в финском языке, менее всего – в водском. Предположительно сохранению синтетических конструкций и разнообразию инфинитивных форм способствует длительная письменная традиция, благодаря которой те или иные средства языка консервируются и продолжают сохраняться в активном запасе.

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА (в сопоставлении с прибалтийско-финскими языками)

Функциональный тип понимается нами как «множество форм, объединённое содержательной функцией, то есть обобщённым синтаксическим смыслом» [Черемисина 1982: 3]. Функциональные типы выделяются в соответствии с той или иной синтаксической функцией ЗПЕ. Каждый функциональный тип представлен множеством семантических разновидностей – моделей с частными значениями.

В вепсском языке мы выделяем три функционально-семантических типа ППК:

1) **диктум-диктумные** конструкции, которые передают отношения между событиями действительности (детерминантные, обстоятельственные);

2) **модус-диктумные** конструкции, передающие отношения отражения действительности в сознании говорящего (изъяснительные);

3) **релятивные** конструкции, передающие кореферентность, «контакт» событий действительности через общность участника (определительные) [Черемисина, Скрибник 1988].

Деление СПП на *релятивные*, *модус-диктумные* и *диктум-диктумные* опирается на функционирование СПП в речевом акте и передает тип отношений между пропозициями. Понятие *релятивного* СПП включает в себя: определительные (характеристика референта через приписывание ему некоторого признака) и отождествительные отношения (установление отношений тождества между наименованиями референтов-участников различных ситуаций). При помощи термина *диктум-диктумные* описываются отношения между событиями; посредством термина *модус-диктумные* передаются отношения между пропозицией и её интерпретацией говорящим (с точки зрения способа получения, характера источника, достоверности информации). Данная терминосистема отражает представление о СПП как о языковом знаке, поскольку выражает план содержания – характер отношений между событиями [Кошкарёва 2004: 123].

§1. Диктум-диктумные ППК

Диктум-диктумными называют отношения между двумя событиями, которые протекают во времени в определённой хронологической последовательности, обуславливают друг друга или сопоставляются под разными углами зрения. Их характерной особенностью является то, что семантика и

главной, и зависимой частей носит диктумный характер, т. е. ГПЕ и ЗПЕ представляют события или явления. Соответственно, диктум-диктумные ППК делятся на три смысловых блока: темпоральные, обусловленности и сравнительно-сопоставительные.

1. Темпоральные ППК

Категория темпоральности «отражает языковую интерпретацию восприятия человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчёта» [Бондарко 2002: 473]. В языкознании термином для обозначения категории, устанавливающей хронологическое соотношение между двумя сообщаемыми фактами, служит «таксис» [Якобсон 1972; Теньер 1988; Маслов 1984; Бондарко 1990, 1998, 1999, 2002; Мельчук 1998; Храковский 2003, 2009].

В отечественной науке существует два подхода к пониманию таксиса.

В работах В. С. Храковского [Храковский 2003: 37; Типология... 2009: 20], И. А. Мельчука [Мельчук 1998] таксисные значения понимаются узко и охватывают только временное соотношение между действиями глаголов, входящих в таксисную пару: одновременность, предшествование и следование. И. А. Мельчук использует для обозначения этих отношений термин «относительное время». Содержательно таксис (относительное время) соотносится с категориями абсолютного времени и временной дистанции, которые составляют триаду основных грамматических категорий, обозначающих временные координаты или указывающих на временную локализацию некоторой ситуации P_n [Мельчук 1998]. Такого взгляда придерживается также В. С. Храковский: «Таксис – функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование – следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо ещё ситуации P_n » [Храковский 2003: 37; Типология... 2009: 20]. При этом глагольные формы, использованные для представления этих двух ситуаций P_1 и P_2 , образуют таксисную пару, в которой глагольная форма в P_1 является синтаксически зависимой и ориентируется темпорально относительно глагольной формы в ситуации P_2 – эта форма является опорной, синтаксически независимой [Недялков, Отаина 1987: 299].

В. С. Храковский отмечает две важные особенности таксисных форм: таксисные формы указывают на хронологическое соотношение и прототипически являются синтаксически зависимыми, обозначают второстепенное дей-

ствие. «Вместе с тем из предложенного определения следует, что таксисные формы могут иметь различный категориальный статус, поскольку таксисные значения одновременности, предшествования и следования могут выражаться и с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм, и с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами, и с помощью предлогов / послелогов в совокупности с неспециализированными нефинитными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами» [Типология... 2009: 21].

Категориальных значений таксиса три: следование, одновременность и предшествование. В монографии [Типология... 2009: 29] за точку отсчёта при определении таксисного значения выбрано действие ЗПЕ, поэтому предшествованием называется отношение, при котором ситуация ГПЕ следует за действием ситуации ЗПЕ: *Как только Петя вышел из комнаты, Маша тут же включила телевизор* (значение: контактное предшествование). При отношениях следования ГПЕ предшествует ЗПЕ: *Прежде чем выйти из дому, Петя выключил свет* (значение: контактное следование).

В нашей работе мы используем терминологию «Граматики современного русского литературного языка» 1970 г., так как она отражает естественные отношения, закреплённые в самом языке: «предшествование» выражается союзами *перед тем как*, *прежде чем*, «следование» – *после того как*, т. е. действие в ГПЕ следует или предшествует событию ЗПЕ. «В предложениях **следования** действие главной части изображается как следующее за действием придаточной части. <...> В предложениях **предшествования** явление главной части изображается как предшествующее явлению придаточной» [Грамматика... 1970: 730].

Каждое таксисное значение может быть представлено тремя подтипами. И предшествование, и следование бывает: прерываемое (когда одна ситуация следует за другой, прерывая её), контактное (одна ситуация непосредственно следует за другой после её завершения), дистантное (одна ситуация следует за другой через какой-то интервал после её естественного завершения). Одновременность бывает полная (обе ситуации совершаются в один и тот же интервал времени) и неполная (либо интервал времени совершения зависимой ситуации вкладывается в интервал времени совершения опорной ситуации, либо интервал времени совершения опорной ситуации вкладывается в интервал времени совершения зависимой ситуации) [Типология... 2009: 112].

Все таксисные конструкции в зависимости от того, семантически самостоятельными или связанными представлены в них ситуации, делятся на невалентностные и валентностные.

В рамках невалентностного таксиса различают:

а) конструкции, специально предназначенные для выражения таксисных значений одновременности, предшествования и следования, притом что таксисная связь между ситуациями в конструкции является единственной;

б) конструкции, специально не предназначенные для выражения таксисных значений: конструкции обусловленности – причины, цели, условия, уступки, в которых в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения (фоновый таксис).

Валентностный таксис охватывает конструкции, у которых:

а) зависимая единица заполняет одну из обязательных валентностей опорного глагола и не может быть опущена, т. е. зависимая ситуация является актантом опорной ситуации;

б) обе ситуации служат актантами специализированного таксисного глагола [Типология... 2009: 35].

В работах А. В. Бондарко отражен широкий взгляд на таксисные значения: «Ядро семантики таксиса – это значения одновременности / разновременности (предшествования – следования). Вместе с тем..., семантика таксиса не может быть сведена к этим значениям» [Бондарко 1987: 235]. Таксис определяется как «выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряжённость действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана» [Бондарко 1999: 98]. Сопряжённость действий понимается шире, чем просто отношения «одновременности / неодновременности», и выступает в трёх основных вариантах: 1) отношения «одновременности / неодновременности»; 2) временная соотнесённость действий в сочетании с отношениями обусловленности; 3) взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности хронологических отношений [Там же: 98]. Под единством временного плана подразумевается «однородность действий с точки зрения их конкретности / неконкретности» [Там же: 101].

В Грамматике 1970 г. говорится, что во временных ППК «выражаются различные виды внешней связанности двух явлений, осуществляющихся в одном и том же временном плане или временных планах, непосредственно следующих друг за другом...» [Грамматика... 1970: 727]. Наше представление о таксисных значениях отражает широкий подход к трактовке временных отношений. В настоящей работе мы придерживаемся интерпретации таксисных отношений А. В. Бондарко и В. А. Белошапковой [Грамматика... 1970] и пользуемся их терминологией.

При анализе временных ППК в центре внимания находятся категории темпоральности и аспектуальности. В. А. Белошапкова, описывая закономерности отношений предикативных единиц в составе русского сложного

предложения, в качестве одного из средств, создающих качественно различные типы, называет отношение в них глаголов-сказуемых. Она отмечает наличие разных ограничений, которые структура сложного предложения налагает на характер предикативных единиц. К числу таких ограничений относятся аспектуальные, модальные и временные характеристики глаголов-сказуемых [Белошапкина 1977: 185–194]. Содержанием категории вида, или аспектуальности, является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства [Бондарко 1987]. В нашем исследовании мы используем следующие термины для обозначения вида (аспекта): длительность (незавершённость, протяжённость), недлительность (краткость, завершённость). В вепсском языке соотношение видо-временных форм глаголов может быть основным средством передачи того или иного темпорального значения.

Темпоральные конструкции в разных языках имеют различное выражение. Основными средствами выражения темпоральности служат бифинитные конструкции с союзной и бессоюзной связью, монофинитные синтетические и монопредикативные, но полипропозитивные, в которых одна зависимая ситуация, выражаемая формой отглагольного (и неглагольного) предикатного имени, хронологически ориентируется на опорную ситуацию, выражаемую обычно финитным глаголом. Перечисленные средства неравномерно используются в разных конкретных языках. То обстоятельство, что в одних языках доминирующим средством выражения временных отношений служат бифинитные ППК с союзной связью, а в других – монофинитные синтетические ППК, позволяет разделить все языки на два типа [Типология... 2009: 112].

Вепсский язык в его современном состоянии относится к первой группе, поскольку для выражения темпоральных отношений в нём в основном используются бифинитные ППК с союзами дифференцированной и недифференцированной семантики или бессоюзные сложные предложения. Исконными средствами выражения временных значений являются монофинитные синтетические ППК с пассивным причастием в партитиве или со II-м инфинитивом в падежной форме инессива в ЗПЕ. Кроме того, временные отношения в вепсском языке могут выражаться простыми предложениями.

1.1. Темпоральные ППК в вепсском языке

В данном разделе сопоставляются способы выражения временных отношений в вепсском языке на примере сибирского и пондальского говоров средневепсского диалекта.

В вепсском языке наиболее типичной формой выражения таксисных отношений являются сложноподчинённые предложения с союзами, набор которых несколько различается по говорам.

Однако, как показало исследование, в пондальском говоре не менее частотны бессоюзные сложные предложения или простая последовательность двух простых предложений, в которых темпоральные значения передаются видо-временными формами глаголов-сказуемых, лексическими средствами. В сибирском говоре бессоюзные сложные предложения для выражения временных отношений используются редко. Одинаково малоупотребительны в обоих говорах исконные конструкции с инфинитивами для выражения одновременности, хотя все информанты (сибирские и пондальские вепсы) строят их без затруднений. Значение следования в обоих говорах регулярно передаётся монофинитной конструкцией с причастием в партитиве в функции зависимого предиката. Отношения предшествования в обоих говорах выражаются с помощью союзов.

Временных «союзов» в традиционном понимании в вепсском языке немного: это простые союзы, или одноместные однокомпонентные скрепы: *konz* 'когда', *kut* 'как', *kuni* 'пока', *kudai* 'пока'. В качестве скреп с временным значением могут использоваться существительные в падежно-последовательной форме, наречия, местоимения, частицы, которые прибавляются к простому союзу, например: *kaikitčou kerdau kut* 'всякий раз как', *selle aighasai kudai* 'до того времени пока', *ses aigaspäi konz* 'с тех пор как'. Такие многокомпонентные скрепы пополняют фонд аналитических средств связи и расширяют, конкретизируют временную семантику.

В вепсском языке для выражения темпоральных отношений используются следующие средства:

- 1) видо-временные формы глаголов;
- 2) темпоральные скрепы;
- 3) нефинитные формы глагола в функции зависимого предиката (инесивная форма II-го инфинитива и пассивное причастие в партитиве);
- 4) лексические средства.

В основе типов временных отношений лежит их деление на специализированные и неспециализированные [Грамматика ...1970: 728].

1.1.1. Неспециализированные временные отношения

ППК неспециализированных временных отношений выражают отношение общей временной соотнесённости (ОВС) двух событий, которое подразумевает лишь их общую связь, близость во времени, но не означает ни полного совпадения во времени, ни предшествования одного из них другому [Шамина 2001: 141]. Своеобразие грамматической семантики моделей общей временной соотнесённости состоит в том, что снимается противопоставление одновременности и разновременности: события предстают как связанные во времени, но было ли какое-то из них раньше или позже другого или они происходили одновременно, здесь несущественно [Шамина 1987: 101]. Собственно хронологические отношения в них не актуализированы, «так как они не актуальны для смысла высказывания: налицо лишь сопряжённость обоих действий (двух компонентов полипредикативного комплекса) в едином временном плане» [Бондарко 2002: 506]. В конструкциях с общим временным значением грамматически выражается лишь «факт временной соотнесённости» [Грамматика... 1970: 728].

Данный тип отношений в вепсском языке выражается соотношением видо-временных форм сказуемых ГПЕ и ЗПЕ, лексическими средствами, семантикой предикативных единиц в бифинитных конструкциях с союзами недифференцированного значения, в бессоюзных предложениях, в темпоральной инфинитной моносубъектной конструкции со II-м инфинитивом в падежной форме инессива.

1) Значение ОВС передаётся в предложениях с союзами недифференцированной семантики *konz* ‘когда’, *kut* ‘как’, *ku* ‘когда; если’, *ku ... ka* ‘как ... то’, *konz... ka* ‘когда ... то’ и в бессоюзных предложениях, если сказуемые обеих частей обозначают вневременные длительные или повторяющиеся события и стоят в форме презенса – обычно в 3-м л. мн. ч. – имперсональной (каузативной) по происхождению форме, что сближает отношение ОВС в таких конструкциях с отношением обусловленности. На значение длительности, повторяемости, обычности действия указывают либо лексические средства (например, наречия *kaikiččou kerdau* ‘всякий раз’, *kaiken* ‘всегда’), либо семантика предикативных единиц (*pakutada* ‘болеть’ – имперсональный глагол со значением длительности, продолжительности), либо аспектуальные показатели – суффиксы глагольной основы:

(233) ср.-вепсск. сибирск.

Kaikiččou kerdau kut vihma d zaodišoi, minun mamkou nivelehtad pakutab. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

kaikiččo=u

kerda=u

kut

vihma=d

zaodi=šoi

всякий=ADESS

раз=ADESS

как

дождь=NOM/Pl

начинаться=Pr/REFL/3Pl

minun	mamko=u	nivelehta=d	pakuta=b
мой	мать=ADESS	сустав=NOM/Pl	ломить=Pr/3Pl

‘Всякий раз как дожди начинаются, у моей матери суставы ломит.’

(234) ср.-вепсск. пондал.

Konz puhäpäi, kaiken ii rakoi. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

konz	puhäpäi	kaiken	ii	ra=koi
когда	воскресенье	всегда	не/3	работать=Pr/Pl

‘Когда воскресенье, всегда не работают.’

(235) ср.-вепсск.

Püuhan puhtastas, karbe lankteb maha. [Зайцева, Муллонен 1972: 180]

püuhan=Ø	puhtas= tas	karbe=Ø	lankte= b
лён=NOM/Sg	очищать=Pr/3Pl	пакля=NOM/Sg	падать=Pr/3Sg

ma=ha
земля=ILLAT

‘Лён очищают, пакля падает на землю.’

(236) ср.-вепсск. сибирск.

Augotas sügüz vihmad, lindud sädasoi lendmaha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

augo= tas	sügüz	vihma=d,	lindu=d
начинаться=Pr/3Pl	осенний	дождь=NOM/Pl	птица=NOM/Pl
säda= soi		lend=ma=ha	
готовиться=Pr/REFL/3Pl		улетать=INF ₃ =ILLAT	

‘Начинаются осенние дожди, птицы готовятся к отлёту.’

В примере (237) сказуемое ЗПЕ *ehtib* содержит аффикс *-i-*, вносящий многократно-длительное значение, сказуемое ГПЕ лексически обозначает протяжённое во времени действие:

(237) ср.-вепсск. пондал.

Varengän kiita, konz marg ehtib. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

varengän=Ø	kii= tas	konz	marg=Ø
варенье=NOM/Sg	варить=Pr/3Pl	когда	ягода=NOM/Sg

eht=**i=b**
поспевать=CONT=Pr/3Sg

‘Варенье варят, когда ягода поспевает.’

Интерпретация данных предложений как временных, а не условных обусловлена формой сказуемых ГПЕ и ЗПЕ: они обозначают неопределённые действия и стоят в форме настоящего времени.

На длительное течение событий указывают аспектуальные показатели, которые в записи структурной схемы мы обозначили как «CONT» – длительное действие. Скобки подразумевают, что значение длительности может вы-

ражаться разными способами: семантикой самой глагольной основы, аспекттивными глагольными суффиксами, а также лексическими средствами – словами со значением длительности, продолжительности, регулярности осуществления действия.

$$[\text{CONJ } T_v=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{3\text{ПЕ}} [T_v=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\text{ГПЕ}}$$

$$[T_v=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\text{ПЕ1}} [T_v=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\text{ПЕ2}}$$

2) Значение ОВС может выражать также темпоральная моносубъектная конструкция со II-м инфинитивом в падежной форме инессива. Сказуемое ГПЕ стоит в форме настоящего времени и обозначает многократное повторяющееся действие. Конструкция либо безличная, либо субъект обобщённый или неопределённый:

(238) ср.-вепсск. сибирск.

Lugedos vedab unolo. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2006 г.]

luge= do =s	veda=b	uno=lo
читать= INF ₂ = INESS	клонить=Pr/3Sg	сон=ALLAT

‘Во время чтения клонит ко сну.’

Модель монофинитной МСК с синтетическим показателем связи:

$$[T_v=\text{INF}_2=\text{INESS}] [T_v=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]$$

1.1.2. Специализированные временные отношения

ППК со специализированными временными отношениями выражают отнесённость действий к конкретному периоду времени. Между предикативными частями таких ППК возможны два типа отношений: одновременность и разновременность. Конкретизация временных отношений происходит на основе соотношения видо-временных форм глаголов, лексического наполнения частей, союзов дифференцированных значений.

1.1.2.1. Одновременность

Одновременными называются такие отношения, когда событие зависимой части происходит в один и тот же отрезок времени с событием главной части [Грамматика ...1970: 728; Структурные типы ...1986; Филистович ...1991; Шамина 1987: 108; Типология ... 2009: 30].

Отношения одновременности представлены двумя разновидностями – неограничительной (простой) и ограничительной. При отношениях одновременности длительность событий, названных в главной и зависимой частях, может либо совпадать на протяжении всего их осуществления, либо перекрываться только частично. В зависимости от этого различают полную и частичную одновременность.

Полная одновременность предполагает, что два длительных события совпадают во времени полностью, на всём своём протяжении. При частичной одновременности происходит совпадение двух действий, обозначенных предикативными частями, в определённый отрезок времени, причём одно из них является более длительным, чем другое.

Значение **полной неограничительной одновременности** в исследуемых говорах передаётся бифинитными союзными и бессоюзными конструкциями и монофинитной конструкцией с зависимым предикатом в форме II-го инфинитива в инессиве.

В союзных предложениях используются те же союзы недифференцированных временных значений, что и при передаче значения ОВС: *konz* ‘когда’, *konz ... ka* ‘когда ... то’, поэтому конкретизация отношения полной одновременности происходит за счёт значений грамматических форм глаголов-сказуемых. Если в предложениях со значением ОВС глаголы стоят в настоящем времени и сообщают о повторяющихся событиях, не локализованных во времени, то в предложениях простой одновременности действия локализуются либо в прошлом, либо в будущем:

(239) ср.-вепсск.

Konz mö pagiž=i=m palandus=i=den polhe, ka dumain Peška-dädän polhe. [Kodima 2004, №3: 4]

konz	mö	pagiž=i=m	palandus=i=den	polhe	ka
когда	мы	говорить=IMPF=1Pl	пожар=Pl=GEN	о	то
	duma=i=n	Peška-dädä=n	polhe		
	думать=IMPF=1Sg	Пётр-дядя=GEN	о		

‘Когда мы говорили о пожарах, я думал о дяде Петре.’

(240) ср.-вепсск. сибирск.

Konz linneb sur kodi, elaškam kaik ühtes. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

konz	linne=b	sur	kodi, ela=ška=m	kaik	ühtes
когда	быть=Pr/3Sg	большой	дом	жить=INCH=Pr/1Pl	все вместе

‘Когда будет большой дом, будем жить все вместе.’

Структурную схему этой разновидности можно представить так:

[CONJ Tv=(CONT)=IMPF/Pr_{fut}=PERS] [Tv=(CONT)=IMPF/Pr_{fut}=PERS]

Для предложений с семантикой полной неограничительной одновременности характерна комбинация таких аспектуальных значений, при которых действия ГПЕ и ЗПЕ характеризуются длительностью, продолжительностью своего течения. Символ «CONT» обозначает факультативную позицию аффиксов со значением длительности событий, которая при отсутствии такого показателя выражается лексически, например, лексемой *rištan* ‘долго’:

(241) ср.-вепсск. пондал.

Konz rištan läžui lehm, arbozotiba. [Зайцева Н. Г. 2002: 101]

konz rištan läžu=i lehm=Ø, arbozot=i=ba
когда долго болеть=IMPF=3Sg корова=NOM/Sg ворожить=IMPF=3Pl
 ‘Когда корова долго болела, ворожили.’

При частичной неограничительной одновременности краткое (точечное) действие совершается на фоне длительного события, на которое может указывать глагольная основа:

(242) вепсск.

Viriganzi pert’ Junan ös, konz lujas kuiv sä oli. [Kodima 2004, №3: 4]

vir=i=**ganz**=i pert=Ø Juna=n ö=s, **konz**
 загораться=MOM=IMPF дом=NOM/Sg июнь=GEN ночь=INESS **когда**
 lujas kuiv sä=Ø ol=i=Ø
 очень сухой погода=NOM/Sg быть=IMPF=3Sg
 ‘Загорелся дом в июньскую ночь, когда очень сухая погода стояла.’

В данном предложении ГПЕ находится в препозиции по потношению к ЗПЕ, что обусловлено коммуникативной задачей: актуальная, важная информация помещается в линейно первой части сообщения.

Символ «MOM» в записи структурной схемы обозначает факультативную позицию аффикса со значением внезапности и краткости:

[N^{S1}_{Nom} Tv=(MOM)=IMPF=PERS] [CONJ N^{S2}_{Nom} Tv=(CONT)=IMPF=PERS]

Для выражения **ограничительной одновременности** в вепсском языке используются собственные союзы: *kudai* и *kuni* ‘пока’. Ограничительными называются такие отношения событий во времени, когда событие ЗПЕ является пределом, ограничивающим течение длительного события, названного в ГПЕ. Глаголы-сказуемые обозначают одинаковые по длительности действия:

(243) ср.-вепсск. пондал.

A kuni neson mö nagrhen nütkim, tegem mö haudnikad sigau mecas. [Зайцева, Муллонен 1969: 133]

а kuni	несо=п	mö	nagrhe=n	nütki=m,	tege=m
а пока	эта=ACC	мы	репа=ACC/Sg	выдёргивать=Pr/1Pl	делать=Pr/1Pl
mö	haudnika=d		sigau	меса=s	
мы	печёная репа=ACC/Pl		там	лес=INESS	

‘А в то время, пока мы выдёргиваем репу, там в лесу её и печём.’

В сибирском говоре оба союза одинаково употребительны:

(244) ср.-вепсск. сибирск.

Kudai mö häntme elim ühtes, mina pidin meles, ku hän hüvä ristit. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

kudai	mö	hänt=me	el=i=m	ühtes,	mina	pid=i=n
пока	мы	он=COM	жить=IMPF=1Pl	вместе	я	держать=IMPF=1Sg
mele=s	ku	hän	hüvä	ristit=Ø		
ум=INESS	что	он	хороший	человек=NOM/Sg		

‘Пока мы с ним жили вместе, я думала, что он хороший человек.’

(245) ср.-вепсск. сибирск.

Kuni lumi ii sulanu pertiizenloks käuškam suksil. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2007 г.]

kuni	lumi=Ø	ii	sula=nu	perti=iže=nloks
пока	снег=NOM/Sg	не/3	растаять=PP/Sg	изба=DEM=APPROX
käu=ška=m			suks=i=l	
ходить=INCH=1Pl			лыжа=Pl=ADESS	

‘Пока снег не растаял, к избушке будем ходить на лыжах.’

В пондальском говоре значение ограничительной одновременности выражается в основном заимствованным из русского языка союзом *рока* ‘пока’:

(246) ср.-вепсск.

Hän roka nesen heinäizen söb, mina lüpsan lehmaizen. [Зайцева, Муллонен 1969: 177]

hän	рока	несе=п	heinä=iže=n	sö=b	mina	lüpsa=n
она	пока	это=ACC	травка=DEM=ACC	есть=Pr/3Sg	я	доить=Pr/1Sg
lehma=iže=n						
корова=DEM=ACC						

‘Пока она [корова] эту травку ест, я её выдою.’

Значение одновременности может передаваться бессоюзными сложными предложениями. Средством выражения данной семантики выступает контекст и соотношение видо-временных форм глаголов: здесь употребляются

формы прошедшего или настоящего (в значении будущего) времени с длительными значениями (непредельные глаголы) в обеих частях предложения, либо с комбинацией «длительное – недлительное»:

(247) ср.-вепсск. сибирск.

Tuli brigadir, mö gö kaik amu radoim. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

tul=i=Ø brigadir, mö gö kaik amu rado=i=m
прийти=IMPF=3Sg бригадир мы уже все давно работать=IMPF=1Pl
‘[Когда] пришёл бригадир, мы все уже давно работали.’

(248) ср.-вепсск. пондал.

Laps čaroihe, vändoi viištme. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

laps=Ø čaro=i=he vändoi=i=Ø viištme
ребёнок=NOM/Sg порезаться=IMPF=3Sg/REFL играть=IMPF=3Sg нож=COM
‘Ребенок порезался, [когда] играл с ножом.’

Бессоюзные сложные предложения особенно характерны для пондальского говора.

Для выражения одновременности в вепсском языке существует исконная монофинитная конструкция с зависимым предикатом – II-м инфинитивом в падежной форме инессива. Сказуемое ГПЕ в данной семантической разновидности употребляется в имперфекте, соответственно зависимый предикат принимает временной план прошлого:

(249) ср.-вепсск.

Kodihe mändes hö vastsiba meid. [Бродский 2008: 151]

kodi=he män=**de**=s hö vasts=i=ba meid=d
дом=ILLAT идти=INF₂=INESS они встретить=IMPF=3Pl я=PART
‘Идя домой, они встретили меня.’

(250) ср.-вепсск. сибирск.

Ak laii mužikan vinan gödos. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

ak lai=i=Ø mužika=n vina=n gö=**do**=s
жена ругать=IMPF=3Sg муж=GEN вино=GEN пить=INF₂=INESS
‘Жена ругала мужа, когда [он] выпивал.’

Ни в сибирском, ни в пондальском говоре в разговорной речи фразы с этой формой не встречаются, хотя носители языка понимают эту старую конструкцию и строят предложения с этой формой без затруднений. Причины утраты исконных языковых средств связаны как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами: в языке почти совсем не употребляются посессивные аффиксы, а именно с ними связывается указание на субъект в разносубъектной темпоральной конструкции со II-м инфинитивом в инессив-

ве; на активизацию союзных конструкций мощное влияние оказывает русский язык, нормирование языка отсутствует.

Таким образом, отношения ОВС и простой одновременности относятся к неспециализированным, они конкретизируются соотношением видо-временных характеристик глаголов-сказуемых, контекстом и лексическим наполнением частей.

Неспециализированная временная модель [**konz** (ЗПЕ)] [ГПЕ] передает:

1) отношения ОВС, если сказуемые обеих частей обозначают длительное действие и стоят в форме настоящего времени;

2) отношение простой одновременности, если сказуемые обеих частей стоят в форме имперфекта и сказуемое ЗПЕ обозначает более длительное действие.

Неспециализированная модель $[Tv=(CONT)=Pr=PERS]^{ПЕ1} [Tv=(CONT)=Pr=PERS]^{ПЕ2}$ используется для выражения временного значения при соответствующей коммуникативной задаче. Типы временного отношения, передаваемого данной моделью, и условия их реализации такие же, как и в неспециализированной модели [**konz** (ЗПЕ)] [ГПЕ].

Неспециализированная временная модель $[Tv=INF_2=INESS]$ [ГПЕ] служит для выражения отношений ОВС при сказуемом ГПЕ в форме настоящего времени и для выражения одновременности при сказуемом ГПЕ в форме имперфекта.

Специализированная временная модель [**kuni** / **kudai** (ЗПЕ)] [ГПЕ] предназначена для передачи ограничительной одновременности.

В обобщённом виде структурную схему рассмотренных разновидностей темпоральных ППК можно представить следующим образом:

$[CONJ Tv=(ASP)=TEMP=PERS] [Tv=(ASP)=TEMP=PERS]$.

Показатели TEMP и ASP в составе сказуемых ЗПЕ и ГПЕ указывают на то, что конкретный тип временных отношений зависит от соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых.

Приведем список моделей временных ППК вепсского языка:

1) общая временная соотнесённость:

$[konz \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{3\Pi E} [(ka) \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$
 $[Tv=\text{INF}_2=\text{INESS}]^{3\Pi E} [Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$
 $[Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\Pi E_1} [Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}=\text{PERS}]^{\Pi E_2}$

2) простая (неограничительная) одновременность:

$[konz \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{IMPF}/\text{Pr}_{\text{fut}}=\text{PERS}]^{3\Pi E} [(ka) \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{IMPF}/\text{Pr}_{\text{fut}}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$
 $[Tv=\text{INF}_2=\text{INESS}]^{3\Pi E} [Tv=(\text{CONT})=\text{IMPF}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$
 $[Tv=(\text{CONT})=\text{IMPF}/\text{Pr}_{\text{fut}}=\text{PERS}]^{\Pi E_1} [Tv=(\text{CONT})=\text{IMPF}/\text{Pr}_{\text{fut}}=\text{PERS}]^{\Pi E_2}$

3) ограничительная одновременность:

$[kuni \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}/\text{IMPF}=\text{PERS}]^{3\Pi E} [\text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}/\text{IMPF}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$
 $[kudai \text{ } Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}/\text{IMPF}=\text{PERS}]^{3\Pi E} [Tv=(\text{CONT})=\text{Pr}/\text{IMPF}=\text{PERS}]^{\Gamma\Pi E}$

1.1.2.2. Разновременность

Среди отношений разновременности различают значения следования (главного действия за зависимым) и предшествования (главного действия за зависимому) [Грамматика... 1970: 730].

1.1.2.2.1. Следование

Отношения следования передают такую последовательность событий, при которой «действие главной части изображается как следующее за действием придаточной части» [Грамматика... 1970: 730]. Семантика следования предполагает, что ситуации обозначаются предельными глаголами, выражающими целостные, законченные действия, когда возникновение одной ситуации возможно только после завершения другой ситуации.

Отношения следования в вепском языке могут передаваться конструкциями разной структуры: бифинитными союзными и бессоюзными предложениями и монофинитной конструкцией с синтетическим показателем связи.

Семантически отношение следования представлено несколькими разновидностями: общее, близкое и ограничительное следование.

Семантику **общего следования** передают союзные скрепы *gälghe seda kut* ‘после того как’, *päliči seda kut* ‘через то [время] как’. Например:

(251) ср.-вепсск. сибирск.

Gälghe seda kut sina ajid, mö vüuki hätken pagižim. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

gälghe se=da	kut	sina	aj=i=d	mö	vüuki	hätken
после то=PART	как	ты	уехать=IMPF=2Sg	мы	ещё	долго
pagiž=i=m						
разговаривать=IMPF=1Pl						

‘После того как ты уехал, мы ещё долго разговаривали.’

(252) ср.-вепсск. сибирск.

Päliči seda kut proidüi gä, mö äim alahaks kalatamha. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

päliči se=da	kut	proidü=i=Ø	gä	mö
через то=PART	как	пройти=IMPF=3Sg	лёд=NOM/Sg	мы
ä=i=m		alahaks	kalata=m=ha	
поехать=IMPF=1Pl		вниз	рыбачить=INF ₃ =ILLAT	

‘После того как прошёл лёд, мы поехали вниз на рыбалку.’

Союзы широких значений *konz* ‘когда’ и *kut* ‘как’ тоже передают семантику **общего следования**. Ситуации в предложениях с предельными глаголами воспринимаются как следующие друг за другом. Отношение следования возникает на основе соотношения видо-временных характеристик сказуемых ГПЕ и ЗПЕ: глаголы имеют семантику недлительности и употребляются в прошедшем времени:

(253) ср.-вепсск. сибирск.

Kut mina tulin, susedad tuudihe. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

kut	mina	tul=i=n	suseda=d	tuu=dihe
как	я	приехать=IMPF=1Sg	сосед=NOM/Pl	прийти=IMPF/3Pl

‘Как я приехал, пришли соседи.’

(254) ср.-вепсск. сибирск.

Kut veneh tartui randolo, mö läksim keradamha kuived haugod. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

kut	veneh=Ø	tartu=i=Ø	rando=lo	mö
как	лодка=NOM/Sg	приставать=IMPF=3Sg	берег=ALLAT	мы
läks=i=m		kerada=m=ha	kuive=d	haugo=d
пойти=ШБЗА.13д		собирать=ШТАЗ=ШДДФЕ	сухой=ФСС.3д	полено=ФСС.3д

‘Как лодка пристала к берегу, мы пошли собирать сушняк.’

(255) ср.-вепсск.

Hän muštub, konz hänlo sanutas. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

hän mušta=b **konz** hän=lo sanu=tas
 он вспомнить=Pr/3 Sg **когда** он=ALLAT сказать=Pr/3Pl
 ‘Он вспомнит, когда ему скажут.’

Значение общего следования может быть передано и бессоюзными предложениями. При этом события, происходящие в ГПЕ и в ЗПЕ, носят также конкретный, недлительный характер и локализуются, как правило, в плане абсолютного прошлого:

(256) ср.-вепсск.

Kiitin kislin, aparod andoin živatalo. [Зайцева, Муллонен 1972: 32]

kiit=i=n kisli=n aparo=d ando=i=n
 сварить=IMPF=1Sg кисель=ACC выжимки=ACC/Pl дать=IMPF=1Sg
 živata=lo
 скот=ALLAT
 ‘Сварила кисель, выжимки дала скоту.’

Общее следование выражается в конструкции со сказуемым ЗПЕ в форме пассивного причастия в партитиве:

(257) ср.-вепсск. сибирск.

Lüpstud lehmid oigenzin hiid paimnelo. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

lüps=**tu=d** lehm=i=d oigenz=i=n hii=d
 подоить=**PP_{pass}=PART** корова=Pl=PART отправить=IMPF=1Sg они=PART
 paimne=lo
 пастух=ALLAT
 ‘Подоив коров, отправила их пастуху.’

ЗПЕ находится в препозиции к ГПЕ как логически предшествующая:

[Tv=PP_{pass}=PART] [Tv=IMPF=PERS]

Таким образом, дифференциальным признаком семантики общего следования является аспектуальное значение недлительности и выражение следования конкретных событий в абсолютном прошедшем времени.

Близкое следование событий выражается двухместными скрепами *vaiše-vaiše ... kut* ‘только-только ... как’, *en ehtnii ... kut* ‘не успел ... как’, а также одноместной двухкомпонентной скрепой *kut vaiše* ‘как только’. Например:

(258) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše-vaiše mina nukuškanzin, kut veraihe kolotiškatihe. [Ульянова М. С., г. Анггарск, 2011 г.]

vaiše-vaiše	mina	nuku=škanz=i=n	kut	verai=he
только-только	я	дремать=INCH=IMPF=1Sg	как	дверь=ILLAT
koloti=ška=tihe				
стучать=INCH=IMPF/3Pl				

‘Только-только я задремала, как в дверь постучали.’

(259) ср.-вепсск. сибирск.

Mina en ehtnü tabata oružg, kut vell gö ambui. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

mina	en	eht =nü	taba=ta	oružg=Ø	kut	vell	gö
я	не/1	успеть =PP	схватить=INF ₁	ружьё=NOM	как	брат	уже
ambu=i=Ø							
выстрелить=IMPF=3Sg							

‘Не успел я схватить ружьё, как брат уже выстрелил.’

(260) ср.-вепсск. сибирск.

Kut vaiše mina lendin oružgän ken-so kričiškanz. [Ульянова М. С., г. Анггарск, 2014 г.]

kut	vaiše	mina	lend=i=n	oružgä=n	ken-so
как	только	я	поднять=IMPF=1Sg	ружьё=ACC	кто-то
kriči=škanz=Ø					
закричать=INCH=IMPF/3Sg					

‘Как только я поднял ружьё, кто-то закричал.’

Семантика ППК близкого следования осложнена дополнительным значением быстроты, краткости временного разрыва между действиями в ПЕ. Главное событие непосредственно и быстро следует за зависимым событием. В моделях этих предложений отражено аспектуальное значение краткости:

[**kut vaiše** Tv=MOM=IMPF=PERS]^{3ПЕ} [Tv=MOM=IMPF=PERS]^{ГПЕ}

[**vaiše-vaiše** Tv=MOM=IMPF=PERS]^{3ПЕ} [**kut** Tv=MOM=IMPF=PERS]^{ГПЕ}

[**en ehtnü** Tv=MOM=IMPF=PERS]^{3ПЕ} [**kut** Tv=MOM=IMPF=PERS]^{ГПЕ}

В вепсском языке есть и конструкция ограничительного следования, которая обозначает, что началом события главной части является событие зависимой. Её образует трёхкомпонентный союз *ses aigaspäi kut* ‘с тех пор как’. Сказуемое зависимой части, которое служит ограничителем, называет более длительное событие, чем сказуемое главной части; главное действие может

быть и длительным, и кратким, может занимать всю длительность зависимо-го события или только какую-то его часть. Например:

(261) ср.-вепсск. сибирск.

Ses aigaspäi kut mö naidimas elam, mindai iżand ni kerdad ii lönu.

[Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

se=s	aiga=späi	kut	mö	naidi=ma=s	ela=m
то=INESS	время=ELAT	как	мы	жениться=INF ₃ =INESS	жить=Pr/1Pl
min=dai	ižand ni	kerda=d	ii	lõ=nu	
я=PART	муж ни	раз=PART	не3	бить=PP	

‘С тех пор как мы женаты, муж меня ни разу не бил.’

Как правило, при отношениях следования в обеих частях ППК употребляется имперфект. Однако на основе значения следования может развиваться значение причинной обусловленности одного события другим. Причинное значение в этом случае тесно связано с семантикой сказуемого главной части: если это каузативный глагол, то любое соположенное с ним событие интерпретируется как явление, вызвавшее причину. Грамматически это выражается разными временными формами сказуемых: имперфектом в ЗПЕ, презенсом в ГПЕ:

(262) ср.-вепсск. сибирск.

Ses aigaspäi kut mö ajim elomaha lidnaha, dedoi halg ei voi. [Ульянов А. С.,

д. Мардай, 2007 г.]

se=s	aiga=späi	kut	mö	aj=i=m	elo=ma=ha
то=INESS	время=ELAT	как	мы	поехать=IMPF=1Pl	жить=INF ₃ =ILLAT
lidna=ha	dedoi	halg	ei	voi=Ø	
город=ILLAT	дедушка	часто	не3	мочь=Pr/Sg	

‘С тех пор как мы переехали в другой город, дедушка часто болеет.’

Таким образом, для выражения отношений следования в вепсском языке служат специализированные модели с союзами узких значений. В общем виде их можно представить следующим образом:

$$[\text{CONJ } N^S_{\text{Nom}} \text{ Tv=IMPF=PERS}]^{3\text{ПЕ}} [N^S_{\text{Nom}} \text{ Tv=IMPF/Pr=PERS}]^{\text{ГПЕ}}$$

Эта модель передает:

1) отношение общего следования, если сказуемые обеих частей обозначают недлительное действие и имеют временной план абсолютного прошедшего времени;

2) отношение близкого следования, если сказуемые обеих частей стоят в форме имперфекта и обозначают краткие действия.

Специализированная модель

[CONJ Tv=CONT=IMPF=PERS] [Tv=(CONT/MOM)=IMPF/Pr=PERS] передает отношение ограничительного следования, если сказуемое зависимой части, которое служит ограничителем, т. е. задаёт предел длительности главного действия, характеризуется большей длительностью, чем сказуемое главной части; главное действие может быть и длительным, и кратким, может занимать всю длительность зависимого события или только какую-то его часть. Сказуемые в обеих частях ППК, как правило, стоят в форме имперфекта, но возможен и презенс в ГПЕ, если используется каузативный глагол, тогда отношение следования осложняется причинной семантикой.

Специализированная модель

[Tv=PP_{pass}=PART] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] служит для обозначения отношений общего следования при сказуемом ГПЕ в форме имперфекта и аспектального значения недлительности, краткости.

Неспециализированная модель

[N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ1} [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ2} используется для выражения общего следования. События, названные в ПЕ₁ и в ПЕ₂, носят конкретный, недлительный характер, локализуются, как правило, в плане абсолютного прошлого, порядок представления предикаций соответствует естественному протеканию времени: предшествующее → следующее.

Приведём обобщающий список моделей:

1) общее следование:

[*gälghe seda kut* N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

[*päličī seda kut* N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

[*konz* N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

[*kut* N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

[N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ1} [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]^{ПЕ2}

[Tv=PP_{pass}=PART] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

2) близкое следование:

[*kut vaiše* N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS]
[*vaiše-vaiše* N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS] [*kut* N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS]
[*en ehtnü* N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS] [*kut* N^S_{Nom} Tv=MOM=IMPF=PERS]

3) ограничительное следование:

[*ses aigaspäi kut* N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS] [N^S_{Nom} Tv=IMPF=PERS]

В выражении отношений следования между говорами сибирских и европейских вепсов наблюдаются незначительные различия. Монофинитные конструкции с партитивным причастием в ЗПЕ типичны как для языка сибирских, так и пондальских вепсов. Союзные конструкции со значением следования чаще встречаются в речи сибиряков, у пондальских вепсов отношения следования выражаются в основном бессоюзно: последовательность событий в таком случае передаётся соотношением видо-временных форм глаголов, порядком расположения частей предложения. Исключение составляют конструкции со значением ограничительного следования, которые всегда выражаются с помощью союза.

1.1.2.2.2. Предшествование

«В предложениях предшествования явление главной части изображается как предшествующее явлению придаточной» [Грамматика... 1970: 730].

Значение предшествования предполагает такую последовательность событий, при которой действие ГПЕ происходит раньше действия ЗПЕ – порядок, не соответствующий «естественному протеканию времени» (в отличие от отношения следования). Чтобы однозначно передать семантику предшествования, нужны специализированные показатели отношения. Такими показателями являются союзы *edou kut* ‘прежде чем’ (внимание сосредоточено на том, «что было прежде») и *sihessai ... kuni ii* ‘до тех пор ... пока не’, *kudai ei* ‘пока не’ (семантика этих союзов акцентирует внимание на продвижении вперед, на том, «что будет дальше»).

Скрепам *edou kut* ‘прежде чем’, *edou temad kut* ‘перед тем как’ выражаются отношения общего предшествования. Глаголы-сказуемые обозначают точечные, недлительные события. Например:
(263) ср.-вепсск. сибирск.

Edou kut sauptin juknan, linduine lend. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

edou **kut** saupt=i=n jukna=n lindu=ine lend=Ø
прежде **как** закрыть=IMPF=1Sg окно=ACC птица=DEM улететь=IMPF/3Sg
 ‘Прежде чем я закрыл окно, птичка улетела.’

(264) ср.-вепсск. сибирск.

Edou kut paštta leib tari segoitada tahtast. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

edou **kut** pašt=ta leib=Ø tari segoita=da tahtas=t
прежде **как** печь=INF₁ хлеб=NOM надо замесить=INF₁ тесто=PART
 ‘Прежде чем печь хлеб, надо замесить тесто.’

(265) ср.-вепсск. сибирск.

Edou temad kut sina ajd' mina tulon sinunnoks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2011 г.]

edou **tema=d** **kut** sina aj=d' mina tulo=n
перед это=PART **как** ты уехать=Pr/2Sg я прийти=Pr/1Sg
 sinu=nnoks
 ты=APPROX
 ‘Перед тем как ты уедешь, я приду к тебе.’

Конструкции со значением ограничительного предшествования обозначают временной предел, до которого может длиться событие главной части. В них используются союзы *sihessai ... kuni ii* ‘до тех пор ... пока не’ и *kudai ei* ‘пока не’:

(266) ср.-вепсск.

Sihessai pekstas kuni ii libu pandas. [Зайцева, Муллонен 1972: 508]

si=hessai peks=tas **kuni ii** libu=Ø panda=s
 то=TERM I взбивать=Pr/3Pl **пока не3** подняться=PrSg горшок=INESS
 ‘Взбивают до тех пор, пока не поднимется в горшке.’

(267) ср.-вепсск. сибирск.

Kudai tö et tuugoi, mö em sösškoi. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

kudai tö **et** tuu=goi mö em sösš=koi
пока вы **не2** прийти=Pr/Pl мы не1 есть=INCH=Pr/Pl
 ‘Пока вы не придёте, мы не начнём есть.’

В разговорной речи вепсов предложения со значением предшествования встречаются редко.

В выражении отношений предшествования между говорами сибирских и европейских вепсов различий не наблюдается.

Специализированные модели:

а) общего предшествования (основной показатель отношений – союзы дифференцированной семантики):

[*edou kut* N_{Nom}^{S1} $Tv=TEMP=PERS$] [N_{Nom}^{S2} $Tv=TEMP=PERS$]

[*edou temad kut* N_{Nom}^{S1} $Tv=TEMP=PERS$] [N_{Nom}^{S2} $Tv=TEMP=PERS$]

б) ограничительного предшествования. При отношениях ограничительного предшествования краткое событие, названное в ЗПЕ, ограничивает длительность события в ГПЕ, поэтому в запись модели включено обозначение MOM:

[*sihessai* N_{Nom}^{S1} $Tv=(CONT)=TEMP=PERS$] [*kuni ii* N_{Nom}^{S2}

$Tv=(MOM)=TEMP=PERS$]

[*kudai ei* N_{Nom}^{S1} $Tv=(MOM)=TEMP=PERS$] [N_{Nom}^{S2} $Tv=(CONT)=TEMP=PERS$]

Таким образом, отношения одновременности в вепсском языке, как, надо полагать, и во многих других языках мира, выражаются специализированными средствами – союзами дифференцированных значений, однозначно указывающими на тип отношения. Если для выражения отношений одновременности используются, как правило, союзы широких значений и актуализация той или иной семантической разновидности одновременности происходит за счёт соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых, то в выражении отношений одновременности грамматические формы глаголов не носят определяющего характера, основная нагрузка по конкретизации временного отношения ложится на скрепу специализированной семантики.

1.2. Темпоральные ППК в финском языке

Сопоставление способов выражения разных временных отношений проводится в основном на материале финского и водского языков, т. е. в наиболее благополучном и наименее благополучном языках из прибалтийско-финской группы. Данные эстонского и карельского языков будут привлекаться по мере возможности и необходимости.

Из всех языков прибалтийско-финской группы только финский язык располагает самым широким набором средств выражения темпоральных отношений. Здесь используются:

- 1) союзы дифференцированной и недифференцированной семантики в сложноподчиненном предложении;
- 2) видо-временные формы глаголов в СПП и БСП;
- 3) нефинитные формы:
 - а) инессивная и инструктивная форма II-го инфинитива;
 - б) инессивная форма III-го инфинитива;
 - в) транслативная («длинная форма») I-го инфинитива;
 - г) пассивное причастие в партитиве;
- 4) лексико-синтаксические средства (существительные с послелогом, глаголы таксисной семантики) [Томмола 2009: 515–529].

Мы рассмотрим основные из них.

Финский язык отличается от других языков прибалтийско-финской группы тем, что в нём используются не только в письменной, но и в разговорной речи конструкции с нефинитными формами в качестве зависимых предикатов для передачи того или иного отношения между событиями.

1.2.1. Неспециализированные временные отношения

Неспециализированные отношения общей временной соотнесенности передаются в финском языке инессивной формой II-го инфинитива, союзами недифференцированной семантики, видо-временными формами глаголов в СПП и БСП.

«Инессивная форма II-го инфинитива служит для образования конструкции, эквивалентной временному придаточному предложению с союзом *kun* ‘когда; в то время как’. Такая конструкция выражает действие (иногда состояние или признак), одновременно с которым имеют место действие, состояние или признак, о котором говорится в основном предложении» [Дубровина 1972: 115]. «Конструкция с инессивом II-го инфинитива называется в финской грамматике первой (или, в соответствии с её функцией передачи одновременности, презентной) темпоральной конструкцией» [Томмола 2009: 553].

Семантика конструкции с инессивной формой II-го инфинитива может конкретизироваться как общая временная соотнесённость, полная или частичная одновременность, а также как следование события главной части за зависимой.

(268) финск.

Kantoa nostettaessa ensin katkaistivat juuret... [Дубровина 1972: 127]

kanto=a	nostetta=e=ssa	ensin
пень=Part/Sg	выкорчёвывать=INF ₂ =INESS	сначала
katkaisti=Ø=vat	juure=t	

обрубать=Pr=3Pl корень=Pl/ACC

‘Когда выкорчёвывают пень, сначала обрубают корни...’

(269) финск.

Aseiden puhuessa vaikenivat sydämet. [Трефилова 2002: 66]

ase=i=den	puhu= e=ssa	vaikene=Ø=vat	sydäme=t
оружие=Pl=GEN	говорить=INF ₂ =INESS	молчать=Pr=3Pl	сердце=Pl/NOM

‘Когда говорят ружья, сердца молчат.’

В конструкциях с союзами недифференцированной семантики *kun* ‘когда’, *kun ... niin* ‘когда ... то’, *kun ... niin siloin* ‘когда ... то тогда’ значение ОВС передаётся соотношением аспектуально-временных форм: сказуемые обеих частей обозначают длительное действие и стоят в форме настоящего времени.

(270) финск.

Kun on sunnuntai, niin silloin ei tehdä työtä. [Zaitseva M. 2001: 131]

kun	on	sunnuntai	niin	siloin	ei	tehdä	työ=tä
когда	быть=Pr/3Sg	воскресенье	то	тогда	не	делать	работа=PART

‘Когда воскресенье, то тогда не работают.’

Таким образом, семантика данной конструкции в финском языке совпадает с аналогичной вепсской конструкцией.

1.2.2. Специализированные временные отношения

1.2.2.1. Одновременность

Для выражения одновременности в финском языке используются:

1) нефинитные конструкции: с инессивом и инструктивом II-го инфинитива, с инессивом III-го инфинитива;

2) союзы недифференцированной и дифференцированной семантики.

1. Конструкцию с инессивом II-го инфинитива называют в финской грамматике *первой* [Hakulinen et al. 2004: 487] или, в соответствии с её функцией передачи одновременности, презентной темпоральной конструкцией – (**TEMP 1**) [Томмола 2009: 551].

Одновременность событий основной и зависимой частей может пониматься только очень обобщённо: она может выражаться в нескольких типах совпадения во времени, которые различаются аспектуальными параметрами. Например, **одновременными** могут быть:

1) одинаково длительные действия;

2) многократные и повторяющиеся действия (ОВС);

3) длительное действие в ЗПЕ, в период протекания которого многократно повторяется действие ГПЕ;

4) длительное действие в ЗПЕ, в один из моментов которого происходит действие ГПЕ;

5) действие в ЗПЕ, которое происходит в один из моментов протекания действия ГПЕ;

6) инессивная форма II-го инфинитива и основной глагол выражают мгновенные действия [Дубровина 1972: 117–121].

Так же, как и в вепсском языке, конструкция с инессивом II-го инфинитива является неспециализированной, так как для конкретизации временного отношения используются дополнительные средства: видо-временные формы главного сказуемого, лексическое наполнение частей.

Одновременность событий ЗПЕ и ГПЕ может передавать инессивная форма III-го инфинитива в сочетаниях с глаголами движения:

(271) финск.

Turkisnahkoja ostelemassa liikkui kauppias. [Дубровина 1972: 173]

turkisnahk=ja	ostele=ma=ssa	liikku=i=Ø	kauppias=Ø
мех=PART/Pl	закупать=INF ₃ =INESS	разъезжать=IMPF=3Sg	купец=NOM

‘Разъезжал купец, закупая меха.’

(272) финск.

... pyörä ... lojuu ruostumassa ojässä. [Дубровина 1972: 173]

pyörä=Ø	loju=u	ruostu=ma=ssa	ojä=ssa
колесо=NOM	валяться=Pr3Sg	ржавеет=INF ₃ =INESS	канавка=INESS/Sg

‘... колесо ... валяется, ржавеет в канавке.’

Инструктивная форма II-го инфинитива обычно используется для передачи образа или способа действия, выраженного основным глаголом, хотя нередко предложения, в которых она не характеризует действие ГПЕ, а отмечает одновременность действий ГПЕ и ЗПЕ:

(273) финск.

Illan tullen kannoimme hänet hänen telttänsä. [Дубровина 1977: 39]

illa=n	tull=e=n	kanno=i=mme	hän=et
вечер=INSTR	идти=INF ₂ =INSTR	перенести=IMPF=1PL	он=PART
hän=en	telttä=an=sa		
он=GEN	шатёр=3Sg=INESS		

‘Когда наступил вечер, мы перенесли его (принца) в его шатёр.’

2. В конструкциях с союзами широких значений типа *kun* ‘когда’ (*kun... niin* ‘когда...то’) значение одновременности конкретизируется с помощью грамматических форм глаголов. В примере (275) наблюдается одновремен-

ность ситуаций, при которой результативное (перфектное) действие происходит на фоне длительного (имперфектного) действия ЗПЕ:

(274) финск.

Kun punon merran niin kaiki tuohisuikaleet ovat käden ulottuvilla. [Zaitseva M. 2001: 131]

kun	puno=n	merra=n	niin	kaik=i	tuohisuikal=eet
когда	плести=IMPF/1Sg	мешок=GEN	то	весь=Pl	ободрать=PrP
o=vat	kä=den	ulottuvilla			
быть=Pr/3Pl	рука=GEN/Pl	в наличии			

‘Когда плёл заплечный мешок, все руки ободрал.’

Конструкции с союзами дифференцированного значения *niin kauan kuin, sillä aikaa kun* ‘в то время когда / пока’ передают отношение ограничительной одновременности: в примере (276) событие ЗПЕ является пределом, ограничивающим течение события, названного в ГПЕ. Глаголы-сказуемые обозначают одинаковые по длительности действия.

(275) финск.

Anoppi paistoi piirakoita, sillä aikaa kun nuoret nukkuivat. [Zaitseva M. 2001: 131]

anoppi	paisto=i	piirako=i=ta,	sillä aikaa kun
тёща	печь=IMPF/3Sg	пирог=Pl=PART	пока
nuore=t	nukku=i=vat		
молодой=NOM/Pl	спать=IMPF=3Pl		

‘Тёща напекла пирогов, пока молодые спали.’

Итак, семантика монофинитных и бифинитных конструкций одновременности в финском языке совпадает с аналогичными вепскими конструкциями. Отличием является количество инфинитных форм для выражения одновременности: в финском языке употребляются инессивная и инструктивная формы II-го инфинитива и инессивная форма III-го инфинитива, в то время как в исследуемых говорах вепского языка – только инессивная форма со II-м инфинитивом.

1.2.2.2. Разновременность

Для выражения отношений **следования** используются монофинитные, бифинитные союзные и бессоюзные конструкции.

1. В монофинитных конструкциях отношение следования передаёт пассивное причастие в партитиве (вторая темпоральная конструкция – **TEMP 2**) [Томмола 2009: 540–541]:

(276) финск.

Junan mentyä jäi paljon ihmisiä asemalle. [Дубровина 1977: 38]

junan	men= ty = ä	jä=i=Ø	paljon
поезд	уйти= PP _{PASS} = PART	остаться=IMPF=3Sg	много
ihmisiä=ä	asema=lle		
люди= PART	станция= ALLAT		

‘Когда поезд ушёл, на станции осталось много народу.’

2. В бифинитных конструкциях с семантикой следования используются союзы *sen jälkeen kun* ‘после того как’, *siitä lähtien (asti, saakka) kun* ‘с тех пор как’, *juuri kun*, *heti kun* ‘только, сразу; как только’, которые однозначно указывают на таксисное отношение следования:

(277) финск.

Heti kun äiti lähti lapset alkoivat juoksennella. [Zaitseva M. 2001: 131]

heti	kun	äiti	läht=i	lapse=t	alko=i=vat
только	как	мать	уйти=IMPF/3Sg	ребёнок=Pl	начать=IMPF=3Pl
juoksennell=a					
бегать=INF ₁					

‘Как только мать ушла, дети начали бегать.’

Значение **предшествования** выражается бифинитными конструкциями с дифференцированными союзами *ennen kuin* ‘прежде чем, перед тем как’, *kunnes*, *siksi kun*, *siihen asti kun* ‘пока не, до тех пор’, *siksi kunnes* ‘до тех пор... пока не’:

(278) финск.

Älä nuolaise, ennen kuin tipahtaa. [Вахрос 2007: 67]

älä	nuolaise=Ø	ennen kuin	tipahta=a
neg/2Sg	лизнуть=Pr/2Sg	пока не	капнуть=Pr/3Sg

Букв: Не лижи, пока не капнет.

‘Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.’

А. Хакулинен и Ф. Карлссон вводят в систему конструкций таксиса **целевую** (финальную) конструкцию с транслативом I-го инфинитива, рассмат-

ривая её как одно из средств передачи предшествования, и обозначают её **TEMP 3 (FIN)** – третья темпоральная конструкция [Hakulinen, Karlsson 1979: 388]. Целевое значение естественно включает таксисное значение предшествования. Кроме того, П. Лейно показал, что названная конструкция развивается в сторону чисто временного использования (возможно, под влиянием шведского языка) [Leino 2005]:

(279) финск.

Antero oli kiireesti tehnyt sovinnon Mirjamin kanssa ja alkanut kokoilla tavaroita palatakseen vaimonsa luo. [Томмола 2009: 560]

Antero	ol=i	kiireesti	teh=nyt	sovinno=n	Mirjam=in
Антеро	быть=IMPF/3Sg	быстро	делать=PP	мир=GEN	Мирьям=GEN
kanssa ja	alka=nut	kokoil=la		tavaro=i=ta=an	
postp и	начать=PP	собирать=INF ₁		товар=Pl=PART=POSS	
palata= kse =en		vaimo=n=sa		luo	
вернуться=INF ₁ =POSS		жена=GEN=POSS		postp	

‘Антеро быстро примирился с Мирьям и начал собирать свои вещи, чтобы вернуться к своей жене.’

Таким образом, авторы финской грамматики выстраивают полную парадигму зависимого таксиса: отношение одновременности передаёт инессивная конструкция со II-м инфинитивом **TEMP-1**, следования – конструкция с пассивным причастием в партитиве **TEMP-2**, предшествования – целевая конструкция с транслативом I-го инфинитива **TEMP-3**.

Отношения разновременности в финском языке, как и в вепсском, выражаются специализированными средствами – союзами дифференцированных значений, которые более точно передают темпоральные отношения. Конструкции с инфинитными предикатами ЗПЕ – инессивная и инструктивная со II-м инфинитивом, транслативная с I-м инфинитивом – являются неспециализированными, так как используются не только для выражения семантических разновидностей временных отношений, но также и для отношений обусловленности. Конструкция с ЗПЕ, оформленной пассивным причастием в партитиве, специализированно передаёт отношения следования.

1.3. Темпоральные ППК в водском языке

В водском языке для выражения временных отношений служат темпоральные союзы широких значений *kens* ‘когда’, *kuj* ‘как, когда’ или *ku* ‘как, когда’, а также порядок следования частей, их лексическое наполнение, соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых.

Одновременность:

(280) водск.

Kens siä tod miä len taraz. [Маркус, Рожанский 2011: 287]

kens	siä	to=d	miä	le=n	tara=z
когда	ты	прийти=Pr/2Sg	я	быть=Pr/1Sg	огород=INESS

‘Когда ты придёшь, я буду в огороде.’

Следование:

(281) водск.

Kuj dun'a va tob kajvo tüvve pet'a sejzob takkan i katsob. [Маркус, Рожанский 2011: 287]

kuj	dun'a	va	to=b	kajvo=Ø	tüvve=Ø
как	Дуня	только	подойти=Pr/3Sg	колодец=GEN	post=GEN
pet'a	sejzo=b		takkan	i	katso=b
Петя	стоять=Pr/3Sg		сзади	и	смотреть=Pr/3Sg

‘Как только Дуня подходит к колодцу, Петя стоит сзади и смотрит.’

Предшествование:

(282) водск.

Kens tämä tob miä siz jo men pojz. [Маркус, Рожанский 2011: 288]

kens	tämä	to=b	miä	siz	jo	me=n
когда	он	прийти=Pr/3Sg	я	тогда	уже	уйти=Pr/1Sg

‘Когда он придёт, я уже уйду.’

Что касается исконных временных синтетических конструкций, то уже в XIX в. они могли заменяться предложениями с финитными глаголами. Приведём пример из [Ahlquist 1856] по работе Т. Б. Агранат [Агранат 2009: 40]:

(283) водск.

Magateza pojoo se kōikkia norepi tütär [...] lähäti sōzaret [...] töle. [Ahlquist 1856: 115]

maga= te=za	pojo=o	se	kõikki=a	pore=pi
спать= INF=INESS	мальчик=GEN	этот	все=PART	молодой=COMP
tütär [...]	lähät=i	sõzare=t [...]	tõ=le	
дочь	посылать=PAST3Sg	сестра=Pl	работа=ALLAT	

‘Пока мальчик спал, самая младшая дочь послала сестёр на работу.’

Однако П. Аристэ слышал в живом употреблении в середине XX в. архаичную форму инессива так называемого первого инфинитива, которая «означает как одновременное действие, так и способ, которым действие совершается» [Ariste 1968].

Таким образом, в истории водского языка инфинитные ППК были зарегистрированы, но с течением времени они утратились, в системе сложных предложений появилось множество аналитических скреп, большинство которых заимствованы из русского языка.

1.4. Темпоральные ППК в эстонском и карельском языках

В эстонском и карельском языках, так же как в финском и вепсском, темпоральные отношения выражаются с помощью двух типов ППК: бифинитных (союзных и бессоюзных) и монофинитных. В конструкциях с простыми временными союзами (типа *kui* ‘когда, как’), а также в монофинитной с зависимым предикатом на *-des* (II-м инфинитивом в падежной форме инессива) передаются значения ОВС и общей одновременности (в эстонском языке – следования). Конкретизация значений происходит благодаря соотношению видо-временных форм глаголов, лексического наполнения и порядка следования частей. Для отношений следования предназначена также монофинитная ППК с пассивным причастием в партитиве. Предшествование передаётся, по-видимому, специализированными союзами.

* * *

Итак, во всех языках прибалтийско-финской группы временные отношения выражаются в основном союзами недифференцированных и дифференцированных значений. При недифференцированных союзах средством передачи временных значений становится соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых; союзы дифференцированных значений однозначно передают временное отношение.

Во всех языках группы, кроме водского, сохранились исконные монофинитные темпоральные конструкции.

Финский язык располагает наибольшим количеством инфинитных форм и, соответственно, разнообразием монофинитных конструкций. В фин-

ском языке употребляются как в письменной, так и в устной речи инессивная и инструктивная форма II-го инфинитива, инессивная форма III-го инфинитива, транслативная («длинная форма») I-го инфинитива, пассивное причастие в партитиве, которые служат для выражения всех семантических типов темпоральных отношений.

В эстонском, карельском и вепсском языках сохранились две темпоральные монофинитные конструкции: с инессивной формой II-го инфинитива и пассивным причастием в партитиве, которые передают отношения ОВС, одновременности и следования. В эстонском языке конструкция со II-м инфинитивом в инессиве больше употребительна в письменной речи, в вепсском она совсем исчезла из разговорной речи (отмечена только в анкетных материалах), в карельском языке, по всей вероятности, также не является частотной и общеупотребительной. Конструкция с пассивным причастием в партитиве для выражения следования одинаково употребительна во всех языках группы.

2. ППК обусловленности

В современной лингвистике причинно-следственные, целевые, условные, уступительные отношения рассматриваются в категориальном поле обусловленности [Грамматика 1970; Русская грамматика 1980; Евтюхин 1996; Всеволодова 1988, 2000]. Основанием для этого является ряд интегральных признаков, свойственных названным отношениям: 1) непредметность (ситуативность); 2) полисобытийность [Евтюхин 1996]; 3) зависимость между двумя явлениями [Грамматика 1970: 710]. Признак зависимости конкретизируется как однонаправленность, несимметричность [Евтюхин 1996: 141]: одно явление порождает другое, в частности внутренние взаимоотношения между причиной и следствием направлены всегда односторонне – от того, что есть, к тому, что становится.

Дифференциальные признаки определяются характером зависимости между явлениями и выводятся на основе четырёх пар оппозиций, сформулированных в Грамматике 1970 г.: 1) прямая и обратная зависимость; 2) непосредственная и отдалённая; 3) реальная и гипотетическая; 4) стимулирующая и результирующая.

В паре прямая / обратная обусловленность ведущим признаком является утверждение / отрицание генетической связи между компонентами: «Прямая обусловленность – это такая внутренняя связь, при которой одно явление (А) служит основанием для другого (Б). Обратная обусловленность – это такая внутренняя связь, при которой одно явление (А), естественно стимули-

рующее другое, не названное (Б), не препятствует третьему (В), которое противоположно второму (Б)» [Грамматика 1970: 710].

В паре непосредственная / отдалённая обусловленность опорным признаком является объективный / субъективный характер связи: «Непосредственная обусловленность предполагает, что одно явление (А) вызывает другое (Б). ...Отдалённая обусловленность предполагает, что одно явление (А) в той или иной мере воздействует на другое явление (Б)» [Там же: 710].

В паре реальная / гипотетическая обусловленность ведущим признаком является модальная характеристика обусловливающего компонента: «Гипотетическая обусловленность предполагает ту или иную форму нереальности обусловливающего явления. ... Реальная обусловленность предполагает реальность обусловливающего явления» [Там же: 710].

В паре стимулирующая / результирующая обусловленность опорным признаком является направление зависимости от обусловливающего компонента к обусловливаемому и наоборот.

Каждый тип отношений характеризуется определённым набором признаков, на основании которых он противопоставляется всем другим типам отношений, а на основании отдельного признака – одному или нескольким типам отношений.

Так, в причинных предложениях выражается прямая реальная стимулирующая обусловленность; в предложениях следствия – прямая реальная результирующая. Таким образом, релевантным для причинно-следственных отношений является признак стимулирующая / результирующая обусловленность.

Функционально-семантическое поле обусловленности создаётся взаимодействующими и в какой-то области пересекающимися «микрополями». Функционально-семантическое микрополе представляет собой минимальный элемент поля функционально-семантической категории, обладающей самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения [Бондарко 1968: 7]. В составе микрополей устанавливается иерархия языковых средств, ядерные элементы поля и периферия.

Микрополя разных типов отношений обусловленности взаимодействуют и частично пересекаются между собой. Это проявляется в том, что средства выражения какого-либо типа отношений могут служить базой для формирования средств выражения другого типа отношений, или одни и те же средства могут использоваться для выражения нескольких типов отношений обусловленности. Но для одних типов отношений они являются ядерными, а для других – периферийными. Например, микрополе причины служит базой для формирования целевых отношений. Микрополе условия служит базой

для формирования уступительных отношений. Наблюдаются пересечения микрополей причины, условия и цели [Буркова 2003: 109].

2.1. Причинно-следственные ППК

Причинно-следственные отношения в языке отражают природную детерминированность явлений действительности и человеческую способность понимать её, устанавливая связи между явлениями, делать выводы.

В большинстве работ отношения причины и следствия выделяют как равноправные типы блока обусловленности [Грамматика 1970; Русская грамматика 1980; Евтюхин 1996; Всеволодова, Яценко 1988; Оркина 2000].

Некоторые учёные отношения причины и следствия сводят к одному типу, называя их причинными [Беличева-Кржижкова 1985], в которых предложения с акцентированным следственным компонентом выделяются как подтип [Буркова 2003, Тажибаева 2001].

Мы присоединяемся к мнению большинства учёных и разделяем предложения причины и следствия на два самостоятельных типа. Причинными называем предложения, в которых специальными средствами выделено причинное звено, а следственными – те, где выделено следственное звено.

Под причинно-следственными мы понимаем такие отношения между двумя ситуациями, при которых одна из них (причина) порождает другую (следствие).

Конструкции с причинными союзами делятся на две разновидности: собственно-причинные и несобственно-причинные, которые различаются по наличию или отсутствию субъективной интерпретации отношения между событиями.

2.1.1. Причинно-следственные ППК в вепсском языке

Отношения причины и следствия в вепсском языке выражаются бифинитными союзными и бессоюзными конструкциями. В предложениях с бессоюзной связью отношение передаётся порядком следования частей, а также лексически.

К собственно-причинным относятся конструкции, в которых выражается общее значение причины, не осложнённое субъективными оттенками значений. В таких конструкциях говорящий утверждает, констатирует наличие причинно-следственной связи, существующей в реальной действительности. Например:

(284) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše sina void' libuda ičile pulo, sikš sina olod pahoin' hūpii. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

vaiše	sina	voi=d'	libu=da	iči=le	pu=lo
только	ты	смочь=Pr/2Sg	залезть=INF ₁	сам=ALLAT	дерево=ALLAT
sikš	sina	olo=d		pahoin'	hūpii
потому что	ты	быть=Pr/2Sg		очень	ловкий

‘Только ты сможешь залезть на это дерево, потому что ты очень ловкий.’

Скрепты *sikš* ‘потому’ и *sentäht* ‘потому’ передают наиболее общий причинный смысл. Они могут использоваться для выражения отношений и причины, и следствия в зависимости от того, какую предикативную единицу – причинную или следственную – они маркируют, например:

(285) ср.-вепсск. сибирск.

Hän ažlakon, adivoile čaüd ii vala, sikš niken hänonnoks ii käu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

hän	ažlakon,	adivo=i=le	čaü=d	ii	vala=Ø
он	жадный	гость=Pl=ALLAT	чай=PART	не/3	налить=Pr/Sg
sikš	niken	hāno=nnoks	ii	kāu=Ø	
поэтому	никто	он=APPROX	не/3	ходить=Pr/Sg	

‘Он жадный, гостям чая не нальёт, поэтому к нему никто не ходит.’

Общая структурная схема причинно-следственных конструкций имеет вид:

[ГПЕ], [CONJ (ЗПЕ)].

К скрепам *sikš* и *sentäht* может присоединяться второй союзный компонент – вопросительно-относительное местоимение *mi* ‘что’ в разных падежных формах. В предложениях с такими скрепами передаются отношения **общей причины**. Например:

(286) ср.-вепсск. сибирск.

Sindaižme läumain elada, sikš mihe sina ed rada, a dengäd pakičed. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

sin=daiž=me	läumain	ela=da	sikš mihe	sina	ra=da
ты=PART=КОМ	тяжело	жить=INF ₁	потому что	ты	работать=INF ₁
ed	a	raho=d			pakiče=d
не2	a	деньги=ACC			просить=Pr/2Sg

‘С тобой тяжело жить, потому что ты не работаешь, а деньги просишь.’

(287) ср.-вепсск. сибирск.

Tat löškab sindai, sentäht miše sina oružgän otid' küžumata. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

tat=Ø	löška=b	sin=dai	sentäht	miše	sina
отец=NOM/Sg	побить=Pr/3Sg	ты=PART/Sg	потому	что	ты
oružgä=n	ot=i=d'	küžuma=ta			
ружьё=GEN/Sg	взять=IMPF=2Sg	разрешение=ABESS/Sg			

‘Отец побьёт тебя, потому что ты взял ружьё без разрешения.’

Для конкретизации общей причины и выделения оттенков причинного значения используются многокомпонентные скрепы *päliči seda miše* ‘из-за того что’, *sen vigau mi* ‘по причине того, что’, *sespäi mi* ‘из-за того как’, *sentäht ku* ‘из-за того как’. В составе этих скреп есть семантически значимый компонент – предлог, послелог или существительное причинной семантики (например, *viga* ‘изъян, причина, вина’) и семантически нейтральная часть – указательное местоимение *se* ‘тот, то’ и вопросительно-относительное *mi* ‘что’ в разных падежных формах, а также союз *ku* ‘как’:

(288) ср.-вепсск. сибирск.

Päliči seda miše sina vüuki ed keranukso mö voim em ehttä avtobusalo. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2014 г.]

päliči seda	miše	sina	vüuki ed	kera=nukso	mö
через то=PART	что	ты	ещё не/2	собраться=IMPF/PP/REFL	мы
voi=m	em		eht=tä	avtobusa=lo	
мочь=Pr/1Pl	не/1Pl		успеть=INF ₁	автобус=ALLAT	

‘Из-за того, что ты ещё не собрался, мы можем опоздать на автобус.’

(289) ср.-вепсск. сибирск.

Oružg' andoi osečkan, sen vigau mi poroh oli märe. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

oružg'=Ø	ando=i=Ø	osečka=n	se=n	viga=u	mi
ружьё=NOM	дать=IMPF=3Sg	осечка=ACC	то=GEN	причина=ADESS	что
poroh=Ø	ol=i	märe			
порох=NOM/Sg	быть=IMPF/3Sg	сырой			

‘Ружьё дало осечку, потому что отсырел порох.’

Моделей с причинным значением много, представим структурные схемы основных:

[ГПЕ] [*sentäht* 3ПЕ]

[ГПЕ] [*sikš* 3ПЕ]

[ГПЕ] [*sen vigau mi* 3ПЕ]

[ГПЕ] [*sespäi mi* 3ПЕ]

[*päličī seda miše* ЗПЕ] [ГПЕ]

[*sentäht ku* ЗПЕ] [ГПЕ]

К несобственно-причинным относятся конструкции, в которых общее значение причины осложнено субъективными оттенками значений: **альтернативной мотивации** и **логического обоснования**.

В предложениях со скрепами *a se* ‘а то’, *ika* ‘не то’, *muito* ‘иначе’ передается значение **альтернативной мотивации**, которая основана на допущении предполагаемого явления, обратного тому, которое названо в первой части и несовместимого с явлением, названным во второй части. Например:

(290) вепсск.

Ala pasta last süumišpäi, ika uidub edahaks. [Zaitseva M. 2001: 141]

ala	pasta=Ø	last=Ø	süum=i=špäi	ika
не2	пускать=IMP/Sg	ребёнок=NOM	глаз=Pl=ELAT	не то
uidu=b		edahaks		
уйти=Pr/3Sg		далеко		

‘Не пускай ребёнка с глаз, **не то** уйдёт далеко.’

(291) ср.-вепсск. сибирск.

Pezin üknad, muito nimida en näge. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

pezi=i=n	ükna=d	muito nimida	en	näge=Ø
вымыть=IMPF=1Sg	окно=ACC/Pl	иначе ничего	не1	видеть=Pr/Sg

‘Вымыла окна, **иначе** ничего не видно.’

Семантика этих скреп – «в противном случае не так» – содержит скрытый условный смысл: {если бы не вымыла}, то ничего не было бы видно [Колосова 1980].

Модели предложений со значением **альтернативной мотивации**:

[ГПЕ] [*a se* / *ika* ЗПЕ]

[ГПЕ] [*muito* ЗПЕ]

Двухместная скрепа *ku ... znatoičeb* ‘раз ... значит’ и слово *tedan* ‘наверное; знать’ (грамматическая форма 1-го л. ед. ч. глагола *teda* ‘знать’) служат для выражения значения **логического обоснования**: одна из ситуаций, представленная в линейно второй ПЕ, является субъективным заключением, выводом о причинах порождения другой ситуации, представленной в линейно первой ПЕ. В таких отношениях обязателен модальный компонент:

слово *znamoičeb* ‘значит’ несёт значение субъективного заключения, слово *tedan* ‘наверное’ – значение предположительности, возможности. Например:

(292) ср.-вепсск. сибирск.

Ku neso kondi panihe, znamoičeb hān ājan razvad kezau keraz. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

ku	несо	kondi=Ø	pani=he	znamoičeb
раз	этот	медведь=NOM	залечь спать=IMPF/3Sg/REFL	значит
hān	ājan	razva=d	keza=u	keraz=Ø
он	много	жир=PART	лето=ADESS	набирать=IMPF/3Sg

‘Раз этот медведь залёг, значит он за лето много жиру набрал.’

(293) ср.-вепсск. сибирск.

Pān kibištāb, tedan mindai haittas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

pā=n	kibišta=b	teda=n	min=dai	hait=tas
голова=ACC	болеть=Pr/3Sg	знать =Pr/1Sg	я=PART	судить=Pr/3Pl

‘Голова болит, знать, меня судят.’

Модели предложений со значением **логического обоснования**:

[**ku** ЗПЕ] [**znamoičeb** ГПЕ]

[ПЕ₁] **tedan** [ПЕ₂]

Отношения следствия передаются при помощи однокомпонентной скрепы *ka* ‘так’. Положение её в предложении строго фиксировано: она вводит постпозитивную часть. Например:

(294) ср.-вепсск. сибирск.

Miiden tat ii vii rata, ka mö hānlo oigend olom dengäd. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

mii=den	tat	ii	vii=Ø	ra=ta	ka	mö	hān=lo
мы=GEN	отец	не3	мочь=PrSg	работать=INF ₁	то	мы	он=ALLAT
oige=nd		olo=m	dengä=d				
посылать=PP		быть=Pr/1Pl	деньги=ACC/Pl				

‘Наш отец не может работать, **так** мы ему посылаем деньги.’

(295) ср.-вепсск. пондал.

Liib päčiš hātken ištub, ka imittub. [Зайцева, Муллонен 1972: 149]

liib=Ø	päči=š	hātken	ištu=b	ka	imittu=b
хлеб=NOM	печь=INESS	долго	сидеть=Pr3Sg	так	солодеть=Pr3Sg

‘Хлеб долго в печке сидит, так засолодеет.’

Скрепка *ka* может входить в качестве собственно союза в состав двух-компонентных скреп, где вторым компонентом выступают полусоюзные слова *sida* ‘поэтому’ и *sikš* ‘поэтому’. Например:

(296) ср.-вепсск. сибирск.

Laps' sōda tahtiib, ka seda i voikab. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

<i>laps'</i> =Ø	<i>sō=da</i>	<i>tahtii=b</i>	ka	se=da	i
ребёнок=NOM	есть=INF ₁	хотеть=Pr/3Sg	так	то=PART	и
<i>voika=b</i>					
плакать=Pr/3Sg					

‘Ребёнок есть хочет, **поэтому** плачет.’

Слова *sikš* и *sida* могут соединять части предложения и без помощи собственно союза *ka*, так как являются лексически однозначными.

Модели предложений следствия:

[ГПЕ] [**ka** ЗПЕ]

[ГПЕ] [(**ka**) **sikš** ЗПЕ]

[ГПЕ] [(**ka**) **sida** ЗПЕ]

В бифинитных ППК специализированный показатель причинно-следственных отношений может отсутствовать. Значение предложения вытекает из соположения смыслов ПЕ, входящих в его состав. Обычно в первой ПЕ называется следствие, во второй указывается его причина. Например:

(297) ср.-вепсск. сибирск.

Radolo sindai ii otkoi, penikäine sina olod. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

<i>rado=lo</i>	<i>sin=dai</i>	<i>ii</i>	<i>ot=koi</i>	<i>penikäine</i>	<i>sina</i>	<i>olo=d</i>
работа=ALLAT	ты=PART	неЗ	взять=Pr/Pl	маленький	ты	быть=Pr/2Sg

‘На работу тебя не примут, ты маленький.’

(298) ср.-вепсск. пондал.

Astu tarkašti, te-so nügüt' libed om. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

<i>astu=Ø</i>	<i>tarkašti</i>	<i>te-so</i>	<i>nügüt'</i>	<i>libed</i>	<i>om=Ø</i>
идти=IMP/2Sg	осторожно	дорога-то	сейчас	скользкий	быть=Pr/3Sg

‘Иди осторожно, дорога-то сейчас скользкая.’

Этот способ типичен для языка сибирских и пондальских вепсов. В спонтанной речи причина эксплицитно выражается крайне редко. Подразумевается, что причинно-следственная связь должна быть очевидна собесед-

нику. Сибиряки используют союзные конструкции чаще, чем их соплеменники на Пондале.

Простые предложения с обстоятельствами причины являются неизосемическим способом выражения причинно-следственных отношений: событие, послужившее причиной для осуществления того или иного действия или проявления некоторого признака, передается в свернутом виде, указанием на него служит имя в падежной форме в сочетании с предлогом или послелогом. Такие предложения являются монопредикативными, но полипропозитивными, т. е. представляют собой частный случай асимметричных отношений между планом выражения и планом содержания языкового знака.

Причинно-следственные отношения в простом предложении передаются именами существительными в падежной форме, а также именами существительными или местоимениями в сочетании с послелогам *täht* ‘из-за, по причине; для, ради’, *taguičī* ‘за, вместо; из-за, по причине; позади’, *päliči* ‘через; за, вместо; из-за’.

В функции обстоятельства причины в простом предложении могут выступать имена существительные в формах инессива и иллатива. Эти падежи предназначены прежде всего для выражения пространственных отношений. Имя в падежной форме получает причинное значение только тогда, когда оно имеет пропозитивную семантику, а сказуемым является глагол определённой лексико-семантической группы. Если сказуемое – глагол со значением изменения состояния (*умереть*, *заболеть*, *ослабеть* и т. п.), а обстоятельство причины выражено именем с пропозитивной семантикой в форме иллатива, передается общепричинное значение:

(299) ср.-вепсск. сибирск.

Mina vāhād en kolend tuskha. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

<i>mina</i>	<i>vāhād en</i>	<i>kole=nd</i>	tusk=ha
я	чуть не1Sg	умереть=IMPF/1Sg	тоска=ILLAT/Sg

‘Я чуть не умер от тоски.’

Если сказуемое – глагол с семантикой воздаяния (*похвалить*, *отругать*, *наказать* и т. п.), а обстоятельство причины выражено именем с пропозитивной семантикой в форме инессива, предложение реализует узкоспециализированное значение санкции:

(300) ср.-вепсск. сибирск.

Direktor lai Ivanovad hondos rados. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

<i>direktor=Ø</i>	<i>lai=Ø</i>	<i>Ivanov=d</i>
директор=NOM/Sg	ругать=IMPF/3Sg	Иванова=PART/Sg

hondo=s rado=s
плохой=INESS/Sg работа=INESS/Sg
 ‘Директор ругал Иванова за плохую работу.’

Послелог *täht* ‘из-за, по причине; для, ради’ однозначно указывает на то, что слово, к которому он относится, является компонентом отношений обусловленности. Послелог *täht* может быть использован для передачи причинных и целевых отношений:

(301) ср.-вепсск. пондал.
Sinun täht möhä astuin. [Зайцева, Муллонен 1972: 591]
 sinu=n **täht** möhä astu=i=n’
 ты=GEN **из-за** поздно прийти=IMPF=1Sg
 ‘Из-за тебя я задержался.’

(302) вепсск.
Mecnik ot’ koiran mectusen täht. [Zaitseva M. 2001: 97]
 mecnik=Ø ot’=Ø koiran=n mectuse=n **täht**
 лесник=NOM/Sg взять=IMPF/3Sg собака=ACC/Sg охота=GEN/Sg **для**
 ‘Лесник взял собаку для охоты.’

Послелог *taguiči* ‘за, вместо; из-за, по причине; позади’ тоже активно используется для выражения причины в простом предложении:

(303) ср.-вепсск. пондал.
Minin’ putui sinun taguiči. [Зайцева, Муллонен 1972: 557]
 min=in’ putu=i=Ø **sinu=n taguiči**
 я=ALLAT попадать=IMPF=3Sg **ты=GEN из-за**
 ‘Мне попало из-за тебя.’

Кроме причинного, послелог *taguiči* передаёт заместительные и пространственные отношения:

(304) ср.-вепсск. пондал.
Tatan taguiči tuli poig. [Зайцева, Муллонен 1972: 557]
tata=n taguiči tul=i=Ø poig=Ø
отец=GEN/Sg вместо прийти=IMPF=3Sg сын=NOM/Sg
 ‘Вместо отца пришёл сын.’

(305) ср.-вепсск. пондал.
Proitta pertin’ taguiči. [Зайцева, Муллонен 1972: 557]
 proit=ta **pert=i=n’ taguiči**
 пройти=INF₁ **дом=PI=GEN за**
 ‘Пройти задворками (букв: за домами).’

Предлог *päliči* ‘через (пространство; время); за, вместо; из-за’ в сочетании с существительными и местоимениями, в первую очередь, предназначен для выражения пространственного и временного значения:

(306) ср.-вепсск. пондал.

Kaks' vellest päliči tes elotas. [Зайцева, Муллонен 1972: 452]

kaks' velles=t **päliči** te=s elo=tas
два брат=PART **через** **дорога=INESS/Sg** жить=Pr/3Pl
‘Два брата через дорогу живут.’

(307) ср.-вепсск.

Küumes vodes päliči tule necile sijale. [Зайцева, Муллонен 1972: 452]

küumes **vode=s** **päliči** tule=Ø
три **год=INESS** **через** прийти=IMP2Sg
neci=le sija=le
это=ALLAT/Sg место=ALLAT/Sg
‘Через три года приходи на это место.’

При имени существительном с пропозитивной семантикой или в сочетании с личным местоимением этот послелог выражает причинное значение:

(308) ср.-вепсск. сибирск.

Hubas säs päliči ištun kodiš. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

huba=s **sä=s** **päliči** ištu=n kodi=š
плохой=INESS **погода=INESS** **из-за** сидеть=Pr/1Sg дом=INESS
‘Из-за плохой погоды сижу дома.’

Причинные послелоги сочетаются в вепсском языке только с именами существительными и не формируют послеложных конструкций с инфинитивными формами глагола. Спецификой полипредикативного синтаксиса вепсского языка является отсутствие аналитико-синтетических конструкций как разновидности синтетических, послелоги служат средством свертывания пропозиций, указывающих на причину события. Таким образом, в вепсском языке причина выражается либо в развернутом виде, в бифинитных конструкциях, либо в свернутом, при помощи пропозитивных имен существительных в составе монопредикативных конструкций. Полусвернутый способ выражения инфинитивными формами глагола для вепсского языка не характерен.

Типичным способом выражения причинно-следственных отношений в языке сибирских вепсов являются бифинитные ППК с аналитическими скрепами. Скорее всего, это обусловлено влиянием со стороны русского языка. Используя скрепы причинной семантики, сибирские вепсы стремятся к более однозначному выражению причинно-следственных отношений, чтобы не оставалось сомнений в том, что здесь представлены именно отношения причины и следствия, а не какие-либо другие.

Для языка пондальских вепсов более характерно бессоюзное оформление предложений с причинной семантикой: часть со значением следствия в таких предложениях находится в препозиции, часть, указывающая на причину, следует за ней.

Приведем список моделей ППК причинно-следственной семантики:

1) модели предложений со значением **общей причины**:

[ГПЕ] [*sentäht* ЗПЕ]

[ГПЕ] [*sikš* ЗПЕ]

[ГПЕ] [*sen vigau mi* ЗПЕ]

[ГПЕ] [*sespäi mi* ЗПЕ]

[*päliči seda miše* ЗПЕ] [ГПЕ]

[*sentäht ku* ЗПЕ] [ГПЕ]

2) модели предложений со значением **альтернативной мотивации**:

[ГПЕ] [*ase / ika* ЗПЕ]

[ГПЕ] [*muito* ЗПЕ]

3) модели предложений со значением **логического обоснования**:

[*ku* ЗПЕ] [*znamoičeb* ГПЕ]

[ПЕ₁] *tedan* [ПЕ₂]

4) модели предложений **следствия**:

[ГПЕ] [*ka* ЗПЕ]

[ГПЕ] [(ka) *sikš* ЗПЕ]

[ГПЕ] [(ka) *sida* ЗПЕ]

2.1.2. Причинно-следственные ППК в прибалтийско-финских языках

В целом в языках прибалтийско-финской группы причинные отношения разработаны достаточно детально, имеют большой арсенал средств выражения. В языках с высоким социолингвистическим статусом и длительной литературной традицией (финский, эстонский) многообразие средств выражения причинной семантики проявляется и в разговорной речи. В языках младописьменных (карельский, вепсский) и бесписьменных (водский) сложные причинные отношения в спонтанной речи в большинстве случаев передаются бессоюзно.

В финском языке для выражения причины в сложном предложении используются:

1) союзы дифференцированной и недифференцированной семантики в сложноподчиненном предложении;

2) инессивная, инструктивная формы II-го инфинитива;

3) бессоюзная связь в сложноподчиненном предложении.

1. Специализированно причинное значение в сложном предложении выражается многокомпонентными союзами, в составе которых есть семантически значимый компонент – послелог или существительное причинной семантики (например, *суу* ‘причина’) и семантически нейтральная часть – указательное местоимение *se* ‘тот, то’ или вопросительно-относительное *että* ‘что’: *sen takia että* ‘потому что’, *sen tähden että* ‘потому, что’, *sen vuoksi että* ‘по причине того, что’, *siksi että* ‘потому что’, *syystä että* ‘по причине, что’:

(309) финск.

Täytyy lopettaa työ sen takia, että tuli pimeä. [Zaiceva M. 2001: 135]

täytyy	lopettaa=a	työ=Ø	sen takia,	että	tul=i=Ø	pimeä
Надо	заканчивать=INF ₁	работа=NOM	потому	что	прийти	темнота

‘Надо заканчивать работу потому, что стало темно.’

Причинную семантику могут передавать однокомпонентные союзы, которые используются также для выражения временных, условных, изъяснительных отношений: *kun* ‘когда, как; если; что; так как, потому что’, *koska* ‘так как, потому что; если’:

(310) финск.

Jäin kotiin, koska olin sairas. [Братчикова 2013: 207]

jä=i=n kotiin **koska** ol=i=n sairas
остаться=IMPF=1Sg дома **потому что** быть=IMPF=1Sg больной
'Я остался дома, потому что заболел.'

Отношение следствия выражается союзами: *siksi...(-kin)*; *että, jotta* 'поэтому; чтобы'; *niin että, niin jotta* 'так что'; *muuten* 'так, иначе, а не то':

(311) финск.

Ei ollut aikaa, siksi en tullut. [Zaiceva M. 2001: 141]

ei ol=lut aika=a **siksi** en tul=lut
не3Sg быть=PP время=PART **поэтому** не1Sg прийти=PP
'Не было времени, поэтому и не пришёл.'

2. Инессивная форма II-го инфинитива, предназначенная для выражения одновременности, в отдельных случаях может иметь не временное, а причинное значение:

(313) финск.

Omaisuus joutui perillisten puuttuessa valtiolle. [Дубровина 1972: 119]

omaisuus=Ø joutu=i=Ø perillis=ten
имущество=NOM перейти=IMPF=3Sg наследник=GEN/Pl
puuttu=**e=ssa** valtio=lle
отсутствовать=**INF₂=INESS** государство=ALLAT/Sg
'Ввиду отсутствия наследников имущество перешло к государству.'

Если инессивная форма II-го инфинитива и основной глагол выражают мгновенно завершённые действия, в таких предложениях временные отношения дополняются причинно-следственными: действие, выраженное основным глаголом, является следствием действия, заключённого в инфинитиве. Поэтому выражаемые в них мгновенные действия не могут быть одновременными, а следуют одно за другим:

(314) финск.

Tiikerin nähdessään hän pysähtyi... [Дубровина 1972: 123]

tiikeri=n n=ähd=**e=ssää=n** hän=Ø
тигр=GEN увидеть=MOM=**INF₂=INESS=GEN** он=NOM
pys=ähty=i=Ø
остановиться=MOM=IMPF=3Sg
'Увидав тигра, он остановился...'

(315) финск.

Isännän ja pehtorin tullessa keskustelu loppui... [Дубровина 1972: 121]

isännä=n ja pehtori=n tull=**e=ssa** keskustelu=Ø

хозяин=GEN и управляющий=GEN прийти=INF₂=INESS разговор=NOM/Sg
 loppu=i=Ø
 прекратиться=IMPF=3Sg
 ‘Когда пришли хозяин и управляющий, разговор прекратился.’

Причинная семантика нередко выражается бифинитными конструкциями с бессоюзной связью:

(316) финск.

Ei voi mennä veneessä ei ole airoja. [Zaiceva M., 2001, с.144]

ei voi=Ø men=ä vene=ssä ei ole airo=ja
 не3Sg мочь=Pr3Sg ехать=INF₁ лодка=INESS не3Sg быть весло=PART/Pl
 ‘Нельзя ехать, в лодке нет вёсел.’

Таким образом, в финском языке для выражения причины в сложном предложении используются аналитические конструкции с союзами разной структуры, бифинитные ППК с бессоюзной связью и исконные ППК со II-м инфинитивом в падежных формах инессива и инструктива.

В водском языке для выражения причинной семантики используются союзы *što* ‘что’, *patamušta* ‘потому что’ или *seneperäss-jotti* ‘потому что’:

(317) водск.

Miä en pannud hattua pähäse što parajkoz on soj. [Маркус, Рожанский 2011: 291].

miä en pan=nud hattu=a pä=hä(se) što parajkoz
 я не1Sg надеть=PP шапка=PART голова=ILLAT что сейчас
 on=Ø soj
 быть=Pr3Sg тепло
 ‘Я не надел шапку, потому что сейчас тепло.’

Придаточные причины встречаются в речи крайне редко. Чаще причина эксплицитно не выражается, а вместо сложноподчинённого предложения используются два простых предложения или бессоюзное сложное предложение [Маркус, Рожанский 2011: 291].

2.2. Целевые ППК

В целевых предложениях выражается прямая непосредственная обусловленность явления его желательным следствием. В значении целевого отношения объединены стимулирующее и результирующее значения; соответственно, целевые предложения семантически близки, с одной стороны, предложениям следствия, с другой стороны, условным и причинным предложениям [Грамматика 1970: 724].

Целевые конструкции обозначают взаимосвязь двух событий: в ГПЕ выражено активное действие, направленное на достижение предполагаемого события, названного в ЗПЕ, которого субъект намерен достичь.

Исконным средством выражения целевых отношений в вепсском языке являются монофинитные синтетические конструкции с нефинитными формами глагола в ЗПЕ.

2.2.1. Целевые ППК в вепсском языке

В вепсском языке для выражения целевых отношений используются следующие средства:

- 1) иллативная форма III-го инфинитива;
- 2) I-й инфинитив (целевой);
- 3) инессивная форма II-го инфинитива;
- 4) союзы недифференцированной семантики в сложноподчиненном предложении;
- 5) послелог с именами существительными;
- 6) транслативная форма имен существительных.

Наиболее распространёнными способами выражения целевых отношений являются бифинитные ППК, в которых средством связи частей служат союзы целевой семантики *miše (mise)* ‘чтобы’, *mi* ‘что; чтобы’, *miše ii* ‘чтобы не...’, *štob* ‘чтобы’, и монофинитные синтетические конструкции с зависимым предикатом – III-м инфинитивом в форме иллатива и I-м (целевым) инфинитивом.

1. Иллативная форма III-го инфинитива является специализированной формой для выражения целевых отношений в вепсском языке.

Все инфинитивные формы для передачи целевой семантики требуют сочетания с глаголами движения и акциональными глаголами:

(318) ср.-вепсск.

Matam ajai rižamaha sizart. [Зайцева М. И. 1981: 271]

matam=m ajai=Ø riža=**ma**=**ha** sizar=t
мать=POSS поехать=IMPF/3Sg навестить=**INF**₃=**ILLAT** сестра=PART/Sg
‘Моя мать поехала навестить сестру.’

2. I-й инфинитив с показателем *-da / -ta*:

(319) ср.-вепсск. сибирск.

Mina tuln rikta sigan. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2012 г.]

mina tul=i=n rik=**ta** siga=n
я прийти=IMPF=1Sg забивать=**INF**₁ свинья=NOM/Sg
‘Я пришёл забивать свинью.’

3. Инессивная форма II-го инфинитива служит для передачи разновидности целевого отношения – назначения предмета:

(320) ср.-вепсск. сибирск.

Ostin vādr vedon kandištes. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

ost=i=n	vādr=Ø	vedo=n	kandiš= te=s
купить=IMPF=1Sg	ведро=NOM/Sg	вода=ACC/Sg	носить=INF ₂ =INESS

‘Купила ведро, чтобы воду носить.’

4. Целевые союзы. Для уточнения целевой семантики используются союзы: *miše* (*mise*) ‘чтобы’, *mi* ‘что; чтобы’, *mišeii* ‘чтобы не...’, *miše...*, *tariž...* ‘чтобы ..., надо...’, *štob* ‘чтобы’:

(321) ср.-вепсск. сибирск.

Mö tegem pažagan, miše kiitta lahnoid. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

mö	tege=m	pažaga=n	miše	kiit=ta
мы	сделать=Pr/1Pl	костёр=GEN/Sg	чтобы	сварить=IINF

lahn=oi=d
лещ=Pl=PART

‘Мы сделаем костёр, чтобы сварить лещей.’

(322) ср.-вепсск. сибирск.

Hän liižaz’ vūuki gāuhod, mise tahtaz oliiž saged. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

hän	liiža=z’	vūuki	gāuho=d	mise
он	добавлять=COND/3Sg	ещё	мука=PART/Sg	чтобы

tahtaz=Ø oli=iž saged
тесто=NOM/Sg быть=COND/3Sg густой

‘Она добавила ещё муки, чтобы тесто было густым.’

(323) вепсск.

Idānu rugiž paneba päčile, mi magizui. [Zaiceva M. 2001: 136]

idā=nu	rugiz=Ø	pane=ba
проращивать=PP	рожь=NOM/Sg	положить=IMPF/3PL

päči=le **mi** magizu=iž
печь=ALLAT/Sg **чтобы** стать сладким=COND/3Sg

‘Проросшую рожь положили на печку, чтобы она стала сладкой.’

Если в главной части – лексема оперирования информацией, то конструкции и этими союзами передают модус-диктумные отношения, ср.:

(324) ср.-вепсск. сибирск.

Mina tedan miše sina mindai navedid’. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2006 г.]

mina	teda=n	miše	sina	min=dai	navedi=d’
я	знать=Pr1/Sg	что	ты	я=PART/1Sg	любить=Pr/2Sg

‘Я знаю, что ты меня любишь.’

(325) ср.-вепсск. сибирск.

Mina unohtin' mi sina vüuki ed vauminu školad. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

mina	unoht=i=n'	mi	sina	vüuki	ed	vaumi=nu
я	забыть=IMPF/1Sg	что	ты	ещё	не/2Sg	кончать=PP/Sg

škola=d

школа=PART/Sg

‘Я забыл, что ты ещё не кончил школу.’

Бифинитные целевые конструкции со скрепой *miše* ‘чтобы’ характерны для речи сибирских вепсов, у пондальских вепсов *miše* ‘чтобы’ конкурирует с заимствованной скрепой *štob* ‘чтобы’.

Целевые отношения передаются также в простом предложении:

а) послелогоми *täht* ‘для; из-за’, *varoin* ‘для’ в сочетании с существительными в генитиве, *näht* ‘для; о’ в сочетании с именами существительными в иллативе:

(326) ср.-вепсск. сибирск.

Neco verk särgin täht. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2006 г.]

песо	verk=Ø	särg=i=n	täht
этот	сетка=NOM/Sg	сорога=Pl=GEN	для

‘Эта сетка для сороги.’

(327) ср.-вепсск. пондал.

Neco knig lapsiden varoin. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

песо	knig=Ø	laps=i=den	varoin
эта	книга=NOM/Sg	ребёнок=Pl=GEN	для

‘Эта книга для детей.’

(328) ср.-вепсск.

Ostta per't' besedoihe näht. [Зайцева, Муллонен 1972: 372]

ost=ta	pert=Ø	besedo=i=he	näht
купить=INF ₁	дом=NOM/Sg	посиделки=Pl=ILLAT	для

‘Купить дом для посиделок.’

Послелог *varoin* ‘для’ в речи сибирских вепсов не встретился, а пондальским вепсам он знаком;

б) именем существительным в падежной форме транслатива (превратительного падежа):

(329) ср.-вепсск. сибирск.

Jouhotada kagr touknaks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

jouhota=da kagr=Ø toukna=ks
намолоть=INF₁ овёс=NOM/Sg толокно=TRANS/Sg

‘Намолоть овёс для толокна.’

По семантике целевые предложения делятся на собственно- и несобственно-целевые (отрицательно-целевые, целевого назначения и целевого долженствования). Основанием для их деления служит модальная и семантическая характеристика частей: в собственно-целевых предложениях в ГПЕ сообщается о динамическом активном действии, субъектом которого является осознанно действующее лицо, ЗПЕ характеризуется потенциальной модальностью, в ГПЕ модальность может быть любой; в несобственно-целевых предложениях в ЗПЕ реальная модальность.

В **собственно-целевых** предложениях достижение цели предстает как активное действие. Субъектом является активно действующее лицо, при этом в ГПЕ невозможны пропозиции состояния или существования, которые не могут быть движущей силой для осуществления цели, чаще всего ГПЕ характеризуется динамической пространственной или акциональной семантикой. Характерной особенностью собственно-целевых ППК является потенциальная модальность ЗПЕ.

(330) ср.-вепсск. сибирск.

Tulin tänna, miše sanuda siniiz kaik. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

tul=i=n tänna **miše** sanu=da sini=Ø=iž kaik
прийти=IMPF=1Sg сюда **чтобы** рассказать=INF₁ ты=ALLAT=2Sg всё

‘Пришёл сюда, чтобы рассказать тебе всё.’

(331) ср.-вепсск.

Tegi birbid sapkoiden ombuites. [Зайцева М. И. 1981: 270]

teg=i=Ø birbi=d sapk=oi=den ombui=**te=s**
сделать=IMPF=3Sg дратва=PART/Sg сапог=Pl=GEN шить=INF_{II}=INESS

‘Он сделал дратву, чтобы шить сапоги.’

В **несобственно-целевых** конструкциях используются те же средства, которые характерны и для собственно-целевых, однако модальные характеристики частей отличаются: в несобственно-целевых конструкциях ЗПЕ передает реальную модальность, тогда как в собственно-целевых она потенциальная, а в ГПЕ может сообщаться о некотором положении дел, желательном, необходимом или достаточном для достижения цели, но не обязательно реализуемом реально.

Например, в предложениях **целевого долженствования**, или **необходимого основания**, передается значение необходимости, вынужденности совершения действия, которое не привязано к определенному действующему лицу, а формулируется как необходимость вообще. Активного действия нет, на его необходимость, желательность, потенциальность указывает слово «надо»:

(332) ср.-вепсск.

Miše birb oliiž vahvemb, varatas varou. [Zaiceva M. 2001: 135]

miše	birb=Ø	oli=iž	vahve=mb	vara=tas
чтобы	дратва=NOM	быть=COND _{Pr}	крепкий=COMP	натирать=Pr/3Pl
varo=u				
вар=ADESS				

‘Чтобы дратва была крепче, натирают варом.’

В предложениях **целевого назначения** целевой компонент лишён семантики активности. Его доминирующее значение – применение, использование. Для выражения данной семантики служат простые предложения, в которых целевой компонент выражен именем существительным в транслативе или сочетанием имени существительного с послелогом *täht* ‘для; из-за’, *varoin* ‘для’, *näht* ‘для; о’:

(333) ср.-вепсск. сибирск.

Jouhotada kagr touknaks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

jouhota=da	kagr=Ø	toukna=ks
намолоть=INF ₁	овёс=NOM/Sg	толокно=TRANS/Sg

‘Намолоть овёс для толокна.’

(334) вепсск.

Pert gäi lapsiden varoin. [Zaiceva M., 2001, с. 95]

pert=Ø	gä=i=Ø	laps=i=den	varoin
дом=NOM	остаться=IMPF=3Sg	ребёнок=Pl=GEN	для

‘Дом остался для детей’.

В **отрицательно-целевых** ППК, так же как и в собственно-целевых конструкциях, предикат ГПЕ выражает активное действие, но направлено оно на то, чтобы предотвратить предполагаемое, но нежелательное с точки зрения субъекта ГПЕ событие, обозначенное в ЗПЕ [Мальцева 2006: 28].

В вепсском языке отрицательно-целевое значение выражается сочетанием отрицания и целевого союза: *miše ii* ‘чтобы не...’ – *miše* ‘чтобы’ и *ii* ‘не’:

(335) ср.-вепсск. сибирск.

Miše haugod ii langetaiž, tügeta pino. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

miše	haugo=d	ii	lange=taiž	tügeta=Ø
чтобы	дрова=NOM/Pl	не3	упасть=COND _{pl} /Pl	подпереть=IMP/2Sg
pino=Ø				
поленница=NOM/Sg				

‘Чтобы дрова не упали, подопри поленницу.’

Отрицательно-целевая семантика может иметь и независимое грамматическое средство выражения – отрицательно-целевое деепричастие. Данный тип маркирования отрицательно-целевой семантики выявлен в алюторском языке [Мальцева 2006: 29], его демонстрирует также язык азиатских эскимосов [Мальцева 2006: 33], он зафиксирован и в тундровом диалекте ненецкого языка [Буркова 2003: 52–53; 163].

* * *

Таким образом, для выражения целевых отношений в вепсском языке используются разноуровневые средства, которые реализуются в следующих типах синтаксических конструкций:

1) в монофинитных ППК со сказуемым ЗПЕ – иллативной формой III-го инфинитива, инессивной формой II-го инфинитива, а также I-м целевым инфинитивом;

2) в бифинитных ППК: в сложноподчиненных предложениях, в которых используются аналитические показатели связи – целевые союзы;

3) в простых предложениях с целевыми послелогам или именами существительными в транслативе.

Наиболее употребительными конструкциями для выражении целевого значения являются бифинитные ППК с аналитическим показателем – скрепой *miše*, а также монофинитные с иллативной формой III-го инфинитива и с I-м целевым инфинитивом. Целевые ППК – единственный тип синтетических конструкций, который используется в живой разговорной речи вепсов.

Модели целевых ППК:

1) монофинитные ППК:

[ГПЕ] [Tv=INF₃=ILLAT]

[ГПЕ] [Tv=INF₁]

[Tv=INF₂=INESS] [ГПЕ]

2) бифинитные ППК:

[ГПЕ] [*miše* (*mise*) ЗПЕ]

[ГПЕ] [*mi* ЗПЕ]

2.2.2. Целевые ППК в прибалтийско-финских языках

Во всех языках прибалтийско-финской группы сохраняются исконные конструкции для выражения целевых отношений.

В эстонском языке это конструкции с инфинитивом на *-ta* в иллативной и инессивной формах, с инфинитивом на *-da*, *-ta*, *-a* [Пялль и др. 1962].

В карельском языке целевое значение может быть передано конструкцией с I-м инфинитивом на *-a* / *-ä*, *-o* / *-ö*, *-e* и др. [Зайков 1999; Макаров 1966] (см. об этом главу II).

Во всех языках бифинитные ППК с целевыми союзами по частотности превосходят монофинитные с инфинитивными предикатами в ЗПЕ. Значение цели также может передаваться и средствами именного словоизменения в простом предложении.

Финский язык располагает широким набором средств выражения целевых отношений, для этого используются:

- 1) краткая и долгая формы I-го инфинитива;
- 2) иллативная, инессивная, элативная формы III-го инфинитива;
- 3) пассивное причастие настоящего времени в форме транслатива.

Кроме инфинитивных форм в функции зависимых предикатов, используются союзы недифференцированной семантики в сложноподчиненном предложении, а также послелог с именами существительными и падежная форма транслатива существительного.

Собственно целевые отношения передаются:

- а) монофинитными конструкциями с зависимым предикатом:
 - с I-м (целевым) инфинитивом в краткой форме:

(336) финск.

Mutta majani oven jätin avoimeksi kulkijan kävdä sisään. [Дубровина 1977: 40]

mutta	maja=ni	ov=en	jät=i=n	avoime=ksi
но	жилище=POSS/1Sg	дверь=ACC/Sg	оставить=IMPF/1Sg	открытый=TRANS
kulkija=n	käv=dä	sisään		
путник=GEN	войти=INF ₁	внутри		

‘Но дверь моего жилища я оставила открытой, чтобы путнику войти.’

– с I-м (целевым) инфинитивом в долгой форме:

(337) финск.

Tuokaatte venettä tänne joen poikki päästäkseni. [Дубровина 1977: 45]

tuoka=tte venett=ä tänne joe=n poikki
пригнать=Pr/2Pl лодка=PART сюда река=GEN другой (берег)

pääs=**tä**=**kse**=ni

перебраться=**INF**₁=**TRANS**=**POSS**/1Sg

‘Пригоните сюда лодку, чтобы мне перебраться на другой берег.’

– с III-м инфинитивом в форме иллатива:

(338) финск.

Juha riensi kaivolle tuoppia pesemään. [Дубровина 1977: 64]

Juha riens=i=Ø kaivo=lle tuoppi=a
Юха побежать=IMPF=3Sg колодец=ALLAT кружка=ACC/Sg

pese=**mä**=**än**

помыть=**INF**₃=**ILLAT**

‘Юха побежал к колодцу, [чтобы] помыть кружку.’

– с III-м инфинитивом в форме инессива:

(339) финск.

Minä olen tässä houkuttelemassa Kiiskiä töihin. [Дубровина 1972: 171]

minä ole=n tässä houkuttele=**ma**=**ssa** Kiiskiä
я находиться=Pr1Sg здесь выманить=**INF**₃=**INESS** Киския

töi=hin

работа=ILLAT/Pl

‘Я нахожусь здесь, чтобы выманить Киския на работу (букв.: на работы).’

– с III-м инфинитивом в форме элатива:

(340) финск.

Olisi tehnyt mieli juosta pois katsomasta sellaista näkyä. [Дубровина 1977: 65]

ol=isi teh=nyt mieli juos=ta pois и
быть=COND_{perf} делать=PP_{II} настроение убежать=INF₁ прочь

katso=**ma**=**sta** sellai=sta näky=ä

видеть=**INF**₃=**ELAT** такой=ELAT зрелище=PART

‘Хотелось убежать прочь, чтобы не видеть такого зрелища.’

– пассивным причастием настоящего времени в форме транслатива:

(341) финск.

Siihen jäi kantelo syystuulien soiteltavaksi. [Дубровина 1977: 42]

siihen jä=i kantelo syystuuli=en
там остаться=IMPF/3Sg кантеле осенний ветер=GEN/Pl

soitel=**tava=ksi**

играть=**PrP_{II}=TRANS**

‘Там осталось кантеле, чтобы (на нём) играли осенние ветры.’

б) бифинитными ППК с полисемантическими союзами *että, jotta* ‘чтобы’, которые используются также для выражения изъяснительных отношений:

(342) финск.

Ryynit tuuletetaan, että ne puhdistuisivat. [Zaitseva M. 2001: 135]

ryynit	tuulettaa=n	että	ne	puhdistui=si=vat
круп	проветриваю=Pr/1Sg	чтобы	они	очиститься=IMPF=3Pl

‘Круп проветриваю, чтобы очистилась.’

Сравните:

(343) финск.

Veli kirjoitti, että hän tulee kesällä. [Zaitseva M. 2001: 119]

veli	kirjoitti=i	että	hän	tulee=Ø	kesällä
брат	написать=IMPF/3Sg	что	он	приехать=Pr/3Sg	летом

‘Брат написал, что приедет летом.’

В **отрицательно-целевых** предложениях придаточная часть вводится союзом *ettei* ‘чтобы не’ или зависимым предикатом в элативной форме III-го инфинитива:

(344) финск.

Täytyy sitoa hevonen ettei se karkaa. [Zaitseva M. 2001: 135]

täytyy	sito=a	hevonen	ett=ei	se	karkaa=Ø
надо	привязать=INF ₁	лошадь	чтобы=не	она	убежать=Pr/3Sg

‘Надо привязать лошадь, чтобы не убежала.’

Семантика **целевого назначения** представлена двумя разновидностями:

- а) действие осуществляется в пользу, ради, на благо другого человека;
- б) действие производится с целью применения, использования предмета по назначению.

Данная семантика реализуется в монофинитных (простых) предложениях, где целевой компонент выражен именами существительными в генитиве с послелогом: *vuoksi* ‘ради, для’, *hyväksi* ‘для, на благо, в пользу’, в паритиве с послелогом *varten* ‘для’, а также именами существительными в транслативе:

(345) финск.

Äiti ponnistelee (tekee työtä) tyttären vuoksi. [Zaitseva M. 2001: 94]

äiti ponnistelee=Ø (tekee=Ø työ=tä)
мать прилагать все усилия=Pr/3Sg (делать=Pr/3Sg работа=PART)

tyttär=en **vuoksi**

дочь=GEN **ради**

‘Мать прилагает все усилия ради дочери.’

(346) финск.

Äiti teki kaiken poikaa varten. [Zaitseva M. 2001: 97]

äiti tek=i kaiken poika=a **varten**

мать делать=IMPF/3Sg всё сын=PART для

‘Мать делала всё для сына.’

(347) финск.

Etsiä taloa illanistujaisia varten. [Zaitseva M. 2001: 37]

etsi=ä taloa illanistujaisi=a **varten**

искать=INF₁ дом посиделки=PART для

‘Искать дом для посиделок.’

Примеры употребления транслативной формы имен существительных:

(348) финск.

Elintarvikkeiden säilyttämiseksi lisätään suolaa. [Братчикова 2013: 62]

elintarvikkei=den säilyttäminen=**ksi** lisätä=än
продукты питания=GEN/Pl сохранение=**TRANS** добавлять=PASSIV/Pr
suola=a

соль=PART

‘Для сохранения продуктов питания добавляют соль.’

(349) финск.

Tämä riittää perusteluksi. [Братчикова 2013: 62]

tämä riittää perustelu=**ksi**

это достаточно обоснование=**TRANS**

‘Это достаточно для обоснования.’

(350) финск.

(Pienet) kalat me kuivasimme kalakeittoksi. [Zaitseva M. 2001: 88]

(pienet) kala=t me kuivas=i=mme kalakeitto=**ksi**

(маленькие) рыба=Pl мы высушить=IMPF=1Pl уха=**TRANS**

‘Маленькую рыбу мы высушили для ухи.’

В современном водском языке для передачи целевого значения сохранились исконные монофинитные синтетические конструкции с инфинитными предикатами: инфинитивами на *-ma / -mä* и *-a / -ä*:

(351) водск.

Pernajñ kutsu vyroiit sümä. [Агранат 1997: 11]

perñajñ=Ø	kutsu=Ø	vyroi=t	sü=mä
хозяйка=NOM	позвать=IMPF/3Sg	гости=PART	есть=INF ₂

‘Хозяйка позвала гостей обедать.’

(352) водск.

Tämä tej mīll lõ ka tehe sukad. [Агранат 2002: 60]

tämä	tej=Ø	mī=лл	lõ ka=Ø	the=e
он	приносить=IMPF/3Sg	я=ADESS	шерсть=GEN	делать=INF ₁

suka=d
чулки=NOM

‘Он принёс мне шерсть [чтобы] чулки вязать.’

Чаще всего носители водского языка используют для выражения целевого значения союзы *jotti* ‘чтобы’, *štoB* ~ *štobe* ‘чтобы’:

(353) водск.

Miä en pannud hattua pähäse što parajkoz on soj. [Маркус, Рожанский 2011: 290]

miä	en	pan=nud	hattu=a	pä=hä(se)	što	parajkoz
я	не1Sg	надеть=PP	шапка=PART	голова=ILLAT	что	сейчас

on=Ø soj
быть=Pr3Sg тепло

‘Я не надел шапку, потому что сейчас тепло.’

Таким образом, во всех языках прибалтийско-финской группы имеются одни и те же основные (ядерные) средства выражения целевого отношения: инфинитные формы глагола, союзы, послелог, падежная форма транслатива имён существительных.

Различия касаются: а) количества инфинитных форм в ППК; б) состава падежей, задействованных в склонении предикативных частей с этими инфинитными формами; в) количества союзов, послелогов.

Самое большое разнообразие средств выражения целевого значения демонстрирует финский язык. Другие языки группы имеют более ограниченный набор средств для выражения цели, хотя и сопоставимый с финскими.

2.3. Условные ППК

В Грамматике 1970 г. условные отношения определяются как «прямая стимулирующая гипотетическая обусловленность» [Грамматика 1970: 715]. Прямая обусловленность – это такая связь, при которой одно явление служит основанием для другого.

Условные конструкции (УК) обозначают взаимосвязь двух событий: в ЗПЕ формулируется условие, осуществление которого вызывает следствие, названное в ГПЕ.

«Произнося УК, говорящий указывает на то, что положению дел *p* в случае его осуществления сопутствует положение дел *q*» [Храковский 1998: 22].

Прототипическим средством выражения условных отношений являются бипредикативные (бипропозитивные) конструкции – сложноподчиненные предложения или предложения, осложненные оборотом с какой-либо нефинитной формой глагола [Храковский 1998: 15]. Поскольку условные отношения устанавливаются между двумя событиями, каждое из них должно быть представлено в виде самостоятельной предикативной единицы, связь между ними также должна получить эксплицитное выражение – либо в виде аналитического показателя связи (союза), либо синтетического (морфемы в составе инфинитной формы), что определяется грамматическими возможностями каждого конкретного языка.

2.3.1. Условные ППК в вепсском языке

В вепсском языке для выражения условных отношений используются:

- 1) формы кондиционала в бессоюзном сложном предложении;
- 2) условные союзы в сложноподчиненном предложении;
- 3) инэссивная форма II-го инфинитива;
- 4) абессивные формы пропозитивных имен существительных.

1. Наиболее распространённым способом выражения условных отношений являются ППК со сказуемыми в форме кондиционала.

Показателем кондиционала в вепсском языке является суффикс *-iži-* / *-iž-*, который присоединяется к гласному основы презенса индикатива и выступает во всех лицах, кроме 3-го л. мн. ч. В 3-м л. мн. ч. и в отрицательных формах мн. ч. употребляется суффикс *-daiž* / *-taiž*.

Особенностью вепсского кондиционала является наличие системы временных форм, количество которых разными учеными определяется по-разному. Н. Г. Зайцева выделяет четыре временные формы кондиционала: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект [Зайцева Н. Г. 2002: 139].

М. И. Зайцева описывает три формы кондиционала: презенс, перфект (синтетический и аналитический) и плюсквамперфект [Зайцева М. И. 1986: 256]. М. М. Хамяляйнен выделяет две формы – презенс и имперфект [Хамяляйнен 1966: 91]. На материале языка сибирских вепсов нами выявлены две временные формы кондиционала – презенс и синтетический перфект, другие формы не зафиксированы. Таким образом, в языке сибирских вепсов представлены только синтетические формы кондиционала, аналитические формы не употребляются.

Форма презенса кондиционала имеет значение неосуществлённого действия в будущем, например:

(354) ср.-вепсск. сибирск.

Oliž minain oružg', minagö saižin' reboid' sebanpälo. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2007 г.]

ol=iž=Ø	mina=Ø=in	oružg'=Ø	mina
быть=COND _{Pr} =3Sg	я=ADESS=1Sg	ружьё=NOM/Sg	я
gö sa=iži=n'	reboi=d'	seba=n=pälo	
уже достать=COND _{Pr} =1Sg	лиса=PART/Sg	одежда=GEN/Sg=на	

‘Было бы у меня ружьё, я достал бы лису на одежду.’

Перфект кондиционала употребляется, если такое действие отнесено к прошлому:

– в примере (355) из языка сибирских вепсов употреблена синтетическая форма перфекта кондиционала:

(355) ср.-вепсск. сибирск.

Mina en langenuiž, ku sina mindain ei rehkuoi. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

mina en	lange=nuiž	ku	sina	min=da=in	ei
я не/1Sg	упасть=COND _{Perf}	если	ты	я=PART=1Sg	не/2Sg

rehku=toi
толкнуть=REFL/Pr
‘Я бы не упал, если бы ты меня не толкнул.’

– в примере (356) из языка европейских вепсов употреблена аналитическая форма перфекта кондиционала:

(356) ср.-вепсск.

Em oliž löudnuded lehmad, ku ii baboi. [Зайцева Н. Г. 2002: 156]

em	ol=iž	löud=nuded	lehma=d	ku
не/1Pl	быть=COND _{Perf}	найти=PP/Pl	корова=PART/Sg	если

ii baboi=Ø
 не/3Sg бабушка=NOM/Sg
 ‘Мы бы не нашли корову, если бы не бабушка.’

В пределах одного предложения в ГПЕ и ЗПЕ могут сочетаться друг с другом две формы кондиционала: они могут иметь либо одно и то же, либо разные временные значения, при этом логически условие должно всегда предшествовать следствию. Возможное соотношение временных форм кондиционала показано в Таблице 6.

Таблица 6

Соотношение временных форм в кондиционале

ГПЕ	ЗПЕ	
	COND _{PR}	COND _{Perf}
COND _{PR}	+	+
COND _{Perf}	–	+

COND_{PR} – COND_{PR}:

(357) ср.-вепсск. сибирск.
Oudaiž minain dengäd, mina ostaizhin paikan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

ou=**daiž**=Ø mina=Ø=in dengä=d
 быть=**COND_{PR}**=3Pl я=ADESS=1Sg деньги=NOM/Pl
 mina osta=**iži**=n paika=n
 я купить=**COND_{PR}**=1Sg платок=ACC/Sg
 ‘Будь у меня деньги, я купила бы платок.’

COND_{Perf} – COND_{Perf}:

(358) ср.-вепсск. сибирск.
Oudanuiž minain dengäd, mina ostanuižin paikan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

ou=**danuiž**=Ø mina=Ø=in dengä=d
 быть=**COND_{Perf}**=3Pl я=ADESS=1Sg деньги=NOM/Pl
 mina osta=**nuiži**=n paika=n
 я купить=**COND_{Perf}**=1Sg платок=ACC/Sg
 ‘Были бы у меня деньги, я купила бы платок.’

COND_{Perf} – COND_{PR}:

(359) ср.-вепсск. сибирск.

Oudanuiž minain dengäd mina ostaižin paikan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

ou=	danuiž =∅	mina=∅=in	dengä=d
быть=	COND_{Perf} =3Pl	я=	ADESS =1Sg
			деньги=
mina	osta= iži =n	paika=n	
я	купить=	COND_{PR} =1Sg	платок=
			ACC /Sg

‘Были бы у меня деньги, я купила бы платок.’

Соотношение презенса кондиционала в ЗПЕ с перфектом кондиционала в ГПЕ недопустимо, так как не соблюдается порядок следования событий: следствие не может предшествовать условию.

Таким образом, в вепсском языке соблюдается «второй классификационный параметр», сформулированный в монографии «Типология условных конструкций»: он описывает таксисную зависимость между условием *p* и следствием *q*, в соответствии с которой в УК допускаются два из трех возможных значений: *p* раньше *q*, *p* одновременно с *q*; третий вариант – *p* позже *q* – невозможен [Храковский 1998: 35–37].

В языке сибирских вепсов наиболее употребительной является форма кондиционала презенса, которая может обозначать разные временные локализации условия и следствия, при этом семантическое время не тождественно морфологическому.

Формы кондиционала употребляются, прежде всего, в ирреально-условных конструкциях, однако они являются полифункциональными и могут передавать также следующие значения:

а) возможности в будущем:

(360) ср.-вепсск. сибирск.

Tö lämbitažit' külbetin', mö tijalo tuližim. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

tö	lämbita= iži =t'	külbeti=n'	mö
вы	истопить=	COND_{PR} =2Pl	баня=
			ACC /Sg
tija=lo=∅	tuli= iži =m		
вы=	ALLAT =2Pl	прийти=	COND_{PR} =1Pl

‘Вы бы истопили баню, мы бы к вам пришли.’

б) маловероятности, невысокой степени достоверности или неочевидности сообщаемых положений дел:

(361) вепсск.

Dorogou kazvaiž. [Зайцева Н. Г. 2002: 145]

dorog=ou kazva=iž=Ø
дорога=ADESS/Sg расти=COND_{PR}=3Sg

‘Если бы на дороге рос.’

в) желательности:

(362) вепсск.

Tuliž boža mijalo. [Зайцева Н. Г. 2002: 144]

tul=iž=Ø boža=Ø mija=lo=Ø
прийти=COND_{PR}=3Sg крёстная мать=NOM/Sg мы=ALLAT/1Pl

‘Пришла бы к нам крёстная.’

г) просьбы или приказания:

(363) вепсск.

Sidaizid hebose tanhan taga. [Зайцева Н. Г. 2002: 143]

sida=iži=d hebo=Ø=se tanha=n aga
привязать=COND_{PR}=2Sg лошадь=NOM/Sg=то двор (хлев)=GEN/Sg за, позади

‘Лошадь-то привяжи за двором.’

2. Условные союзы. В вепсском языке имеется несколько союзов условной семантики: *ku* ‘если’, *ku ... ka* ‘если..., то...’; *gesli* ‘если’, *bude* ‘если’. Союзы *gesli*, *bude* являются кальками с русского. Союз *ku* многозначный, он может функционировать в сложных предложениях временной, причинной, сравнительной семантики. Дифференциация значения зависит от модально-видо-временных характеристик глаголов-сказуемых и лексического наполнения частей.

3. Инессивная форма II-го инфинитива Tv=do/to=s. Эта форма является полифункциональной. Если в ГПЕ действие обращено в план будущего, то она может передавать условное значение, которое в большой степени поддерживается также и контекстом, и лексическим наполнением частей:

(364) ср.-вепсск. сибирск.

Tegedos muga putud gorähä. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

tege=do=s muga putu=d gorä=hä
делать=INF₂=INESS так попасть=Pr/2Sg беда=ILLAT/Sg

‘Если так (будешь) делать, попадёшь в беду.’

Эта инфинитная форма может передавать также временные (пример 365) и целевые (пример 366) отношения:

(365) ср.-вепсск. сибирск.

Sädiba tagaz tuudos. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

säd=i=ba tagaz tuu=**do**=s
сделать=IMPF=3Pl обратно идти=INF₂=INESS
'Сделали, когда шли обратно.'

(366) ср.-вепсск. сибирск.

Otta radio parziden' vedados. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

ot=ta radoi=∅ parz=i=den veda=**do**=s
взять=INF₁ работник=ACC/Sg бревно=Pl=GEN возить=INF₂=INESS
'Взять работника для возки брёвен.'

4. Условные отношения передаются также в простом предложении отглагольными абстрактными именами существительными в форме абессива, в которых имплицировано пропозитивное значение 'при отсутствии чего-либо'. Условное значение в этом случае актуализируется за счёт глагольной семантики имени, отнесённости события к временному плану будущего и контекста.

(367) ср.-вепсск. сибирск.

Sinun abuta mina nečida em boi tehta. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

sinun abu=**ta** mina neči=da em boi=∅
твой помощь=**ABESS**/Sg я это=PART не/1Sg смочь=Pr/Sg
teh=ta
сделать=INF₁

'Без твоей помощи я не смогу этого сделать.'

(> если ты не поможешь, я не смогу этого сделать)

(368) ср.-вепсск. сибирск.

Kuqmata mända ii sa. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

kuqma=**ta** män=da ii sa=∅
приглашать=**ABESS**/Sg идти=INF₁ не/3Sg мочь=Pr/Sg

'Без приглашения идти нельзя.'

(> если не приглашали, идти нельзя)

Таким образом, в вепсском языке для выражения условных отношений используются разноуровневые средства, которые реализуются в следующих типах синтаксических конструкций:

1) бифинитных ППК:

а) в бессоюзных сложных предложениях, в которых финитные сказуемые в обеих частях выражены формами кондиционала;

б) в сложноподчиненных предложениях, в которых используются аналитические показатели связи – условные союзы;

2) монофинитных ППК со сказуемым ЗПЕ – инессивной формой II-го инфинитива;

3) полипропозитивных простых предложений с отглагольным именем существительным абстрактной семантики в форме абессива.

Семантика условных ППК определяется модальностью ГПЕ и ЗПЕ. «Условные конструкции любого языка служат для выражения гипотетической обусловленности» [Грамматика 1970: 710], которая предполагает нереальность обуславливающего явления, поэтому ЗПЕ в УК характеризуется нереальной модальностью и обозначает потенциальность события или явления. Эта особенность составляет универсальный отличительный признак УК в языках разных систем.

По признаку модальности ЗПЕ разграничиваются собственно-условные и несобственно-условные конструкции. К собственно-условным относятся предложения, в которых ЗПЕ характеризуется нереальной (потенциальной или ирреальной) модальностью. Несобственно-условными являются предложения, в которых при показателях связи, характерных для собственно-условных УК, сказуемое ЗПЕ имеет реальную модальность.

Собственно-условные конструкции представлены двумя разновидностями: с семантикой потенциального и ирреального условия («первый классификационный параметр»). В потенциально-условных УК событие, названное в ЗПЕ, оценивается как возможное, в них выражается реальная, т. е. выполняемая возможность; тогда как в ирреально-условных событие в ЗПЕ предстает как невыполнимое, в них выражается нереальная возможность [Храковский 1998: 34].

В монографии «Типология условных конструкций» используются термины «нереальное» и «реальное» условное высказывание, мы предпочитаем соответствующие им термины «ирреально-условные» и «потенциально-условные» конструкции, так как в них отражается специфика модального значения ЗПЕ, тогда как термин «реальное» условное высказывание создает ложную ассоциацию с реальной модальностью ЗПЕ, хотя под ним подразумевается реальная возможность осуществления события.

В **ирреально-условных** предложениях сообщается о событиях, которые не могли, не могут или не смогут состояться. Специальным средством выражения этих значений в вепсском языке является полифункциональная глагольная форма кондиционала, например:

(369) ср.-вепсск. сибирск.

Oliižin mina nor, mina putuižin. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

oli=iži=n	mina	nor	mina
быть=COND _{PR} =1S	я	молодой	я
en	putu=iž=n		

не/1Sg промахнуться=COND_{PR}=1Sg
 ‘Был бы я молодой, я бы не промахнулся.’

(370) ср.-вепсск. сибирск.

Oudaiž minain dengäd, mina ostaižin paikan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

ou=	daiž =Ø	mina=Ø=in	dengä=d
быть=	COND_{Pr} =3Pl	я=ADESS=1Sg	деньги=NOM/Pl
mina	osta= iži =n	paika=n	
я	купить=	COND_{PR} =1Sg	платок=ACC/Sg

‘Будь у меня деньги, я купила бы платок.’

События в ГПЕ и ЗПЕ могут соотноситься между собой в разных временных планах. В соответствии с «третьим классификационным параметром», выдвинутым в монографии «Типология условных конструкций» [Храковский 1998: 37–38], рассмотрим возможные варианты временной отнесенности условия и следствия, их абсолютную локализацию на временной оси.

1) Условие отнесено к прошлому, а следствие – к прошлому, настоящему или будущему: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое невыполнимое положение дел; он значит, что это положение дел не имеет места в момент речи, и полагает или знает, что оно не могло иметь места в прошлом до момента речи; он также полагает или знает, что благодаря неосуществлению этого положения дел, не осуществляется ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 47].

а) Прошедшее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(371) ср.-вепсск. сибирск.

Ku hän pördaizihe ehtkoizu, homen mö vastaižimoiz. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

ku	hän	pörda= iži =he	ehtkoizu	homen	mö
если	он	вернуться=	COND_{Pr} =REFL/3Sg	вечером	завтра
vasta= iži =moiz					мы

встретиться=

COND=REFL/Pr/1Pl

‘Если бы он вернулся вечером, завтра мы бы встретились.’

б) Прошедшее в ЗПЕ + настоящее в ГПЕ:

(372) ср.-вепсск. сибирск.

Sina kirgitaizid miniin kirgäizen, mina siniiz vastha oigendaizhin. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

sina	kirgita= iži =d	mini=Ø=in	kirgäize=n	mina
ты	написать=	COND_{Pr} =2Sg	я=ALLAT=1Sg	письмо=ACC/Sg
sini=Ø=iž	vastha	oigenda= iži =n		я

ты=ALLAT=2Sg навстречу послать письмо=COND_{Pr}=1Sg
 Букв.: Если бы ты написала мне письмо, я послал бы (письмо) тебе навстречу.
 ‘Если бы ты написала мне письмо, я ответил бы тебе.’

в) Прошедшее в ЗПЕ + прошедшее в ГПЕ:

(373) ср.-вепсск. сибирск.

Ku mina sindaiž nägištaižin aigemb, ka ottaizin' sindaiž akaks. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

ku mina sin=da=iž nägišta=**iži**=n aigemb ka
если я ты=PART=2Sg видеть=COND_{Pr}=1Sg раньше то
 otta=**iži**=n' aka=ks
 взять=COND_{Pr}=1Sg жена=TRANS/Sg
 ‘Если бы я увидел тебя раньше, взял бы тебя в жёны.’

2) Условие отнесено к настоящему, следствие – к настоящему или будущему: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое невыполнимое положение дел; он полагает или знает, что это положение дел не может иметь места в момент речи; он также полагает или знает, что благодаря неосуществлению этого положения дел не осуществляется в настоящем и не осуществится в будущем положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 49].

а) Настоящее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(374) ср.-вепсск. сибирск.

Minun vaud oliiž, andaižin' kaik golile. [Коконова Н. А., д. Высотский, 2006 г.]

minu=n=∅ vaud=∅ ol=**iiž**=∅ anda=**iži**=n'
 я=GEN=1Sg воля=NOM/Sg быть=COND_{Pr}=3Sg отдал=COND_{Pr}=1Sg
 kaik gol=i=le
 всё бедный=Pl=ALLAT
 ‘Была бы моя воля, отдал бы всё бедным.’

б) Настоящее в ЗПЕ + настоящее в ГПЕ:

(375) вепсск.

Oliiž tuliihut, säskid ii liiž. [Зайцева, Муллонен 1972: 147]

ol=**iiž**=∅ tuliihut=∅ säsk=i=d ii=l=iiž (ii oliiž)
 быть=COND_{Pr}=3Sg ветерок=NOM/Sg комар=Pl=PART не/3Sg=быть=COND_{Pr}
 ‘Был бы ветерок, комаров бы не было.’

3) Условие и следствие отнесены в план будущего: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое невыполнимое положение дел, он знает, что это положение дел не имеет места в момент речи,

и полагает или знает, что оно не может иметь места в будущем после момента речи; он также полагает или знает, что благодаря неосуществлению этого положения дел не осуществится в будущем положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 48–49].

Будущее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(376) ср.-вепсск. сибирск.

Kazdaiž minain' suugad, lendaižin' tägaupäi. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

kaz= daiž =Ø	mina=Ø=in	suuga=d
вырасти= COND _{Pr} =3Pl	я= ADESS =1Sg	крыло= NOM/Pl
lenda= iži =n'	tägau=päi	
улететь= COND _{Pr} =1Sg	здесь=от	

‘Выросли бы у меня крылья, улетел бы отсюда.’

В **потенциально-условных** конструкциях действие, названное в ЗПЕ, оценивается как возможное. Эти конструкции представлены тремя структурными разновидностями.

1) Наиболее типичной является бифинитная ППК, в которой средством связи частей служат союзы условной семантики: *ku* ‘если’, *ku ... ka* ‘если..., то...’, *vaiše* ‘если’, *gesli* ‘если’, *bude* ‘если’. Союзы *ku*, *ku ... ka*, *vaiše* являются недифференцированными, поэтому большое значение для установления потенциально-условных отношений приобретает соотношение модально-временных характеристик сказуемых.

2) Значительно реже для выражения потенциально-условных отношений используется бифинитная бессоюзная ППК, в которой сказуемые обеих частей выражены формами кондиционала презенса:

(377) ср.-вепсск. сибирск.

Tuliižid sina homen minuhu in, ka pagižiim. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

tuli= iži =d	sina	homen	minu=hu=in	ka
прийти= COND _{Pr} =2Sg	ты	завтра	я= ILLAT =1Sg	то
pagiži= iži =m				
поговорить= COND _{Pr} =1Pl				

‘Пришла бы завтра ко мне, то поговорили бы.’

(378) ср.-вепсск. сибирск.

Opendaižitoi paremba, ka sindaiž kittaiž pahemba. [Сердцова А. С., с. Иваницк, 2008 г.]

openda=iži=toi	paremba	ka	sin=da=iž
учиться=COND _{Pr} =refl/2Sg	лучше	то	ты=PART=2Sg
kit=taič=Ø	pahemba		
хвалить=COND _{Pr} =3Pl	больше		

‘Учился бы лучше, то хвалили бы больше.’

Более частотной для кондиционала является ирреально-условная семантика.

3) Отмечены также единичные случаи, когда в определенных контекстуальных условиях значение потенциального условия приобретает инессивная форма II-го инфинитива, типичной функцией которой является выражение временных отношений:

(379) ср.-вепсск. сибирск.

Tegedos muga putud gorähä. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

tege=do=s	muga	putu=d	goräh=hä
делать=INF _{II} =INESS	так	попасть=Pr/2Sg	беда=ILLAT/Sg

‘Если так (будешь) делать, попадёшь в беду.’

В потенциально-условных конструкциях условие предшествует следствию или одновременно с ним. Условие и следствие могут быть локализованы в одном временном плане (настоящем, прошедшем, будущем), либо временной план условия предшествует временному плану следствия (условие в настоящем, следование в будущем, условие в прошедшем, следование в настоящем или будущем). Возможна ситуация, когда условие и следствие локализованы в одном временном плане (например, в будущем), но тем не менее условие всё же предшествует следствию.

Рассмотрим возможные варианты таксисных отношений между условием и следствием в потенциально-условных ППК.

1) Условие отнесено к прошлому, следствие – к прошлому, настоящему или будущему: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое выполнимое положение дел; он знает, что в момент речи это положение дел не имеет места, он полагает или знает, что это положение дел могло иметь место в прошлом; он также полагает или знает, что в случае выполнения этого положения дел, осуществляется в прошлом, настоящем или будущем положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 44].

а) Прошедшее в ЗПЕ + прошедшее в ГПЕ:

(380) ср.-вепсск. сибирск.

Ku tat eglai čaroi haugon, ka Mišoi vedi pardod kodihe. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	tat=Ø	eglai	čaro=i=Ø	haugo=n
если	отец=NOM/Sg	вчера	рубить=IMPF=3Sg	дрова=ACC/Sg
ka	Mišoi=Ø	ved=i=Ø		pardo=d
то	Миша=NOM/Sg	возить=IMPF=3Sg		бревно=ACC/Pl
	kodi=he			
	дом=ILLAT/Sg			

‘Если отец вчера рубил лес, то Миша возил брёвна домой.’

б) Прошедшее в ЗПЕ + настоящее в ГПЕ:

(381) ср.-вепсск. сибирск.

Ku Mišoi gö pördihe lidnaspäi, ka göb čaün. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	Mišoi=Ø	gö	pörd=i=he	lidna=späi
если	Миша=NOM/Sg	уже	вернуться=IMPF=REFL/3Sg	город=ELAT/Sg
ka	gö=b	čaün=n		
то	пить=Pr/3Sg	чай=ACC/Sg		

‘Если Миша уже вернулся из города, то пьёт чай.’

в) Прошедшее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(382) ср.-вепсск. сибирск.

Ku Mišoi gö polučǎi dengäd, ka homen hän ostab akalo paikan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	Mišoi=Ø	gö	polučǎ=i=Ø	dengä=d
если	Миша=NOM/Sg	уже	получить=IMPF=3Sg	деньги=PART/Pl
ka	home hän	osta=b	aka=lo	paika=n
то	завтра он	купить=Pr/3Sg	жена=ALLAT/Sg	платок=ACC/Sg

‘Если Миша уже получил деньги, то завтра он купит жене платок.’

2) Условие в настоящем, следствие – в настоящем или в будущем: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое выполнимое положение дел; он не знает, имеет ли место это положение дел в момент речи, но полагает, что оно может иметь место; он также полагает или знает, что в случае осуществления этого положения дел одновременно осуществляется или осуществится в будущем после момента речи положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 45]

а) Настоящее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(383) ср.-вепсск. сибирск.

Ku Mišoi haugon haugoib, ka päliči časus hän kandišeškab vedon. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	Mišoi=Ø	haugo=n	haugoi=b	ka	päliči
если	Миша=NOM/Sg	дрова=ACC/Sg	колоть=Pr/3Sg	то	через
času=s	hän	kandiše=š	ka=b	vedo=n	
час=INESS/Sg	он	носить=INCH=3Sg	вода=ACC/Sg		

‘Если Миша колет дрова, то через час он будет носить воду.’

б) Настоящее в ЗПЕ + настоящее в ГПЕ:

(384) ср.-вепсск. сибирск.

Ku Mišoi astub kodihe, ka hän kandab liiban. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	Mišoi=Ø	astu=b	kodi=he	ka	hän
если	Миша=NOM/Sg	идти=Pr/3Sg	дом=ILLAT/Sg	то	он
kanda=b	liiba=n				
нести=Pr/3Sg	хлеб=ACC/Sg				

‘Если Миша идёт домой, он несёт хлеб.’

3) Условие и следствие отнесены в план будущего: «произнося такое высказывание, говорящий называет в условии некоторое выполнимое положение дел; он знает, что в момент речи это положение дел не имеет места; он полагает или знает, что это положение дел может иметь место в будущем, т. е. после момента речи; он также полагает или знает, что если это положение дел осуществится, то тогда осуществится и выполнимое положение дел, названное им в следствии» [Храковский 1998: 42].

В вепсском языке нет морфологической категории будущего времени, поэтому отнесённость к плану будущего выражается формой презенса индикатива при соответствующих морфологических показателях (например, при наличии суффикса инхоатива, который присоединяется к основе со значением длительного действия) или при поддержке контекста. В силу логической связи между условием и следствием как предшествующим и последующим, заданность условия в будущем предполагает локализацию следствия также в будущем, независимо от языковых средств его выражения.

Будущее в ЗПЕ + будущее в ГПЕ:

(385) ср.-вепсск. сибирск.

Ku homen Mašoi pajätaškab, mina kargaidaškan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku homen Mašoi=Ø pajāta=**ška**=b mina
если завтра Маша=NOM/Sg петь=**INCH**=3Sg я
 kargaida=**ška**=n
 танцевать=**INCH**=1Sg
 ‘Если Маша будет завтра петь, я буду танцевать.’

Таким образом, допустимые комбинации временных планов ЗПЕ и ГПЕ в собственно-условных ППК можно представить в Таблице 7.

Таблица 7

Соотношение временных планов в ЗПЕ и ГПЕ в ирреально-условных ППК

Условие в ЗПЕ	Следствие в ГПЕ		
	прош.	наст.	буд.
прош.	+	+	+
наст.	–	+	+
буд.	–	–	+

К **несобственно-условным** мы относим такие УК, в которых при показателях связи, характерных для собственно-условных конструкций, сказуемое ЗПЕ характеризуется реальной модальностью и временным планом настоящего, имеющим футуральное прочтение (временной план будущего менее всего реален). По семантике такие предложения сближаются с временными и причинными, и различить их можно только по более широкому контексту:

(386) ср.-вепсск. сибирск.

Ku hān tulob, mö hānt hüväšti adivoičem. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku hān tulo=b mö hān=t hüväšti
если он прийти=Pr/3Sg мы он=PART/Sg хорошо
 adivoiče=m
 угостить=Pr/1Pl

‘Если / когда / как он придёт, мы его хорошо угостим.’

Если говорящий имеет в виду, что лицо, которое ожидают, может не прийти, тогда отношение между событиями носит условный характер, а если берётся в расчёт только соотнесённость событий во времени, то предложение прочитывается как временное.

Различие между временными и условными предложениями с союзами недифференцированной семантики (*ku* и других) получает формальное вы-

ражение только в случаях употребления формы кондиционала в одной из частей:

(387) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše sina ed voinu iče tuuda oigendaižid' akan. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

vaiše	sina	ed	voi=nu	iče	tuu=da
если	ты	не2Sg	мочь=IMPF/PP	сам	прийти=INF ₁
oigenda=iži=d'			aka=n		
отправлять=COND _{Pr} =2Sg			жена=ACC/Sg		

‘Если ты сам не смог прийти, отправил бы жену.’

Совмещение условного и причинного значения наблюдается в примере (388), где смысл ЗПЕ может рассматриваться или как условие реализации следствия, или как его причина:

(388) ср.-вепсск. сибирск.

Ku sina ed mäno klubha, ka mina mugažo gän kodihe. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

ku	sina	ed	mäno=Ø	klub=ha	ka	mina
если	ты	не/2Sg	пойти=Pr/Sg	клуб=ILLAT/Sg	то	я
mugažo		gä=n	kodi=he			
тоже		остаться=Pr/1Sg	дом=ILLAT/Sg			

‘Раз ты не пойдёшь в клуб, я тоже останусь дома.’

Временной план прошлого ослабляет условный смысл высказывания, которое осложняется при этом причинным значением с оттенком предположительности, логического вывода:

(389) ср.-вепсск. сибирск.

Ku babko os't' gäuhod, paštab liibad. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

ku	babko=Ø		os't'=Ø		gäuhod=d		pašta=b	
если	бабушка=NOM/Sg		купить=IMPF/3Sg		мука=PART/Sg		испечь=Pr/3Sg	
liiba=d								
хлеб=ACC/Pl								

‘Если бабушка купила муки, испечёт хлеб.’

(390) ср.-вепсск. сибирск.

Ku dōjočkäine sanui pravdan, hänon tat gö tuli. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

ku	dōjočkäine=Ø		sanu=i=Ø		pravda=n		häno=n=Ø	
если	девочка=NOM/Sg		сказать=IMPF=3Sg		правда=ACC/Sg		она=GEN=3Sg	
tat=Ø		gö		tul=i=Ø				
отец=NOM/Sg		уже		приехать=IMPF=3Sg				

‘Если девочка сказала правду, её отец уже приехал.’

В таких предложениях элиминирована модусная часть: *Если девочка сказала правду, {это означает, что} её отец уже приехал.* Условные отношения устанавливаются между ЗПЕ, вводимой условным союзом, и отсутствующим модусным звеном, которое в свою очередь служит главной частью в изъяснительном биноме.

Модели условных ППК:

1) монофинитные ППК:

[T_v=INF₂=INESS] [ГПЕ]

2) бифинитные ППК:

[COND ЗПЕ] [COND ГПЕ]

[(Ku) COND ЗПЕ] [(ka) COND ГПЕ]

[Ku ЗПЕ] [ГПЕ]

[Vaiše ЗПЕ] [ГПЕ]

[Ku ЗПЕ] [ka ГПЕ]

2.3.2. Условные ППК в прибалтийско-финских языках

Общими средствами в выражении условного значения для всех языков прибалтийско-финской группы являются союзы условной семантики и формы кондиционала.

В финском языке наиболее распространёнными условными конструкциями считаются сложноподчинённые предложения, части которых связаны условным союзом *jos* ‘если’ в начале придаточного [Томмола 1998: 325]. В условном придаточном выражаются как реальные (пример 391), так и ирреальные (пример 392) положения дел:

(391) финск.

Jos päivästä tulee kaunis, menemme uimaan. [Томмола 1998: 331]

jos	päivä=stä	tule=e	kaunis	mene=mme	ui= ma=an
если	день=ELLAT	стать=3Sg	красив	идти=1Pl	плавать=INF ₃ =ILLAT

‘Если день будет хороший, мы пойдём купаться.’

(392) финск. (разг.)

Jos jossanaa ei olisi, niin lehmätkin lentäisivät. [Томмола 1998: 331]

jos jos=sana=a ei ol=is(i) niin lehmä=t=kin
если если=слово=PART не3Sg быть=COND так корова=Pl=PRAGM
lentä=is=(i)vät
летать=COND=3Pl

‘Если бы не «если», то и коровы бы летали.’

В качестве показателя ирреальности употребляется условное наклонение – кондиционал. Кондиционал есть во всех языках прибалтийско-финской группы: в финском языке суффикс кондиционала *-isi-*, в эстонском *-ks(i)-*, в карельском *-isi-*, *-si-*, *-is-*, в водском *-isi-*, *-izi-*.

Однако кондиционал не всегда является знаком контрфактичности сообщаемого. Для использования кондициональных форм достаточно неочевидности, несвидетельствованности и будущности сообщаемых положений дел:

(393) карельск.

Hiän mänis miehellä ka ei oteta. [Зайков 1999: 81]

hiän män=is miehe=llä ka ei ote=ta
она пойти=COND мужчина=ADESS да не3 брат=Pr/Pl

‘Она пошла бы замуж, да не берут.’

(394) финск.

Jos olisin tankannut huomenna, olisin joutunut maksamaan enemmän. [Томмола 1998: 338]

jos ol=isi=n tankan=nut huomenna
если быть=COND=1Sg заправиться=PP/PRT завтра
ol=isi=n joutu=nut maksa=ma=an enemmän
быть=COND=1Sg приходится=PP/PRT платить=INF₃=ILLAT больше

‘Если бы я заправил машину завтра, мне пришлось бы заплатить больше.’

В финском языке условное значение могут передавать также монофитные конструкции с зависимым предикатом в форме II-го инфинитива в инессиве и пассивного причастия в партитиве, основная функция которых заключается в выражении темпоральных отношений, и III-го инфинитива в адессивной и абессивной формах, которые обычно передают обстоятельное значение образа действия.

Конструкция со II-м инфинитивом в инессиве:

(395) финск.

Sateen sattuessa tilaisus pidetään kerholla. [Томмола 1998: 344]

satee=n sattu=e=ssa tilaisus pide=tään
дождь=GEN случаться=INF₂=INESS мероприятие держать=PASS

kerho=lla

клуб=ADESS

‘В случае дождя мероприятие состоится в клубе.’

Конструкция с пассивным причастием в партитиве:

(396) финск.

Tehtyään tällaisen ratkaisun Norjan pitäisi etsiä uusia keinoja yhteistyön lisäämiseksi. [Томмола 1998: 343]

teh=**ty**=**ä**=**än**

tällaise=**n**

ratkaisu=**n**

Norja=**n**

делать=**PP_{pass}**=**PART**=**POSS**

такой=**GEN**

решение=**GEN**

Норвегия=**GEN**

pitä=**isi**

etsi=**ä**

uus=**i**=**a**

keino=**j**=**a**

следовать=**COND**

искать=**INF₁**

нов=**Pl**=**PART**

средство=**Pl**=**PART**

yhteis=**työ**=**n**

lisäämise=**ksi**

совместный=работа=**GEN**

добавление=**TRANSL**

‘После такого решения (если в Норвегии будет принято такое решение) Норвегии нужно будет найти новые пути увеличения сотрудничества.’

Конструкция с III-м инфинитивом в абессиве:

(397) финск.

Emme saa aikaan muutosta parempaan tekemättä kipeitä leikkauksia. [Томмола 1998: 344]

e=**mme**

saa

aika=**an**

muutos=**ta**

parempa=**an**

не=**1Pl**

получить

время=**ILLAT**

изменение=**PART**

лучший=**ILLAT**

teke=**mä**=**ttä**

kipe=**i**=**tä**

leikkauks=**i**=**a**

делать=**ШТА₃**=**ФИУЫЫ**

больной=**3д**=**3ФКЕ**

резание=**3д**=**3ФКЕ**

‘Мы не добьёмся изменения к лучшему без (не сделав = если не сделаем) болезненных сокращений.’

В водском языке условие передаётся при помощи союзов *kens* ‘когда’, *ku* ‘как, если’ (редко *kuj* ‘как, когда’), сложного союза *no-ku* ‘если’ или заимствованного из русского языка союза *jesli* ‘если’:

(398) водск.

No-ku leb üvä ilm siz miä men mettsäse. [Маркус, Рожанский 2011: 289]

no-ku le=**b**

üvä

ilm

siz

miä

me=**n**

если быть=**Pr(Fut)3Sg**

хороший

погода

тогда я

пойти=**Pr1Sg**

mettsä=**se**

лес=**ILLAT**

‘Если будет хорошая погода, тогда я пойду в лес.’

В предложениях с ирреальным условием глагол принимает форму кондicionала:

(399) водск.

Miä ku ellejzin elännüd tšüläz miä ellejzin tervepi. [Маркус, Рожанский 2011: 289]

miä	ku	елле=jzi=n	elän=nüd	tšülä=z	miä
я	если	быть=COND=1Sg	жить=PP	деревня=INESS	я
елле=jzi=n		terve=pi			
быть=COND=1Sg		здоровый=COMP			

‘Если бы я жил в деревне, я был бы здоровее.’

При реальном или потенциальном условии сохраняется время индикатива.

Таким образом, при сопоставлении с данными других прибалтийско-финских языков – финского [Томмола 1998], эстонского [Кюльмоя 1998], карельского [Зайков 1999], водского [Маркус, Рожанский 2011] – выяснилось, что общим для них является противопоставление средств выражения ирреального и потенциального условия: во всех названных языках имеется форма кондиционала, который используется в ирреально-условных ППК, в то время как потенциально-условные конструкции строятся при помощи союзов недифференцированной семантики, условное значение которых актуализируется за счет соотношения модально-видо-временных характеристик глаголов-сказуемых и контекста.

В вепсском и финском языках сходным образом функционируют инесивные формы II-го инфинитива, для которых первичной функцией является выражение временных отношений, но возможна также и условная семантика [Томмола 1998: 343].

Несмотря на то, что прототипической УК принято считать сложноподчиненное предложение с условным союзом, в котором каждая пропозиция получает развернутое выражение в виде финитного глагола – сказуемого предикативной единицы – и его облигаторного окружения, а знаком условных отношений является союз, для вепсского языка однозначное признание конструкции типа [*ku* (ЗПЕ)], [ГПЕ] прототипической кажется нам не вполне убедительным, так как данная конструкция является недифференцированной и передает различные значения в зависимости от морфологических характеристик сказуемых и лексического наполнения частей. В этом отношении значительно ярче окрашены конструкции с кондиционалом, которые более дифференцированы по семантике и являются специализированным морфологическим средством выражения ирреального условия. Сильно маркированным членом оппозиции «ирреальное» / «потенциальное» условие являются ирреально-условные УК, которые, на наш взгляд, и составляют ядро функционально-семантического поля условия в вепсском языке.

2.4. Уступительные ППК

Уступительное значение во всех языках основано на связи двух фактов, в норме исключающих друг друга. Это значение является производным от причинного или условного и противительного значений. «Уступительные отношения построены на взаимодействии значений внутренней обусловленности противительного: они объединяют в себе два компонента квалификации сообщаемого: 1) утверждается несовместимость двух ситуаций, между ними устанавливаются отношения взаимоисключения ('либо – либо'); 2) констатируется сосуществование, совмещение этих ситуаций, отношения между ними представляются как соединительные ('и – и')» [Шведова 1980: 586].

2.4.1. Уступительные ППК в вепсском языке

Семантика уступки малохарактерна для языка вепсов. Для выражения уступительных отношений в сибирском и пондальском говорах вепсского языка исконных союзных средств не обнаружено. Семантика уступки передаётся аналитическими скрепами союзного типа, заимствованными из русского языка. Для выражения уступительных отношений используются бифинитные конструкции:

а) сложноподчинённые предложения, в ЗПЕ которых выступают скрепы *hot'* 'хотя', *darom (miše)* 'несмотря на то что; хотя':

(400) ср.-вепсск. сибирск.

Hot' oli vilu, mina panimoī magattaha irdau. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

hot'	ol=i	vilu	mina	pan=i=moī	magatta=ha
хотя	быть=IMPF/Sg	холодно	я	ложиться=IMPF=1Sg	спать=ILLAT
irdau					
на улице					

'Хотя было холодно, я улёгся спать на улице.'

(401) ср.-вепсск. сибирск.

Poig läks' mecha, darom miše tatazo küud' mända. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

poig=Ø	läks'=Ø	mec=ha	darom miše
сын=NOM/Sg	пойти=IMPF/3Sg	лес=ILLAT/Sg	несмотря на то что
tatazo=Ø	küud'=Ø	män=da	
отец=NOM/Sg	запрещать=IMPF/3Sg	идти=INFI	

'Сын пошёл в лес, несмотря на то, что отец запрещал идти.'

б) сложносочинённые предложения с противительным союзом *но* 'но':

(402) ср.-вепсск. сибирск.

Annoi kazvoi, no pahoin' vähän. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

Annoi	kazvo=i=Ø	no	pahoin'	vähän
Анна	подрастать=IMPF=3Sg	но	очень	немного

‘Анна подросла, но очень немного.’

в) бессоюзные предложения, которые могут также квалифицироваться как два простых, с маркером уступительного значения *üks-so* ‘всё равно’ в ГПЕ:

(403) ср.-вепсск. сибирск.

Dengiid iile üks-so paikan ottan. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

dengi=d	ii=le(=olo)	üks-so	paika=n	otta=n
деньги=PART	неЗ=есть	всё равно	платок=ACC	купить=Pr/1Sg

‘Денег нет, всё равно куплю платок.’

В вепсском языке выделяются собственно- и несобственно-уступительные конструкции.

В **собственно-уступительных** конструкциях с выраженной, актуализированной уступительной связью оба компонента связи (недостаточное основание и противоречащее ему следствие) выражены эксплицитно. В **несобственно-уступительных** имплицирован один из компонентов уступительной связи: основание или противоречащее ему следствие.

Среди **собственно-уступительных** мы выделяем причинно-уступительные, условно-уступительные (потенциальные и ирреальные) и генерализованные (альтернативно-уступительные и обобщённо-уступительные) конструкции.

В **причинно-уступительных** конструкциях противопоставлены две реальные ситуации. Ситуация ЗПЕ, которая должна была бы исключать ситуацию ГПЕ, на деле приводит к ее осуществлению. Глаголы в ЗПЕ и в ГПЕ стоят в индикативе. ЗПЕ причинно-уступительных конструкций вводятся заимствованными из русского скрепами *hot* ‘хотя’, *darom* ‘хотя’, *darom miše* ‘несмотря на то что’, которые могут стоять и в препозиции, и в постпозиции по отношению к ГПЕ:

(404) ср.-вепсск. сибирск.

Prihäd muga nagretihe, miše mina tähäσαι muštan, hot' ses päivaspäi proidui siičmenküme vod. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

prihä=d	muga	nagre=tihe	miše	mina	tä=häsa
парень=PART/Pl	так	смеяться=IMPF/3Pl	что	я	этот=TERM _I
mušta=n	hot'	se=s	päiva=späi	proidu=i	
помнить=Pr/1Sg	хотя	тот=c	день=c		пройти=IMPF/3Sg
siičmen=küme	vo=d				
семь=десять	год=PART/Pl				

‘Парни так смеялись, что я до сих пор помню, хотя с того дня прошло семьдесят лет.’

Скрепa *darom miše* ‘хотя; несмотря на то что’ является фразеологическим выражением: общий смысл выражения не равен сумме значений составляющих, хотя и мотивирован этими значениями.

(405) ср.-вепсск. сибирск.

Darom miše hän elab edahan, hän nikonz ii tulo möhä. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

darom	miše	hän	ela=b	edahan	hän	nikonz	ii
несмотря	что	он	жить=Pr/3Sg	далеко	он	никогда	не/3Sg
tulo=Ø		möhä					
прийти=Pr/Sg		поздно					

‘Несмотря на то, что он живёт далеко, он никогда не опаздывает.’

Среди уступительных выделяются **ограничительные** конструкции. В них противопоставлены ситуации, которые не являются абсолютно противоречащими друг другу, ЗПЕ имеет характер оговорки, корректировки. Если для причинно-уступительных конструкций основным является порядок «ЗПЕ – ГПЕ», то для ограничительной конструкции, в силу её характера оговорки, нормален порядок «ГПЕ – ЗПЕ».

(406) ср.-вепсск. сибирск.

Hän pagiz hüvin', hot' pahoin' hilläšti. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

hän	pagiz=Ø	hüvin'	hot'	pahoin'	hilläšti
он	говорить=IMPF/3Sg	хорошо	хотя	очень	тихо

‘Он говорил хорошо, хотя очень тихо’.

Очень часто в ограничительных конструкциях уступительный союз может заменяться на противительный, тогда конструкция превращается в сочинительную:

(407) ср.-вепсск. сибирск.

Sä vilu, no tulliid' iil. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2007 г.]

sä=Ø	vilu	no	tullii=d'	ii=le(olo)
погода=NOM/Sg	холодный	но	ветер=PART/Sg	не/3Sg=быть/Pr

‘Погода холодная, но ветра нет.’

Условно-уступительные конструкции бывают потенциальными (примеры 408, 409) и ирреальными (пример 410). В потенциальной конструкции ситуация ЗПЕ оценивается как возможная и не влияет на реальную ситуацию в ГПЕ. В ирреальной конструкции вся ситуация представлена как гипотетическая. В потенциальной конструкции употребляются формы индикатива, в ирреальной в обеих частях – кондиционал.

В условно-уступительных конструкциях используются скрепы союзного типа – *ku* ‘когда; если; как’, *vaise* ‘только; когда; если’, которые передают также и другие типы отношений между событиями – временные, сравнительные, условные и др. Отличие условно-уступительных от других типов конструкций в том, что ситуация в ГПЕ в них противоречит ожидаемому следствию. Формально это может выражаться скрепой *üks-so* ‘всё равно’, которая маркирует ГПЕ, а также кондиционалом сказуемых ЗПЕ и ГПЕ:

(408) ср.-вепсск. сибирск.

Ku hö pördihezoi, homen mijälo ii tuugoi. Gälghe ted hiile tariškab lebaitakso.

[Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

ku	hö	pördi=hezoi	homen	mijä=lo
если	они	вернуться=IMPF/REFL/3Pl	завтра	мы=ALLAT
ii	tuu=goi	gälghe	te=d	hii=le
не/3Pl	после	дорога=PART/Sg	они=ALLAT	прийти=Pr/3Pl
tari=škab	lebaitak=so			
надо=INCH/3Sg	отдохнуть=INF/REFL			

‘(Даже) если они вернулись, завтра к нам не придут. После дороги им захочется отдохнуть.’

(409) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše mindain küsoškat, üks-so en uidu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

vaiše	min=da=in	küso=škat	üks-so	en
если	я=PART=1Sg	прогонять=INH/2Sg	всё равно	не/1Sg
uidu=Ø				
уйти=Pr/Sg				

‘Если будете меня прогонять, всё равно не уйду.’

(410) ср.-вепсск. сибирск.

Ku mina hänt en kucuižin, hän ii tuliiz. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

ku	mina	hän=t	kucu=iži=n	hän	ii
если	я	он=PART/Sg	звать=COND _{Pr} =1Sg	он	не/3Sg
tuli=iž=Ø					
прийти=COND _{Pr} =Sg					

‘Даже если бы я его позвал, он бы не пришёл.’

Генерализованные конструкции отличаются по своей формальной синтаксической структуре от остальных уступительных конструкций. Они

представляют собой бессюзные предложения с вопросительным местоимением или наречием. Выделяются альтернативно-уступительные и обобщённо-уступительные конструкции.

Специфика **альтернативно-уступительных** конструкций состоит в том, что в их ЗПЕ представлены два условия: то, при котором ситуация в ГПЕ является логичной и ожидаемой, и то, при котором ситуация в ГПЕ не должна иметь места. ЗПЕ содержит два однородных сказуемых, разделённых для усиления противопоставления союзом *hot* ‘хоть’ (пример 411). Маркер уступки *üks-so* ‘всё равно’ в ГПЕ факультативен. Часто глаголы ЗПЕ могут стоять в форме императива (пример 412).

(411) ср.-вепсск. сибирск.

Ladid hot ed ladi, rad tari vaumita. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

ladi=d	hot	ed	ladi=Ø	rad=Ø
хотеть=Pr/2Sg	хоть	NEG/2Sg	хотеть=Pr/Sg	работа=ACC/Sg
tari	vaumi=ta			
надо	сделать=INF _I			

‘Хочешь – не хочешь, всё равно работу надо сделать.’

(412) ср.-вепсск. сибирск.

Lai poig hot ala lai, hän üks-so ii kundlo. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

lai=Ø	poig=Ø	hot	ala	lai=Ø
ругать=IMP/2Sg	сын=ACC/Sg	хоть	NEG/IMPR/2Sg	ругать=IMP/2Sg
hän	üks-so	ii	kundlo=Ø	
он	всё равно	NEG/3Sg	слушаться=Pr/Sg	

‘Ругай сына – не ругай, всё равно он не слушается.’

ЗПЕ **обобщённо-уступительных** конструкций вводится вопросительными местоимениями *ken* ‘кто’, *mi* ‘что’, *mitte* ‘какой’, наречиями *kuna* ‘куда’, *kut* ‘как’, *kus* ‘где’. ЗПЕ указывает на широкий круг условий, ни одно из которых не влияет на ситуацию в ГПЕ. Сказуемое ЗПЕ может употребляться в форме императива. Обобщённо-уступительная конструкция может включать скрепы *üks-so* ‘всё равно’, *kut maht* ‘как угодно’ в главной части, а в ЗПЕ – уступительный союз *hot* ‘хотя’.

(413) ср.-вепсск. сибирск.

Mida Pešku sanub, mina nimille en veri. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

mida	Pešku sanu=b	mina	nimi=le	en	veri=Ø
что	Пётр сказать=Pr/3Sg	я	ничто=ALLAT	NEG/1Sg	верить=Pr/Sg

‘Что Пётр скажет, я ничему не верю.’

(414) ср.-вепсск. сибирск.

Kuna mänön, kaikäu vasstan hüvid rahvast. [Крылова А. В., с. Иваничск, 2006 г.]

kuna	māno=n	kaikāu	vassta=n	hüvi=d
куда	пойти=Pr/1Sg	езде	встречать=Pr/1Sg	хороший=PART/Pl
rahvas=t				
люди=PART/Pl				

‘Куда пойду, везде встречаю хороших людей.’

(415) ср.-вепсск. сибирск.

Kut maht neco värtin lüüda, hot lähtkehe päzu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

kut	maht	neco	värtin=Ø	lüüda=Ø
как	угодно	это	веретено=ACC/Sg	найти=IMP/2Sg
hot	lähtke=he		päzu=Ø	
хоть	колодец=ILLAT/Sg	лезть=IMP/2Sg		

‘Как угодно найди это веретено, хоть в колодец лезь.’

В **несобственно-уступительных** конструкциях один из компонентов уступительного значения – уступительный (недейственное основание) или следственный (противоречащее заданному основанию следствие) – имплицирован.

Несобственно-уступительные конструкции с **имплицитным уступительным компонентом** представлены двумя простыми предложениями (или сложными бессоюзными). Показателем уступительного значения являются скрепы *üks-so* ‘всё равно’, *kaik-so* ‘всё-таки, всё-же’. Они отсылают к ситуации, представленной в контексте или известной слушающему:

(416) ср.-вепсск. сибирск.

Gä öks. Üks-so sindaiz em pästkoi ningiimas säs. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2008 г.]

gä=Ø	öks	üks-so	sin=da=iž
оставаться=IMP/2Sg	ночь=TRANSL	всё равно	ты=PART=2Sg
em	päst=koi	ningiima=s	sä=s
NEG/1Sg	отпустить=Pr/Pl	такой=INESS/Sg	погода=INESS/Sg

‘Оставайся на ночь. Всё равно мы тебя не отпустим в такую погоду.’

(417) ср.-вепсск. пондал.

Kaik-so sina vüu nor. Sinaiz kaikezüu. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

kaik-so	sina	vüu	nor=Ø	sina=Ø=iž	kaik	ezüu
всё-таки	ты	ещё	молодой=NOM/Sg	ты=ADESS=2Sg	весь	впереди

‘Всё-таки ты ещё молодая. Всё у тебя впереди.’

В ЗПЕ несобственно-уступительных конструкций с **имплицитным следственным компонентом** сообщается о желательной ситуации, которая могла бы произойти, а в главной части приводится не следствие, препятствующее этой ситуации, а причина. Следствие же присутствует, но оно свёрнуто и может легко восстанавливаться:

(418) ср.-вепсск. сибирск.

Andaižin siniž dengiid da üks-so göd vinha. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

anda=iž=n sini=Ø=iž dengii=d da

дать=COND_{Pr}=1Sg ты=ALLAT=2Sg деньги=PART/Pl да

üks-so gö=d vin=ha

всё равно пить=Pr/2Sg пить=Pr/2Sg

‘Дал бы я тебе денег, да (не дам, потому что) ведь всё равно пропьёшь.’

(419) ср.-вепсск. сибирск.

Segoin mina. Ajäižin tagozoho da en teda ted. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

sego=i=n mina ajä=iž=n tagozoho da

заблудиться=IMPF=1Sg я поехать=COND_{Pr}=1Sg назад да

en teda=Ø te=d

NEG/1Sg знать=Pr/Sg дорога=PART/Sg

‘Я заблудился. Поехал бы обратно, да не знаю дороги.’

Такие конструкции всегда бипредикативны и имеют строгий порядок следования частей: ЗПЕ всегда предшествует ГПЕ.

ЗПЕ и ГПЕ могут факультативно маркироваться скрепами, акцентирующими либо желательную, но неосуществимую ситуацию, либо причину её неосуществления. ЗПЕ – скрепой *hot i* ‘хотя и’, ГПЕ – *üks-so* ‘всё равно’.

На желательность, но неосуществимость ситуации в ЗПЕ указывает форма его сказуемого – оно выражено кондиционалом.

Уступительные отношения в вепсском языке реализуются в следующих типах синтаксических конструкций:

1) сложноподчинённых предложениях, в ЗПЕ которых выступают скрепы *hot* ‘хотя’, *darom (miše)* ‘несмотря что, хотя’;

2) сложносочинённых предложениях с противительным союзом *no* ‘но’;

3) бессоюзных предложениях с маркером уступительного значения *üks-so* ‘всё равно’ в ГПЕ.

На основании формального критерия «эксплицитность / неэксплицитность представления компонентов отношения» все уступительные конструкции вепсского языка делятся на собственно-уступительные и несобственно-уступительные. В собственно-уступительных конструкциях оба компонента отношений представлены эксплицитно. В несобственно-уступительных конструкциях один из компонентов имплицирован.

Собственно-уступительные конструкции разграничиваются на основании семантического критерия – недейственности причины / условия или множества условий. Соответственно выделяются причинно-уступительные, условно-уступительные и обобщённые, или генерализованные, конструкции.

Модели бифинитных уступительных ППК:

[**CONJ** ЗПЕ] [ГПЕ]

[ПЕ₁]**CONJ** [ПЕ₂]

[ЗПЕ][*üks-so*ГПЕ]

Семантические типы уступительных ППЕ:

а) причинно-уступительные:

[*hot'darom miše* ЗПЕ] [ГПЕ]

б) ограничительные конструкции:

[ПЕ₁] **no** [ПЕ₂]

в) условно-уступительные:

[**ku** ЗПЕ] [ГПЕ]

[*vaiše* ЗПЕ] [*üks-so* ГПЕ]

[**ku** T_v=**COND** ЗПЕ] [T_v=**COND** ГПЕ]

2.4.3. Уступительные ППК в прибалтийско-финских языках

Степень разработанности средств выражения уступительного отношения и употребительности уступительных конструкций зависят от социолингвистического статуса конкретного языка. В финском и эстонском языках – самых благополучных из прибалтийско-финской группы – уступительные конструкции очень употребительны, поэтому в выражении уступительного значения участвуют разноуровневые средства связи: синтаксические, морфологические и лексические.

В финском [Томмола 2004] и эстонском [Кару, Кюльмоя 2004] языках для выражения уступительных отношений используются многочисленные союзы дифференцированной и недифференцированной семантики в СПП, кроме того, инфинитные предикаты в функции ЗПЕ (в финском – адессивная, абессивная формы III-го инфинитива и причастие прошедшего времени; в эстонском – герундив и супин (положительная и отрицательная формы); а так-

же вопросительные местоимения, наречия и частицы в бессоюзном предложении; сочетания отглагольных существительных в определённых падежах с послелогом или другими функциональными словами.

Для финского языка прототипическими считают уступительные конструкции, оформляемые в виде СПП, в ЗПЕ которых выступает союз *vaikka* ‘хотя’, а в ГПЕ (факультативно) – частица *niin* ‘так’ [Томмола 2004]:

(420) финск.

Vaikka majuri oli pieni mies, hän oli luja järjestyksen pitäjä. [Томмола 2004: 224]

vaikka	majuri ol=i	pieni	mies	hän ol=i
хотя	майор быть=IMPF/3Sg	маленький	мужчина	он быть=IMPF/3Sg
luja	järjestyks=en	pitäjä		
строгий	порядок=GEN	держатель		

‘Хотя майор и был коротышкой, он был суровым приверженцем порядка.’

Союзами уступительной семантики являются также многокомпонентные скрепы *huolimatta siitä, että* ‘не заботясь от того, что’ и *siitä huolimatta että* ‘от того не заботясь, что’:

(421) финск.

Laura tuns i olevansa onto kuori kuin kärpänen hämähäkin verkossa huolimatta siitä että oli juuri juonut kaksi isoa lasillista vettä. [Томмола 2004: 243]

Laura tuns=i	ole=va=nsa	onto	kuori	kuin
Лаура чувствовать=IMPF/3Sg	быть=PP=POSS3	полый	оболочка	как
Kärpänen	hämähäki=n	verk=ossa	huolimatta	sii=tä
Муха	паук=GEN	сеть=INESS	несмотря	то=ELLAT
ol=i	juuri	juo=nut	kaksi	
быть=IMPF/3Sg	только что	пить=PP _{pass}	два	
iso=a	lasilli=sta	vet=tä		
большой=PART	стакан=PART	вода=PART		

‘Лаура чувствовала, что она пустая оболочка, как муха в паутине, несмотря на то что она только что выпила два больших стакана воды.’

В функции уступительного союза может употребляться и условный союз *jos* ‘если’. Тогда к союзу или финитному глаголу присоединяется частица *kin* и применяется строгий порядок следования частей: ГПЕ – ЗПЕ:

(422) финск.

(...) maassamme ollaan siirtymässä avoimempaan suuntaan joskin like on vielä kangertelemaa ja eripuraista. [Томмола 2004: 244]

maa=ssa=mme	ol=laan	siirty=mä=ssä	avoime=mp=aan
страна=INESS=POSS	быть=PASS	переходить=INF ₃ =INESS	открыт=CMF=ILLAT
suunta=an	jos=kin	like	on
направление=ILLAT	если=PTL	движение	быть=Pr3Sg
kangertele=va=a	ja	eripurais=ta	ещё

запинаться=PrP=PART и несогласный=PART

‘(...) наша страна движется в сторону большей открытости, хотя процесс этот пока идёт неуверенно и непоследовательно.’

В бессоюзных предложениях с вопросительным местоимением и наречием также входит частица *kin*:

(423) финск.

Niin kovasti kuin hän yrittikin hän ei onnistunut. [Томмола 2004: 255]

niin kovasti kuin hän yritt=i=**kin** hän ei onnistu=nut
так очень как он стараться=IMPF/3Sg=**PTL** он не3Sg удаться=PP
‘Как усердно он ни старался, это ему не удалось.’

Уступительное значение может передаваться монофинитными конструкциями, в которых зависимым предикатом выступает III-й инфинитив в падежных формах абессива, адессива, а также причастие прошедшего времени в форме эссива:

(424) финск.

Tyhjän saa pyytämättäkin. [Томмола 2004: 254]

tyhjä=n sa=a pyytä=**mä=ttä=kin**
пустой=GEN получать=3Sg просить=**INF₃=ABESS=PTL**
‘Пустое получишь и не попросив.’

(425) финск.

Sinne ette pääse rukoilemallaakaan. [Томмола 2004: 254]

sinne e=tte pääse rukoile=**ma=lla=kaan**
туда не=2Pl попадать умолять=**INF₃=ADESS=PTL**
‘Туда вас не пустят, хоть умолять будете.’

(426) финск.

Loukkaantuneenakin hän pystyi hyvään tulokseen. [Томмола 2004: 254]

loukkaantu=**nee=na=kin** hän pysty=i hyvä=än
травмироваться=**PP=ESS=PTL** он уметь=IMPF3Sg хороший=ILLAT
tulokse=en
достижение=ILLAT

‘Даже после травмы он сумел добиться хороших результатов.’

В водском языке уступительное значение передаётся заимствованным из русского языка союзом *hot* ‘хотя’ или реже союзом *vajkoZ* ‘хотя’:

(427) водск.

VajkoZ eli mīhā no mī ūhelaĵn meni lafkase. [Маркус, Рожанский 2011: 291]

vajkoZ el=i=Ø mīhā no mī ūhelaĵn
хотя быть=IMPF=3Sg поздно но мы всё равно

men=i lafka=se
 пойти=IMPF/1Pl магазин=ILLAT
 ‘Хотя было поздно, мы всё равно пошли в магазин.’

Однако в большинстве случаев для выражения уступительного значения носители языка используют противительные союзы *a* ‘а’ и *no* ‘но’:

(428) водск.

Eli jo mūhā no miä vse ravno menin lafkase. [Маркус, Рожанский 2011: 292]

el=i=Ø jo mūhā **no** miä vse ravno
 быть=IMPF=3Sg уже поздно **но** я всё равно
 men=i=n lafka=se
 пойти=IMPF/1Sg магазин=ILLAT
 ‘Было уже поздно, но я всё равно пошёл в магазин.’

Уступительное значение наиболее полно и детально разработано в языках с длительной письменной традицией – финском и эстонском. В вепсском и водском языках средствами выражения уступки являются в основном заимствованные из русского языка союзы *hot* ‘хотя’, *a* ‘а’, *no* ‘но’.

* * *

Во всех языках прибалтийско-финской группы основным средством выражения отношений обусловленности являются бифинитные ППК с союзной связью. Базовых союзов для каждой разновидности немного. Всё многообразие союзных средств создаётся использованием местоимений (или имён существительных определённой семантики) в падежных формах в сочетании с послелогом.

В сибирском говоре лучше сохранены собственные союзы со значением обусловленности, чем в пондальском. Возможно, влияние русского языка проявилось здесь в том, что в русском языке данные отношения имеют определённые средства выражения. По аналогии с русскими образцами и вепсы строили конструкции со значением обусловленности, только использовали при этом свои собственные, неспециализированные по семантике, союзы. В пондальском говоре выражение отношений обусловленности сложилось по другому сценарию: здесь утрачивались неспециализированные союзы, для более точной передачи того или иного типа отношений применялись специализированные средства (для условного – формы кондиционала, для целевого – формы II-го и III-го инфинитивов), кроме этого, использовался порядок расположения частей предложения и лексический состав.

Финский и эстонский языки отличаются от других языков прибалтийско-финской группы тем, что для выражения всех типов отношений обуслов-

ленности располагают только собственными союзными средствами. Карельский, вепсский и водский языки активно заимствуют из русского языка союзы причинной и уступительной семантики, реже – условной и целевой.

Отношения обусловленности в языках прибалтийско-финской группы могут передаваться и монофинитными синтетическими конструкциями. В финском и эстонском это возможно для всех значений обусловленности: причины, цели, условия и уступки. В бесписьменных языках – только для выражения цели.

Общим для всех языков прибалтийско-финской группы является маркирование ирреального условия показателем кондиционала, тогда как потенциальное условие выражается союзами или другими неспециализированными средствами.

3. Сравнительно-сопоставительные ППК

Действие сравнения является общим свойством человеческой логики и универсальным когнитивным механизмом.

Сравнительные конструкции в большинстве языков строятся по одной модели: {А [В (В)]}. Компонент А – это предмет сравнения (что сравнивают), В – имя объекта, или эталон сравнения, или «образ» сравнения (с которым сравнивается А), В – показатель сравнения. В состав многих сравнительных конструкций входит ещё один компонент – признак, по которому соотносятся предмет и «образ». Этот компонент называется модулем (или признаком) сравнения [Черемисина, Шамина 1996, Черемисина 2006, Девятова 2010]. Рассмотрим структуру следующего вепсского примера:

(429) ср.-вепсск.

Hebo göksob kebnas, kuti lind lendab. [Zaitseva M. 2001: 133]

hebo=Ø	göksob=b	kebnas	kuti	lind=Ø	lenda=b
лошадь=NOM/Sg	бежать=Pr/3Sg	легко	как	птица=NOM/Sg	лететь=Pr/3Sg

‘Лошадь бежит легко, как птица летит.’

где *hebo* ‘лошадь’ – предмет сравнения, *lind* ‘птица’ – эталон сравнения, *kuti* ‘как’ – показатель сравнения, *kebnas* ‘легко’ – признак сравнения.

Данная модель реализуется во множестве сравнительных конструкций, которые объединяются в один класс на основании действия общего синтаксического механизма, который заключается в последовательном проведении следующих операций: чтобы сравнение состоялось, необходимо, во-первых, наличие общей части – сходства сравниваемых объектов, темы сравнения,

задание компаративной константы, которая часто создаётся отображением предиката главной части в зависимую [Черемисина 2006].

В примере (429) константу создают глаголы *göksob* ‘бежит’ и *lendab* ‘летит’ как предикаты, входящие в одну лексико-семантическую группу «глаголы движения», и признак сравнения – *kebnas* ‘легко’. Во-вторых, обязательное условие действия сравнения – это задание компаративного контраста – различия между сравниваемыми объектами – ремы сравнения. В нашем примере контрастируют предмет и эталон (*hebo* ‘лошадь’ и *lind* ‘птица’) и предикаты *göksob* ‘бежит’ и *lendab* ‘летит’ как различные по способу действия. В-третьих, должно произойти наложение «образа» (придаточной части) на «прообраз» (главную часть), их соотнесение и осмысление полученного продукта.

3.1. Сравнительно-сопоставительные ППК в вепсском языке

В вепсском языке для выражения сравнительных отношений используются разноуровневые средства:

- 1) синтаксические: союзы сравнительной семантики;
- 2) морфологические: показатели степеней сравнения прилагательных, падежно-последложные формы;
- 3) лексические: предикаты со значением сравнения.

Сравнительные отношения чаще всего передаются разнообразными монопредикативными конструкциями, а также полипредикативными с союзами *kuti* ‘как’, *anikuti* ‘как; совсем как; как будто’, *kutni* ‘как; как будто’, *rounoku* ‘равно как’, *votku* ‘как; как будто’.

3.1.1. Полипредикативные сравнительные конструкции

Сложные предложения с семантикой сравнения в речи сибирских вепсов практически не встречаются, их доля составляет 2% от общего числа примеров, представленных в картотеке. Поэтому сбор материала по сложным предложениям осуществлялся целенаправленно на основе специальных вопросов, использовались также данные «Словаря вепсского языка» [Зайцева, Муллонен 1972].

Формула полипредикативной конструкции:

[ГПЕ] [*kuti* (ЗПЕ)].

(430) ср.-вепсск. сибирск.

Ak käub, kuti kana tipitab. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

ak=Ø käu=b **kuti** kana=Ø tipita=b
 женщина=NOM/Sg идти=Pr/3Sg **как** курица=NOM/Sg семенить=Pr/3Sg
 ‘Женщина идёт, как курица семенит.’

В большинстве сложных предложений с семантикой сравнения предикаты главной и зависимой частей согласованы по времени: они принимают форму либо презенса, либо имперфекта:

(431) ср.-вепсск. пондал.

Tuillii puhub, kuti sigaine vizäidab. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

tuillii=Ø puhu=b **kuti** sigaine=Ø vizäida=b
 ветер=NOM/Sg выть=Pr/3Sg **как** поросёнок=NOM/Sg визжать=Pr/3Sg
 ‘Ветер воет, как поросёнок визжит.’

(432) ср.-вепсск. сибирск.

Keza proidüi, kuti hänt ii lenu. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

keza=Ø proidü=i=Ø **kuti** hān=t ii le=nu
 лето=NOM/Sg пройти=IMPF=3Sg **как будто** он=PART не3 быть=PP/Sg
 ‘Лето прошло, как будто его не было.’

Около 20% фраз в выборке содержат в главной части предикативную форму в имперфекте, а в зависимой – в презенсе. Возможность такой комбинации объясняется тем, что форма презенса имеет здесь вневременное значение, представляет своё содержание не как единичное событие, но как определённый тип событий, как обобщённое представление о множестве реально происходящих событий:

(433) ср.-вепсск. сибирск.

Irdau oli hill, kuti tägau oloskendob sobatoidme. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

irdau=u ol=i=Ø hill **kuti** tägau oloskendo=b
 улица=ADESS/Sg быть=IMPF=3Sg тихо **как** всегда бывать=Pr/3Sg
 sobatoi=dme
 суббота=PROLAT
 ‘На улице было тихо, как всегда здесь бывает по субботам.’

(434) ср.-вепсск. пондал.

Hän nagraškanz, kuti nagretas pahoin ozavad rahvaz. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

hän nagra=**škanz** **kuti** nagre=**tas** pahoin
 он смеяться=**INCH** **как** смеяться=**PR/3Pl** очень
 ozava=d rahvaz
 счастливый=NOM/Pl люди
 ‘Он засмеялся, как смеются только счастливые люди.’

(435) ср.-вепсск. сибирск.

Hän roi ičezo tuskan kuti roitas pilmed praznikaks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

<i>hän</i>	<i>ro=i=Ø</i>	<i>ičezo</i>	<i>tuska=n</i>	kuti	<i>roi=tas</i>
она	разгонять=IMPF=3Sg	свой	тоска=ACC/Sg	как	разгонять=Pr/3Pl
<i>pilme=d</i>	<i>praznika=ks</i>				
туча=ACC/Pl	праздник=TRANS				

‘Она разогнала свою тоску, как разгоняют тучи к празднику.’

(436) ср.-вепсск. сибирск.

Miid vasttihe ihästudos, kuti vastatas side kaikid. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

<i>mii=d=Ø</i>	<i>vast=tihe</i>	<i>ihästu=do=s</i>	kuti
мы=PART=1Pl	встречать=IMPF/3Pl	радоваться=INF ₂ =INESS	как
<i>vasta=tas</i>	<i>side kaik=i=d</i>		
встречать=Pr/3Pl	здесь все=Pl=PART		

‘Нас встретили, радуясь, как встречают здесь всех.’

Семантическая специфика сравнительных конструкций вепсского языка связана с модальностью: всякое сравнение мыслится субъективно окрашенным, основанным на индивидуальных ассоциациях говорящего, поэтому вне зависимости от того, как относится к действительности объект или ситуация, привлекаемые для сравнения, специального выражения достоверное и недостоверное сравнение в ППК не получает. Достоверное сравнение конструирует ситуацию как объективный, действительный факт, недостоверное – как предположительный, возможный, воображаемый, но средства выражения у них одни и те же:

(437) ср.-вепсск. сибирск.

Irdau oli hill, kuti tägau oloskendob sobatoidme. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

<i>irda=u</i>	<i>ol=i=Ø</i>	<i>hill</i>	kuti	<i>tägau</i>	<i>oloskendo=b</i>
улица=ADESS/Sg	быть=IMPF=3Sg	тихо	как	всегда	бывать=Pr/3Sg
<i>sobatoi=dme</i>					
суббота=PROLAT					

‘На улице было тихо, как всегда здесь бывает по субботам.’

(438) ср.-вепсск. сибирск.

Hänou mot rusked, kuti hän külbetišpäi läks. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

<i>hänou=u=Ø</i>	<i>mot=Ø</i>	<i>rusked</i>	kuti	<i>hän</i>
он=ADESS=3/Sg	лицо=NOM/Sg	красный	как будто	он
<i>kylbeti=špäi</i>	<i>läks=Ø</i>			
баня=ELAT	выйти=IMPF/3Sg			

‘Лицо у него красное, как будто он вышел из бани.’

3.1.2. Монопредикативные сравнительные конструкции

К средствам выражения сравнения в монопредикативных конструкциях относятся следующие.

1. Сравнительные союзы. Наиболее распространённым способом выражения сравнительных отношений в вепсском языке являются монопредикативные конструкции со сравнительными союзами.

Базовой для вепсских сравнительных союзов служит полисемантическая скрепа *ku*, которая может выражать и время, и условие, и сравнение, и соответствие. На ее основе образовались сравнительные союзы *kut(i)* ‘как; как будто’, *anikuti* ‘как; совсем как; как будто’, *kutni* ‘как; как будто’, *rounoku* ‘равно как’, *votku* ‘как; как будто’, *aniku* ‘совсем как; такой же, как и’, употребляющиеся по разным говорам неравномерно.

В речи сибирских вепсов используется только союз *kuti* ‘как; как будто’. У пондальских вепсов он конкурирует с союзом *anikuti* ‘как; совсем как; как будто’. Союзы *kutni* ‘как; как будто’, *rounoku* ‘равно как’, *votku* ‘как; как будто’ как в сибирском, так и в его материнском – пондальском – говоре не встретились. Они отмечены в [Zaitseva 2001: 133].

В союзных сравнительных конструкциях имена, обозначающие сравниваемые предметы, стоят в форме именительного падежа. Формула монопредикативной конструкции:

N_{NOM} **kuti / anikuti / aniku / ku** N_{NOM}.

(439) ср.-вепсск.

Ладва

Sinun kädod – kuti koivun barbad. [Abramov 1994: 14]

sinun	kädo= d	kuti	koivu=n	barba= d
твой	рука= NOM/Pl	как	берёза=GEN	ветка= NOM/Pl

‘Твои руки как ветви берёзы,

Sinun süümad – kuti süväd gärved.

sinun	süuma= d	kuti	süvä=d	gärve= d
твой	глаза= NOM/Pl	как	глубокий= NOM/Pl	озеро= NOM/Pl

Твои глаза как глубокие озёра.

Okha nägen mina sindai harvaz,

okha	nägen=n	mina	sin=dai	harvaz
пусть	видеть=Pr/1Sg	я	ты=PART	редко

Пусть вижу тебя я редко,

Nenodpäiväd – kuti čomadsarnad.

neno=d	päivä=d	kuti	čoma=d	sarna=d
это=NOM/Pl	день=NOM/Pl	как	красивый=NOM/Pl	сказка=NOM/Pl

‘Эти дни как прекрасные сказки.’

2. Формы степеней прилагательных. Сравнение может быть выражено морфологическими средствами: формами сравнительной степени (компаративом), превосходной степени (суперлативом) и тождественной степени (эквативом) прилагательных.

Сравнительная степень указывает на большую или меньшую степень признака предмета или процесса по сравнению с признаком другого предмета или процесса.

Формы компаратива употребляются в сочетании с партитивом имени. Морфологическим показателем сравнительной степени прилагательных является суффикс *-mb* (в основе – *-mba*), который присоединяется к гласному основы прилагательного. Предмет сравнения стоит в номинативе.

Формула конструкции с компаративом:

$$N_{\text{NOM}} \text{ ADJ}=\text{COMP} \ N_{\text{PART}}.$$

(440) ср.-вепсск. сибирск.

Minun sizar vanhamba velled. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

minun	sizar=Ø	vanha= mba	velle= d
моя	сестра=NOM/Sg	старший=COMP	брат=PART/Sg

‘Моя сестра старше брата.’

Превосходная степень указывает на высшее проявление признака какого-либо предмета или процесса в кругу предметов данной категории.

Суперлатив передаётся в вепсском языке аналитическими формами: с помощью слова *kaik* ‘весь’ в форме мн. ч. партитива или инессива – *kaikid* ‘всех’ или *kaikiš* ‘из всех’ (букв.: во всех) – и формы сравнительной степени прилагательного.

Формула конструкций с суперлативом:

$$N_{\text{NOM}} \text{ **kaik**}=Pl=PART/INESS \text{ ADJ}=\text{COMP}$$

(441) ср.-вепсск. сибирск.

Sizar kaikid čotemb. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

sizar=Ø	kaik=i= d	čome= mb
сестра=NOM/Sg	весь=Pl=PART	красивый=COMP

‘Сестра всех красивее.’

Синтетическая форма превосходной степени с показателем *-im* сохранилась в вепсском языке только в одном слове – *parahim* ‘наилучший’: *hüvã* ‘хороший’, *paremba* ‘лучше’, *parahim* ‘наилучший’.

Тожественная степень прилагательных (экватив) указывает на равную степень качества у одного предмета по сравнению с другим. Экватив образуется с помощью суффиксов *-te* / *-tte*, *-če* / *-čče*. Формы экватива употребляются в сочетании с генитивом имени и занимают постпозицию по отношению к нему. Порядок слов в конструкции с компаративом и эквативом фиксированный.

Формула конструкции с эквативом:

$$N_{\text{NOM}} \ N_{\text{GEN}} \ \text{ADJ}=\text{EQUAT}$$

(442) ср.-вепсск. сибирск.

Poig tatan surte. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

poig=Ø tata=**n** sur=**te**
сын=**NOM/Sg** отец=**GEN** высокий=**EQUAT**
‘Сын ростом с отца.’

3. Послелог. Сравнительное значение передают послелог *kohtha* ‘в сравнении’ и *kartho* ‘подобно’, употребляющиеся с именем в генитиве.

Формула конструкции с послелогом *kohtha* имеет вид:

$$N_{\text{NOM}} \ N_{\text{GEN}} \ \textbf{kohtha} \ \text{ADJ}=\text{COMP}$$

(443) ср.-вепсск. сибирск.

Hän minun kohtha om paremb. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

hän=Ø minu=**n** **kohtha** pare=**mb**
он=**NOM/Sg** я=**GEN** по сравнению лучший=**COMP**
‘По сравнению со мной он лучше.’

Формула конструкции с послелогом *kartho*:

$$N_{\text{NOM}} \ V_f^{\text{REL/MOD}} \ N_{\text{GEN}} \ \textbf{kartho}$$

(444) ср.-вепсск. сибирск.

Hän mogižeb lehman kartho. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

hän mogiže=**b** lehma=**n** **kartho**
он мычать=**Pr/3Sg** корова=**GEN** наподобие
‘Он мычит наподобие коровы.’

Послелог *kohtha* ‘по сравнению’ используется в конструкции с именами, в которой назван признак сравнения, выраженный компаративом. Такая конструкция служит для выражения несходства.

Послелог *kartho* ‘наподобие’ имеет противоположное значение – «уподобление, сходство». Признак сравнения эсплицитно не выражен. Сравнение проводится по глагольному – функциональному признаку, который заключён в предикате конструкции.

4. Глагольные предикаты. Сравнительное значение может передаваться предикатами *nahodida*, *otada* ‘быть похожим, походить, напоминать’, которые управляют иллативом – внутренне-местным направительным падежом.

Формула конструкции имеет вид:

$$N_{\text{NOM}} \quad V_f^{\text{REL}} \quad N_{\text{ILLAT}}.$$

(445) ср.-вепсск. сибирск.

Koir nahodib händikahazo. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

koir=Ø nahodi=b händikaha=zo
собака=NOM/Sg походить=Pr/3Sg волк=ILLAT/Sg
‘Собака походит на волка.’

В монопредикативных конструкциях сравнительный компонент выступает в функции предиката. В зависимости от типа оформления этого компонента выделяются модели, за которыми закреплена определённая сравнительная семантика.

Общая модель сравнительной конструкции имеет схему:

$$N_1 \text{ NOM} \quad \text{В} \quad N_2 \text{ NOM/PART/GEN},$$

где N_1 – это предмет сравнения, N_2 – эталон сравнения, В – показатель сравнения. Обобщённую пропозицию, связанную с данной схемой, можно охарактеризовать как «логическую пропозицию реляции». В конкретных вариантах этой общей модели реализуются частные значения сходства / несходства, тождества.

Монопредикативная конструкция с формой компаратива выражает отношения **несходства**. Устанавливается факт различия между двумя релянтами:

(446) ср.-вепсск. сибирск.

Mat suremba mindai. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

mat=Ø sure=mba min=dai
мама=NOM/Sg высокий=COMP я=PART/Sg
‘Мама выше меня.’

Это значение может быть передано конструкциями:

N_{NOM} V_f ADJ=COMP **ku** N_{NOM}
 N_{ADESS} N_{PART} ADJ=COMP **mi** N_{ADESS}

(447) ср.-вепсск.

Poig opendaso paremba ku tüitär. [Zaitseva M. 2001: 121]

poig=Ø	openda=so	par= emba	ku	tütär=Ø
сын=NOM/Sg	учиться=REFL/Pr/3Sg	лучше=COMP	чем	дочь=NOM/Sg

‘Сын учится лучше, чем дочь.’

(448) ср.-вепсск. сибирск.

Miniin dengiid enamba mi hänou. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

mini=Ø=in	dengi=i=d	ena= mba	mi	häno=u=Ø
я=ADESS=1Sg	деньги=Pl=PART	больше=COMP	чем	он=ADESS=3/Sg

‘У меня денег больше, чем у него.’

Для выражения несходства используется также конструкция с послелогом *kohtha* ‘в сравнении’:

(449) ср.-вепсск. сибирск.

Minun kohtha hän vüuki nor. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

minu= n	kohtha	hän	vüuki	nor
я=GEN	по сравнению	она	ещё	молодая

‘По сравнению со мной она ещё молодая.’

Ср.:

(450) ср.-вепсск. сибирск.

Hän noremba mindai. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

hän	nore= mba	min= dai
она	молодая=COMP	я=PART/Sg

‘Она моложе меня.’

В конструкции с послелогом сравнение осложняется дополнительным смыслом: подчёркивается относительность оценки возраста – «я не молодая, она молодая относительно меня, но по общепринятым нормам она тоже уже не молодая».

Конструкция с эквативом показывает, что предмет и эталон сравнения **тождественны** по какому-либо признаку, различий между ними нет:

(451) ср.-вепсск. сибирск.

Pu kazvoi pertin kortte. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

pu=Ø	kazvoi=Ø	perti= n	kort= te
дерево= NOM/Sg	расти= IMPF/3Sg	дом= GEN	высотой, ростом с= EQUAT

‘Дерево выросло высотой с дом.’

Конструкция с союзом обозначает **сходство, подобие** предмета сравнения с эталоном сравнения по общему признаку:

(452) ср.-вепсск. пондал.

Hän boik kuti tullii. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

hän=Ø	boik	kuti	tullii=Ø
он= NOM/Sg	быстрый	как	ветер= NOM/Sg

‘Он быстрый, как ветер.’

(453) ср.-вепсск. пондал.

Uk vauged anikuti lumi. [Грекова Л. А., Пондала, 2012 г.]

uk=Ø	vauged	anikuti	lumi=Ø
старик= NOM/Sg	белый	как	снег= NOM/Sg

‘Старик белый как снег.’

(454) ср.-вепсск. сибирск.

Mina olen nečiš mecas ku car. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

mina	ole= n	neči=š	meца=s	ku	car=Ø
я	есть= Pr/1Sg	этот= INESS	лес= INESS	как	царь= NOM/Sg

‘Я в этом лесу как царь.’

(455) ср.-вепсск. пондал.

Neco vazaine aniku miiden lehm. [Быстрова М. М., Пондала, 2012 г.]

песо	vazaine=Ø	aniku	miiden lehm=Ø
этот	телёнок= NOM/Sg	совсем как	наш корова= NOM/Sg

‘Этот телёнок совсем как наша корова.’

Предложения со сравнительным оборотом – самый распространённый тип сравнительных конструкций в вепсском языке.

Для выражения **сходства** используется форма имени в генитиве с послелогом **kartho** ‘подобно’:

(456)

Platko ombeltud sarafan kartho.

platko=Ø	ombel=tud	sarafa= n	kartho
платье= NOM/Sg	сшить= PP	сарафан= GEN	наподобие

‘Платье сшито наподобие сарафана.’

Сравнение с предикатами *nahodida*, *otada* ‘быть похожим, походить, напоминать’ также передают отношения **сходства, подобия**:

(457) ср.-вепсск. сибирск.

Tütär tamha otab. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

tütär=Ø tam=**ha** ota=**b**
дочь=**NOM/Sg** мать=**ILLAT/Sg** походить=**Pr/3Sg**
'Дочь походит на мать.'

(458) ср.-вепсск. сибирск.

Marjä noremba Annad. [Коконова . Н. А., д. Высотский, 2012 г.]

Marjä=Ø pore=**mba** Анна=**d**
Мария=**NOM/Sg** молодой=**COMP** Анна=**PART/Sg**
'Мария моложе Анны.'

(459) ср.-вепсск.

Gärven karas enamba kalad mi laudou. [Zaiceva M., 2001: 121]

gärve=**n** kara=**s** ena=**mba** kala=**d** **mi**
озеро=**GEN/Sg** залив=**INESS/Sg** больше=**COMP** рыба=**PART/Sg** **чем**
laudo=**u**
середина=**ADESS**
'В заливе озера больше рыбы, чем посредине.'

Достоверное сравнение выражается в вепсском языке монопредикативными конструкциями с компаративом, суперлативом, эквативом, формами имени в генитиве с послелогом *kohtha* 'в сравнении', возможны полипредикативные конструкции, в которых предмет и эталон сравнения представлены как объективные факты.

При недостоверном сравнении ситуация носит субъективный характер: интерпретируется как подобная, похожая, возможная, предположительная, вероятная и т. д.:

(460) ср.-вепсск. сибирск.

Päiv läm kuti kezau. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2009 г.]

päiv=Ø läm **kuti** keza=**u**
день=**NOM/Sg** тёплый **как** лето=**ADESS**
'День тёплый, как летом.'

Данный тип выражается монопредикативными конструкциями со сравнительными союзами, реже – с послелогом *kartho* 'подобно' и именем в генитиве, предложениями с предикатами сравнительной семантики, а также полипредикативными союзными конструкциями.

3.2. Сравнительно-сопоставительные ППК в прибалтийско-финских языках

В других языках прибалтийско-финской группы сравнение передаётся сходным образом с вепским языком: используются средства трёх уровней – морфологического, синтаксического и лексического в монопредикативных и полипредикативных реализациях.

Конструкции с компаративом устроены следующим образом:

в финском языке: N_{NOM} (cop) N_{PART} ADJ=COMP

в карельском, эстонском, водском языках: N_{NOM} (cop) ADJ=COMP N_{PART}

Показателем компаратива в финском и карельском языках является в номинативе – *-mpi-*, в эстонском – *-m-*, в водском – *-p-*:

(461) финск.

Helsinki on Pietaria vanhempi. [Братчикова 2013: 70]

Helsinki on=Ø Pietari=a vanhe=**mpi**
Хельсинки есть=Pr/3Sg Петербург=**PART** старый, древний=**COMP**
'Хельсинки древнее, чем Петербург.'

(462) водск.

Ivo on tarkep emma sissoa. [Маркус, Рожанский 2011: 280]

Ivo on=Ø tarke=p emm=a sisso=a
Иван быть=Pr/3Sg умный=**COMP** свой=**PART** сестра=**PART**
'Иван умнее своей сестры.'

Суперлатив в финском, эстонском и карельском языках образуется синтетически (в финском и карельском при помощи суффикса *-in*, в эстонском *-im*) и аналитически (с местоимениями финск. *kaikkein* 'всех, всего' и *mitä* 'что', карельск. *kaikista* 'всего', эстонск. *kõige* 'всех, всего'), в водском – аналитически (при помощи формы *kejkka*):

(463) карельск.

Tuo talo on pienin. [Зайков 1999: 51]

tuo talo=Ø on=Ø pien=**in**
тот дом=NOM быть=Pr/3Sg маленький=**SUP**
'Тот дом самый маленький.'

(464) финск.

Hän kaikkein rikkain. [Братчикова 2013: 72]

hän **kaikke=in** rikka=**in**
он **все=SUP** богатый=**SUP**

‘Он богаче всех (самый богатый, набогатейший).’

(465) водск.

Kase koto on kejkka surep. [Маркус, Рожанский 2011: 281]

kase	koto	on=Ø	kejkka	sure=p
этот	дом	быть=Pr/3Sg	всех	большой=COMP

‘Этот дом всех больше.’

В монопредикативной конструкции с компаративом может быть использован союз типа ‘чем’: финск. *kuin*, эстонск. *kui*, водск. *ku / kuj*, карельск. *kuin*.

(466) финск.

Helsinki on vanhempi kuin Pietari. [Братчикова 2013: 70]

Helsinki=Ø	on=Ø	vanhe=mpi	kuin	Pietari=Ø
Хельсинки=NOM	есть=Pr/3Sg	старый=COMP	чем	Петербург=NOM

‘Хельсинки древнее, чем Петербург.’

Во всех прибалтийско-финских языках частотны предложения со сравнительными оборотами, в которых употребляются сравнительные союзы: финск. *kuin* ‘как, чем’, *aivan kuin*, *ikään kuin* ‘как будто, словно, точно’; эстонск. *nagu*, *kui* ‘как, словно, точно, чем’; карельск. *kuin* ‘как’, *kuin niin* ‘как будто’; водск. *kuin* ‘как, чем’.

По семантике конструкции с морфологическими средствами выражения сравнительного отношения формируют зону достоверного сравнения, а с союзными – недостоверного сравнения:

(467) финск.

Likaa on tuvassa (paljon), aivan kuin lattiaa ei olisi lakaistu viikkoon. [Zaitseva M. 2001: 133]

lika=a	on=Ø	tuva=ssa (paljon)	aivan kuin	lattia=a	ei
грязь=PART	быть=Pr3Sg	изба=INESS	как будто	пол=PART	не/3Sg
ol=i=si	lakais=tu	viikko=on			
быть=ШЬЗА=ЗЫп	мести=ЗЗ _{зфы}	неделя=ШДДФЕ			

‘В избе грязно, как будто неделю пол не метён.’

(468) водск.

Kase koto on kejkka surep. [Маркус, Рожанский 2011: 281]

kase	koto	on=Ø	kejkka	sure=p
этот	дом	быть=Pr/3Sg	всех	большой=COMP

‘Этот дом всех больше.’

§2. Модус-диктумные ППК

Модус-диктумные отношения – это отношения между пропозицией и её интерпретацией говорящим. Они отражают разнообразные типы рефлексии субъекта по поводу содержащейся в высказывании информации: способ её получения (слуховой, зрительный, чувственный и др.), характер источника информации (собственные наблюдения говорящего; информация, полученная от других лиц; умозаключение, сделанное на основе косвенных источников), её достоверность или недостоверность с точки зрения говорящего, разнообразные типы оценки передаваемой информации и т. д., что получает выражение в таких модусных категориях, как метакатегории, авторизация, персуазивность, оценочность и др. [Шмелёва 1988].

Способом выражения модус-диктумных отношений в русском языке является сложноподчинённое изъяснительное предложение.

В отечественном языкознании сложилось несколько определений изъяснительного предложения.

1. В определении, приведенном в Грамматике 1970 г., акцентируется структурный признак – принцип его устройства: «Придаточная часть изъяснительного предложения занимает при опорном слове позицию, соответствующую позиции косвенного падежа с объектным значением или позиции подлежащего.

Свойством сочетаться с придаточной частью, выступающей в роли объектного определителя или вместе с опорным словом образующей структурную основу предложения, обладают слова определённых лексических групп, из которых наиболее обширными являются группы слов со значениями: 1) речи, мысли, восприятия, чувства; 2) оценки; 3) бытия, обнаружения» [Грамматика 1970: 701].

2. СПП изъяснительного типа характеризуется структурообразующим ядром – **контактной рамкой** [Ильенко, Левина 2008: 10], состоящей из изъяснительного союза придаточной части (*что, чтобы, чтобы не, будто, якобы, как бы, как, ли, когда*) и контактного (опорного) слова главной части, обладающего определённым лексическим значением (*знать, видеть, требовать, бояться* и др.).

Выбор союза в контактной рамке обусловлен лексическим значением опорного слова и зависит: 1) от лексического значения контактного слова; 2) от модальной характеристики придаточной части; 3) от темпорально-содержательного оттенка придаточной части высказывания; 4) от стилистической окрашенности речи.

Взаимодействие союза и контактного слова – двух основных составляющих структурообразующего ядра изъяснительных СПП – являет собой ме-

ханизм **лексико-синтаксической координации**, представляющей собой собственно синтаксический факт, соприкасающийся с такой семантической характеристикой сложного предложения, как семантико-синтаксическая координация, но не тождественный ей [Ильенко, Левина 2008: 16].

3. Другое определение основано на типе отношений, которые возникают между главной и зависимой частями: к изъяснительным относят предложения, в которых один компонент (придаточная часть) передаёт сообщение о действительности – диктум, а другой (главная часть) – отношение к этому событию (его восприятие, понимание, оценку и т. д.) – модус [Черемисина, Скрибник 1988].

Модус-диктумная интерпретация изъяснительной конструкции наиболее системна, так как отражает один из трёх базовых типов сложных отношений, выражаемых в языках разного строя. В классификации сложных предложений модус-диктумные, передающие отношения «действительность – сознание», противопоставлены детерминантным, передающим отношения типа «действительность – действительность», и кореферентным, устанавливающим «контакт» событий действительности через общность участника (класс «предмет в двух событиях действительности», определительный) [Черемисина, Скрибник, 1988]. Кроме того, модус-диктумная интерпретация изъяснительной конструкции охватывает все возможные способы и средства выражения данного типа отношений в разносистемных языках.

В уральских и алтайских языках эквивалентом русского изъяснительного предложения являются монофинитные ППК, зависимая часть которых содержит инфинитную форму глагола (инфинитив или причастие). Помимо синтаксических, в этих языках представлены и морфологические средства выражения модус-диктумных отношений – особые наклонения глагола.

1. Изъяснительные ППК в вепсском языке

В вепсском языке для выражения изъяснительных отношений используются:

1. Синтаксические конструкции:
 - 1) бифинитные ППК:
 - а) сложноподчиненные предложения с союзами недифференцированной семантики;
 - б) бессоюзные сложные предложения;
 - 2) монофинитные ППК со сказуемым ЗПЕ – иллативной формой III-го инфинитива.

2. Лексические средства в простом и сложном предложениях.

Специальных морфологических показателей эвиденциальности в вепсском языке не сохранилось.

1.2. Структурные типы изъяснительных ППК в вепсском языке

Бифинитные ППК с союзной связью являются наиболее распространенным способом выражения изъяснительных отношений в вепсском языке. В них используются союзы *miše* ‘что; чтобы’, *mi* ‘что; чем’, *kut* ‘как’, многозначный союз *ku* ‘как; как будто, что’, а также заимствованный из русского союз *što* ‘что’. Кроме этого, в качестве аналитических скреп употребляются многочисленные вопросительные местоимения: *kus* ‘где’, *kuspäi* ‘откуда’, *konz* ‘когда’, *mida* ‘что’ и др.

Наиболее часто и регулярно для выражения изъяснительных отношений используется союз *miše* ‘что; чтобы’. Он сочетается с широким кругом модусных предикатов.

В ГПЕ могут находиться следующие лексемы модусной семантики:

1) слова со значением констатирующей речи: *sanuda* ‘сказать’, *pagišta* ‘говорить’, *suldä* ‘обещать’, *grazda* ‘грозить’;

2) слова со значением восприятия, получения информации: *teda* ‘знать’, *nägištada* ‘видеть’, *kacta* ‘смотреть’, *kirgitada* ‘писать’, *nägudakso* ‘казаться’;

3) слова со значением мыслительной деятельности, внутреннего состояния, чувства: *dumaida* ‘думать’, *račtä* ‘жалеть’, *varaita* ‘бояться’, *gorüida* ‘горевать’, *ihästuda* ‘радоваться’;

4) слова с оценочно-характеризующим значением: *hüvä* ‘хорошо’, *hondoin* ‘плохо, трудно’;

5) слова со значением бытия, выявления: *oloskelob* ‘бывает’, *ištuso* ‘получается’.

Все эти предикаты имеют сильное управление и присоединяют зависимую часть, которая раскрывает их содержание. При модусных предикатах первой, второй и третьей групп зависимая часть занимает место дополнения:

(469) ср.-вепсск. сибирск.

Sanutihe, miše homen linneb vihm. [Крылова А. В., д. Мардай, 2006 г.]

sanu=tihe	miše	homen	linne=b	vihm=Ø
сказать=IMPF/3Pl	что	завтра	быть=Pr/3Sg	дождь=NOM/Sg

‘Сказали, что завтра будет дождь.’

(470) ср.-вепсск. сибирск.

Tedan, miše sina tägau elad. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

teda=n **miše** sina tägau ela=d
 знать=Pr1Sg **что** ты здесь жить=Pr2Sg
 ‘Знаю, что ты здесь живёшь.’

При модусных предикатах четвёртой и пятой групп зависимая часть занимает позицию подлежащего:

(471) ср.-вепсск. сибирск.

Hondoin, miše ed kundouni mindain. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

hondoin **miše** ed kundou=nu min=dain
плохо **что** не/2Sg послушать=PP я=PART/Sg
 ‘Плохо, что не послушал меня’.

(472) ср.-вепсск. сибирск.

Hän om hargenu, miše hänolo ii vastustadaiž. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2009 г.]

hän **om** harge=nu **miše** hänolo=lo ii vastusta=daiž
 он быть=Pr/3Sg привыкать=PP/Sg **что** он=ALLAT не/3Pl перечить=COND/Pr
 ‘Он привык, чтобы ему не перечили.’

Союз *mi* ‘что; чем’ сочетается в основном с глаголами обладания информацией, внутреннего состояния и со словами оценочной семантики:

(473) ср.-вепсск. сибирск.

Mina en tednu, mi kala magadab madal vedos. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2006 г.]

mina **en** ted=nu **mi** kala=Ø magada=b
 я не знать=PP **что** рыба=NOM/Sg спать=Pr/3Sg
madal vedo=s
 мелкий вода=INESS/Sg
 ‘Я не знал, что рыба ночует на мелководье.’

(474) ср.-вепсск. сибирск.

Mam toropihe, mi laps lanktob vedoho. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

mam=Ø torop=i=he **mi** laps=Ø
 мать=NOM/Sg испугаться=IMPF=REFL/3Sg **что** ребёнок=NOM/Sg
lankto=b vedo=ho
 упасть=Pr/3Sg вода=ILLAT
 ‘Мать испугалась, что ребёнок упадёт в воду.’

Союз *kut* ‘как’ сочетается с информативными глаголами:

(475) ср.-вепсск. сибирск.

Mina navedin kacta, kut nuuzob päiväine. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

mina navedi=n kac=ta **kut** nuuzo=b
 я любить=Pr/1Sg смотреть=INF₁ **как** подниматься=Pr/3Sg

päiväine=Ø

солнце=NOM/Sg

‘Я люблю смотреть, как поднимается солнце.’

(476) ср.-вепсск. сибирск.

Mö varaizim, kut tuliiz torok. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

mö varai=ži=m kut tuli=iž torok

мы бояться=COND_{PR} как идти=COND_{PR} буран

‘Мы боялись, как бы не начался буран.’

Употребление союза *ku* ‘как; как будто, что’ в изъяснительных предложениях ограничено словами со значением речи, мысли, восприятия, обязательно с элементом неполной достоверности, неточности, предположительности:

(477) ср.-вепсск. сибирск.

Miloi sanuiba, ku sizaren poig nai. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

mi=lo=i sanu=i=ba ku sizare=n poig=Ø

мы=ALLAT=1Sg сказать=IMPF/3Pl как будто сестра=GEN/Sg сын=NOM/Sg

на=i=Ø

жениться=IMPF=3Sg

‘Нам сказали, что (как будто) сын сестры женился.’

В функции союзного слова используются вопросительно-относительные местоимения. Чаше других встречается местоимение *mida* ‘что’ в форме партитива:

(478) ср.-вепсск. сибирск.

Mö hätken meles pidim mida ostta. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

mö hätken meles pid=i=m mi=da ost=ta

мы долго ум=INESS/Sg держать=IMPF=1Pl что=PART купить=INF_I

‘Мы долго думали, что купить.’

(479) ср.-вепсск. пондал.

Hän nägi, kus sina olin. [Быстрова А.Н., Пондала, 2012 г.]

hän nägi=Ø kus sina ol=i=d

он видеть=IMPF/3Sg где ты быть=IMPF=2Sg

‘Он видел, где ты был.’

(480) ср.-вепсск. сибирск.

Niken ii teda, kuspäi tuudihe nenod rahvaz. [Сердцова А. С., с. Иваническ, 2007 г.]

niken ii teda=Ø kuspäi tuu=dihe

никто не/3Sg знать=Pr/Sg откуда прийти=IMPF/3Pl

neno=d rahvaz

этот=NOM/Pl люди

‘Никто не знает, откуда пришли эти люди.’

(481) ср.-вепсск. сибирск.

Mina en navedi, konz minunpäi nagretas. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2006 г.]

mina	en	navedi=Ø	konz	minu=n=päi	nagre=tas
я	не/1Sg	любить=Pr/Sg	когда	я=GEN=над	смеяться=Pr/3Pl

‘Я не люблю, когда надо мной смеются.’

В ЗПЕ используются также вопросительные частицы: *-k / -ik* ‘ли’, *li* ‘ли’, которые присоединяются к форме глагола, оканчивающейся на гласную и согласную соответственно:

(482) ср.-вепсск. пондал.

En teda, omik uks avoin. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

en	teda=Ø	om= ik	uks=Ø	avoin
не/1Sg	знать=Pr/Sg	есть/3Sg= ли	дверь=NOM/Sg	открытый

‘Не знаю, открыта ли дверь.’

(483) ср.-вепсск. сибирск.

Em boi muštta, näge-li händ kondi. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

em	boi	mušt=ta	näge=Ø- li	hän=d	kondi
не/1	мочь=Pr/Sg	вспомнить=INF ₁	видеть=IMPF/3Sg= ли	он=PART	медведь

‘Не могу вспомнить, видел ли его медведь’.

(484) ср.-вепсск. пондал.

Mindain küzutihe, lähtenik mecha. [Смирнова Т. И. д. Аксёново, 2012 г.]

min=dain	küzu=tihe	lähte=n= ik	mec=ha
я=PART	спросить=IMPF=3Pl	пойти=Pr/1Sg= ли	лес=ILLAT

‘Меня спросили, пойду ли я в лес’.

Бифинитные ППК с бессоюзной связью. В бифинитных модус-диктумных ППК показатели отношения (союзы или союзные слова) могут отсутствовать. Значение предложения определяется модусным компонентом главной части, порядком следования частей (дополнение следует за предикатом).

(485) ср.-вепсск. пондал.

Varaidan, hän mindain manitab. [Морозова М. П. Пондала, 2012 г.]

varaida =n	hän	min=dain	manita=b
бояться =Pr/1Sg	он	я=PART/Sg	обманывать=Pr/3Sg

‘Боюсь, он меня обманет.’

(486) ср.-вепсск. сибирск.

Nägub, hän hüivä raddab. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2007 г.]

nägu=b hän hüvä radda=b
 видеть=Pr/3Sg он хорошо работать=Pr/3Sg
 ‘Видно, он хорошо работает.’

(487) ср.-вепсск. сибирск.

Mina pidin meles, hän hüvä ristit. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

mina pid=i=n mele=s hän hüvä
 я держать=IMPF=3Sg ум=INESS/Sg он хороший
 ristit=Ø
 человек=NOM/Sg

Букв.: Я держала в уме: он хороший человек.

‘Я думала, он хороший человек.’

Инессивная форма III-го инфинитива *Tv=ma/mä=s*. Эта форма является полифункциональной: если в ГПЕ употреблён модусный глагол, то она может передавать изъяснительное значение:

(488) ср.-вепсск. сибирск.

Hän nägišt sindaiž kargaidamas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

hän nägišt=Ø sin=da=iž kargaida=**ma=s**
 он видеть=IMPF/3Sg ты=PART=2Sg плясать=**INF₃=INESS**

Букв.: Он видел тебя в пляске.

‘Он видел, как ты плясала.’

Эта инфинитная форма может передавать также временные отношения (ограниченные конкретным временем):

(489) ср.-вепсск. сибирск.

Hän pagižliu humautas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

hän pagižliu humau=**ma=s**
 он разговорчивый захмелеть=**INF₃=INESS**

‘Он разговорчивый, когда захмелеет.’

Также используются **лексические средства**, например, вводно-модальные слова *tedan* ‘вероятно, знать’ (1-е л. ед. ч. от глагола *teda* ‘знать’), *nägub* ‘видно’ (3-е л. ед. ч. от глагола *näguda* ‘виднеться, быть видимым’), специализирующиеся на выражении предположительности или указания на знание, полученное косвенным путём:

(490) ср.-вепсск. пондал.

Nägub, sina ed mahta nečida tehta. [Зайцева, Муллонен 1972: 371]

nägu=b sina ed mah=ta neči=da teh=ta
 виднеться=Pr/3Sg ты не/2Sg уметь=INF₁ этот=PART делать=INF₁

‘Видно, не сумеешь этого сделать.’

(491) ср.-вепсск. сибирск.

Pän kibištāb, tedan mindai haittas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

pā=n	kibišta=b	teda=n	min=dai	hait=tas
голова=ACC	болеть=Pr/3Sg	знать=Pr/1Sg	я=PART	хаять=Pr/3Pl

‘Голова болит, знаю меня судят.’

(492) ср.-вепсск. пондал.

Mužik dumaib: tedan gö saudatašt iilä hengiš. [Зайцева, Муллонен 1972: 564]

mužik	dumai=b	teda=n	gö	saudatašt=t	iilä
мужик	думать=Pr/3Sg	знать=Pr/1Sg	уже	солдатик=PART	нет

hengiš
в живых

‘Мужик думает: знать, солдاتي́ка нет уже в живых.’

1.2. Семантические типы изъяснительных ППК в вепсском языке

В вепсском языке выделяются две разновидности изъяснительных ППК: собственно-изъяснительные и косвенно-вопросительные.

1. Собственно-изъяснительные конструкции. К собственно-изъяснительным относятся предложения общеинформативного типа. Данная разновидность представлена бифинитными и монофинитными конструкциями.

Наиболее типичной формой для выражения собственно-изъяснительной семантики является бифинитная ППК, в которой средством связи частей служат союзы *miše* ‘что; чтобы’, *mi* ‘что; чем’, *kut* ‘как’, *što* ‘что’:

(493) ср.-вепсск. сибирск.

Mina tedan, miše sina mindai navedid. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2007 г.]

mina	teda=n	miše	sina	min=dain	navedi=d
я	знать=Pr/1Sg	что	ты	я=PART/Sg	любить=Pr/2Sg

‘Я знаю, что ты меня любишь.’

(494) ср.-вепсск. сибирск.

Ak nadiihez, miše linneb läm. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2007 г.]

ak=Ø	nadi=i=hez	miše	linne=b	läm.
жена=NOM/Sg	надеяться=IMPF=REFL/3Sg	что	быть=Pr/3Sg	тепло

‘Жена надеялась, что будет тепло.’

(495) ср.-вепсск. сибирск.

En teda, kut lapsid kazvatada. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2014 г.]

en	teda=Ø,	kut	laps=i=d	kazvata=da
не/1Sg	знать=Pr/Sg	как	ребёнок=Pl=PART	вырастить=INF ₁

‘Не знаю, как детей вырастить.’

Бифинитные бессоюзные собственно-изъяснительные конструкции более характерны для языка пондальских вепсов:

(496) ср.-вепсск. сибирск.

Hänolo ozutihez, tuli vell. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2007 г.]

hänolo=lo ozut=i=hez tul=i=Ø vell
он=ALLAT показаться=IMPF=3Sg/REFL прийти=MPF=3Sg брат

‘Ему показалось, [что] пришёл брат.’

(497) ср.-вепсск. пондал.

Hüvä om, hän nai. [Яшев В. К., Пондала, 2012 г.]

hüvä om=Ø hän nai=Ø
хорошо есть=Pr/3Sg он жениться=IMPF/3Sg

‘Хорошо, [что] он женился’.

В языке сибирских вепсов в собственно-изъяснительных предложениях всегда используется скрепа, причём не заимствованная, а собственная.

В исследуемых говорах отмечены единичные случаи, когда инессивная форма III-го инфинитива, типичной функцией которой является выражение временных отношений, используется в ППК собственно-изъяснительной семантики. Для этого необходимо наличие в ГПЕ модусных предикатов типа *nähta* ‘видеть’, *homeita* ‘заметить’, *kulda* ‘слышать’:

(498) ср.-вепсск.

Nägin' händast kezerdamas. [Зайцева М. И. 1981: 271]

näg=i=n' hän=da=s=t kezerdama=ma=s
видеть=IMPF=1Sg она=PART=3=Sg прясть=INF₃=INESS

Букв.: Я видел её в прядении.

‘Я видел, как она пряла.’

Косвенно-вопросительные конструкции. Косвенно-вопросительные изъяснительные предложения содержат в ЗПЕ косвенный вопрос. Они возникают на основе предложений с прямой речью, в которых ЗПЕ представляет собой вопрос, например: *Kus elad* ‘Где живёшь?’, *Kuna läks?* ‘Куда пошёл?’, *Mida teged?* ‘Что делаешь?’.

По структуре это бифинитные предложения с аналитическими показателями – вопросительными местоимениями: *kus* ‘где’, *kuspäi* ‘откуда’, *konz* ‘когда’, *kuna* ‘куда’, *mida* ‘что’.

(499) ср.-вепсск. сибирск.

Iče hān ii mušta mida tegi eglai ehtkoizüu. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

iče	hān	ii	muš=ta	mi=da	eglai	ehtkoizüu
сам	он	не/3Sg	помнить=Pr/Sg	что=PART	вчера	вечером

‘Он сам не помнит, что делал вчера вечером.’

В вепсском языке дополнение всегда следует за предикатом, поэтому в большинстве случаев зависимое предложение располагается после главного. Но встречаются случаи, когда ЗПЕ оказывается перед ГПЕ, особенно при необходимости эмфатического выделения:

(500) ср.-вепсск. сибирск.

Mida sina sigau nägištad, mina tedan. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

mi=da	sina	sigau	nägišta=d	mina	teda=n
что=PART	ты	там	увидеть=Pr/2Sg	я	знать=Pr/1Sg

‘Что ты там увидишь, я знаю.’

Структурные схемы модус-диктумных конструкций имеют вид:

$$\begin{array}{c} [\text{LEX}^{\text{MOD}}] [(\text{CONJ}) \text{ЗПЕ}] \\ [\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{Tv}=\text{INF}_3=\text{INESS}] \end{array}$$

Модели конструкций, в которых реализуются модус-диктумные отношения:

а) собственно-изъяснительные:

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{miše} / \text{mi} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{miše} / \text{kut} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{miše} / \text{mi} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{miše} / \text{mi} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{ku}_{\text{недоверность}} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{Tv}=\text{INF}_3=\text{INESS}]$

б) косвенно-вопросительные:

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{kus} / \text{kuspäi} / \text{konz} \text{ЗПЕ}]$

$[\text{LEX}^{\text{MOD}}] [\text{N}_{\text{Nom}} \text{Tv}=\text{PERS}=\text{Q}]$

Таким образом, в вепсском языке основным способом выражения модус-диктумных отношений является синтаксический способ: используются бифинитные конструкции с союзами недифференцированной семантики, бессоюзные сложные предложения и монофинитные ППК со сказуемым ЗПЕ – иллативной формой III-го инфинитива. Синтаксические средства маркируют вербальный, чувственный и когнитивный источники информации, представляют факт как достоверный; лексические средства обозначают источник информации, в достоверности которого говорящий не уверен.

2. Модус-диктумные ППК в прибалтийско-финских языках

Для выражения модус-диктумных отношений в других языках прибалтийско-финской группы, кроме синтаксических и лексических средств, используются также и морфологические средства.

Специальные морфологические показатели эвиденциальности есть в эстонском и ливском языках. Здесь имеется так называемое косвенное наклонение, выражающееся с помощью показателей глагольных форм для обозначения «неочевидного» действия, в реальности которого говорящий не уверен, потому что знает о нём только со слов какого-либо другого лица [Пялль и др. 1962: 172]:

(501) эстонск.

Ta rääkis et Jaan sõitvat meilt ära. [Пялль Э. и др. 1962: 172]

ta	rääk=is	et	Jaan	sõit=vat	mei=lt	ära
он	сказать=IMPF=3Sg	что	Яан	ездить=EVID/Pr	мы=ABLAT	у

‘Он сказал, будто Яан уезжает от нас.’

Возможностное наклонение – потенциалис, которое употребляется для указания на возможность, допустимость, предположительность или сомнительность действия (общий морфологический показатель *-ne*), сохранилось из прибалтийско-финских языков, главным образом, только в финском и карельском языках [Зайков 2000: 246].

В вепсском и водском языках отмечены одиночные формы потенциалиса в фольклорных текстах.

Для всех прибалтийско-финских языков характерны синтаксические способы выражения модус-диктумных отношений: бифинитные (союзные и бессоюзные) конструкции, также обнаружены и монофинитные, активнее

всего употребляющиеся в финском языке, в котором возможны три типа конструкций с инфинитивными предикатами ЗПЕ:

а) модальные конструкции с долгой формой I-го инфинитива:

(502) финск.

Hän on meidän ymmärtääksemme jo kärsinyt tappion. [Братчикова 2010: 71]

<i>hän</i>	<i>on</i> =Ø	<i>mei</i> = dän	<i>ymmär</i> = tää=kse=mme	<i>jo</i>
он	быть=Pr3Sg	мы= GEN/PI	понимать= INF₁=TRANS=1PI	уже
<i>kärsi</i> =nyt	<i>tappio</i> =n			
потерпеть=PP	поражение=ACC			

‘Насколько мы понимаем, он потерпел поражение.’

б) с инессивной формой III-го инфинитива при глаголах: *nähdä* ‘видеть’, *huomata* ‘замечать’, *tavata* ‘встречать’ и т. п.:

(503) финск.

Näin hänet lähestymässä taloa. [Братчикова 2010: 85]

<i>nä</i> =i=n	<i>häne</i> =t	<i>lähesty</i> = mä=ssä	<i>talo</i> =a
видеть=IMPF=1Sg	он=ACC	приближаться= INF₃=INESS	дом=PART

‘Я видел, как он приближался к дому.’

в) с причастиями при модусных глаголах: *nähdä* ‘видеть’, *sanoa* ‘сказать’, *näkyä* ‘виднеться’, *kuulua* ‘слышаться’ и др. в значении ‘казаться’:

(504) финск.

Tilanne tuntuu parantuvan. [Братчикова 2010: 106]

<i>tilanne</i>	<i>tuntuu</i> =Ø	<i>parantu</i> = va =n
ситуация	казаться=Pr3Sg	улучшаться= PrP=GEN

‘Кажется, ситуация улучшается.’

Во время проведения полевых исследований водского языка Т. Б. Агранат зафиксировала исчезающий тип ППК с эвиденциальной семантикой:

(505) водск.

Miä kulin tämä лаули. [Агранат 2009: 38]

<i>miä</i>	<i>kul</i> =i=n	<i>tämä</i>	лаул=u
я	слышать=IMPF=1Sg	он	песня=GEN

‘Я слышал, что он (вообще) поёт = Я слышал (от кого-то), что он поёт.’

(506) водск.

Miä kuulin tätä лаулимaz. [Агранат 2009: 38]

<i>miä</i>	<i>kuul</i> =i=n	<i>tä</i> =tä	лаули= ma=z
------------	------------------	---------------	--------------------

я слышать=IMPF=1Sg он=PART петь=INF₃=INESS
 ‘Я слышал (своими ушами), как он поёт (=его пение).’

Только при ситуации, которая лично засвидетельствована говорящим, употребляются монофинитные конструкции с инфинитным предикатом в ЗПЕ.

Синтаксический способ выражения эвиденциальности был характерен для прибалтийско-финских языков, но стал утрачиваться под влиянием контактов [Агранат 2009: 49].

В общих чертах система модус-диктумных отношений в прибалтийско-финских языках выстраивается следующим образом: информация, достоверность которой сомнительна или получена с чужих слов, передаётся морфологическими средствами – специальными наклонениями, а также лексически. Достоверная информация передаётся синтаксически. Но в каждом языке способы выражения модус-диктумных отношений могут иметь свою специфику.

§3. Релятивные ППК

Релятивными (определительными, атрибутивными) называются такие ППК, в которых ЗПЕ называет признак субстантива – опорного имени в составе ГПЕ, приписываемый ему в соответствии с постоянно присущими качествами или же по свойствам, выделяющим данный предмет в конкретной ситуации. Термин *релятивная конструкция* акцентирует внимание на типе отношений между пропозициями [Кошкарёва 2004: 123]. Термин *определительная конструкция* (ОК) подчёркивает её структурную специфику. В основе *полипредикативной определительной конструкции* лежит «связь двух ситуаций, основанная на референциальном тождестве двух имён, подразумевающих одного и того же участника двух ситуаций» [Черемисина 2001: 14]. В результате действия синтаксического механизма компрессии два предложения преобразуются в одно полипредикативное и полипропозитивное предложение, из структуры которого устраняется вторичное наименование общего компонента двух ситуаций.

Основу ОК в разных языках составляет сочетание определяемого имени (ОИ) с определяющим его компонентом. В общем виде модель ОК имеет вид:

Схема 4

$$\begin{array}{c} \text{Модель ОК} \\ [\alpha^{N2} \dots]^{ЗПЕ} [N_i \dots]^{ГПЕ} \\ \text{-----} \end{array}$$

Например, ОК *Книгу, которую ты мне вчера принёс, я уже прочитал* состоит из двух ПЕ: ГПЕ [*книгу я уже прочитал*] и ЗПЕ [*вчера ты принёс мне книгу*]. В качестве ОИ (на схеме – N_i) выступает слово *книга*, кореферентное ему имя в ЗПЕ выражается посредством относительного местоимения (α^{N2}).

Отечественными и зарубежными исследователями ОК разработаны следующие классификационные параметры для описания структуры и семантики ОК:

1. **Структурная** классификация учитывает:

1) тип сказуемого ЗПЕ (*финитный / инфинитный*);

2) положение определительной ЗПЕ по отношению к ОИ. Определительная ЗПЕ может располагаться в *пре-* и *постпозиции* относительно ОИ (в некоторых языках мира возможна также *интерпозиция* ОИ в определительной ЗПЕ [Keenan 1985: 161; Malchukov 1996: 358]);

3) способ выражения в ЗПЕ роли имени, кореферентного ОИ. Релятивизируемая позиция может маркироваться посредством:

а) личного местоимения: *[*Книгу, {её ты мне вчера принёс}, я уже прочитал*];

б) относительного местоимения: [*Книгу, {которую ты мне вчера принёс}, я уже прочитал*];

в) дублирования ОИ: *[*Книгу, {книгу ты мне вчера принёс}, я уже прочитал*];

г) отсутствия выражения ОИ в ЗПЕ (ноль: ?[*Книгу, {Ø ты мне вчера принёс}, я уже прочитал*] [Keenan 1985: 149–155] или *лакуна* [Структурные типы... 1986: 204]).

4) иерархию доступности именных групп – это типологическая универсалия, разработанная для описания процессов образования ОК [Keenan, Comrie 1977: 63]. В ней учитывается стратегия релятивизации (финитная, причастная и т. д.), а релятивизируемые позиции располагаются в определённой последовательности (см. Схему 5):

Схема 5

Иерархия доступности релятивизации именных групп

SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP

субъект > прямой объект > косвенный объект > косвенный объект > посессор > объект сравнения

Понятие *косвенный объект* используется по отношению к таким именным группам, которые выражают аргументы главного предиката, а не обстоятельства. Действие иерархии сводится к следующим правилам:

- а) в каждом языке возможна релятивизация субъекта;
- б) каждая стратегия релятивизации действует на непрерывном отрезке иерархии;
- в) если некоторая стратегия позволяет релятивизацию более низкой позиции иерархии, значит, релятивизация более высокой позиции также возможна.

5) Тип связи компонентов ОК: примыкание, причастный изафет [Убрятова 1976: 234 и след.], а также согласование (в эвенкийском и самодийских языках). В некоторых тюркских языках, например в шорском, выделяются также скрепы как средство связи в ОК [Есипова 1993: 78].

В исследованиях представителей новосибирской синтаксической школы принято разграничение предложений с определительными оборотами и определительными ЗПЕ. М. И. Черемисина выделяет:

- а) *причастный определительный оборот*, в котором определяемое представляет подлежащее глагола-причастия [Черемисина 2001: 7–8];
- б) *причастный квазиоборот*, в котором субъект в ЗПЕ оказывается элиминированным, но причастие называет активное действие, субъект которого по тем или иным причинам остаётся неназванным [Там же: 8–13].

Определительной ЗПЕ признается единица с выраженными компонентами зависимого предикативного узла [Есипова 1993; Черемисина 2001].

В нашем исследовании мы рассматриваем все описанные случаи как реализацию ОК, независимо от наличия / отсутствия субъекта ЗПЕ в модели ОК.

2. **Семантическая** классификация ОК строится на параметрах:

- 1) семантика ОИ,
- 2) семантика ОК.

В отечественных исследованиях семантическая классификация основывается на:

- а) характере ОИ (синсемантическое / автосемантическое);
- б) типе антецедента (служебное слово в главной части, указывающее на необходимость придаточной части) [Грамматика... 1970: 696-697].

В соответствии с этим выделяются *определительные* (качественно-определительные и выделительно-определительные) и *повествовательно-распространи-тельные* СПП [Грамматика... 1970: 697–700]. В качестве ОИ в определительной СПП могут выступать как синсемантические, так и автосемантические слова, обозначающие некоторый референт из класса, который при помощи ЗПЕ характеризуется или выделяется из ряда подобных. Значение определительного СПП может быть осложнено также выражением отождествления. Повествовательно-распространительные СПП возможны в том случае, если ОИ является автосемантическим именем или обозначает един-

ственный в своем роде референт. ЗПЕ в таком случае содержит дополнительную информацию и может быть связана обстоятельственными отношениями с ГПЕ.

1. Релятивные ППК в вепсском языке

1.1. Средства выражения релятивных отношений в вепсском языке

Релятивные отношения в вепсском языке выражаются монофинитными и бифинитными конструкциями, т. е. реализуются две стратегии образования ОК: инфинитная (причастная) и финитная.

1. **Монофинитные** конструкции являются прототипическим средством выражения определительных отношений. Сказуемое ЗПЕ выражается причастием, которое относится к субстантиву в составе ГПЕ.

Структурная схема имеет вид:

[Tv=PART] [SUBST...],

где PART – показатель причастия настоящего или прошедшего времени, SUBST – позиция определяемого имени в составе ГПЕ.

Активные причастия принимают показатели падежа и числа существительного, к которому относятся.

[Tv=PART=CASE=NUM] [SUBST...].

(507) ср.-вепсск. сибирск.

Ajanudod lapsod gättihe äjan sobid. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

aja= nudo =d	lapso=d	gät=tihe	äjan
уехать= PP = NOM/PI	ребёнок= NOM/PI	оставить= IMPF/3PI	много
sob=i=d			
одежда= PI = PART			

‘Уехавшие дети забыли много вещей.’

Сказуемым ЗПЕ могут быть активные причастия настоящего и прошедшего времени и пассивное причастие. В вепсских ОК с зависимым причастием на месте релятивизируемой позиции используется лакуна. Лакунарная стратегия отмечена только в ОК с причастиями с релятивизацией субъекта и объекта. При релятивизации субъекта его позиция специально не выражается. В конструкциях с релятивизацией объекта субъект выражается именем в адессиве.

(508) ср.-вепсск. пондал.

Piteriš elai tütär paksus ajeloso mamha. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

Piteri=š	el= ai	tütär=Ø	paksus
Питер=INESS	жить= PrP /Sg	дочь=NOM/Sg	часто
ajelo=so	mam=ha		
ездить=REFL/Pr/3Sg	мать=ILLAT		

‘В Питере живущая дочь часто ездит к матери.’

(509) ср.-вепсск. сибирск.

Lehman lüpsnu sizar toi maidod. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

lehma=n	lüps= nu	sizar=Ø	to=i
корова=GEN/Sg	подоить= PP /Sg	сестра=NOM/Sg	принести=IMPF/Sg
maidod			
молоко=PART			

‘Сестра, подоившая корову, принесла молока.’

(510) ср.-вепсск. сибирск.

Omböudud tatau sapkad pidi kaik döröun. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

omböu= dud	tata= u	sapka=d	pid=i	kaik
шить= PP_{pass}	отец= ADESS	сапог=NOM/Pl	носить=IMPF/Sg	весь
döröun=Ø				
деревня=NOM/Sg				

‘Шитые отцом сапоги носила вся деревня.’

В примере (511) компонент *хозяина* – это несогласованное определение. Определительную причастную конструкцию нельзя построить к косвенному дополнению, а к несогласованному определению можно, поэтому иерархия доступности Кинэна-Комри, согласно которой релятивизация более низкой ступени иерархии означает, что более высокая ступень тоже возможна, нарушается:

(511) ср.-вепсск. пондал.

Koir ajänudon ižandan elab mecas. [Медникова В. М., д. Пондала, 2012 г.]

koir=Ø	ajä= nudo=n	ižanda= n	ela=b	meca=s
собака=NOM/Sg	уехать= PP=GEN	хозяин=GEN	жить=Pr3Sg	лес=INESS

‘Собака уехавшего хозяина в лесу живёт.’

2. **Бифинитные** ППК являются наиболее частотным средством выражения релятивных отношений в вепсском языке.

В ЗПЕ роль имени, кореферентного определяемому имени в ГПЕ, выполняет относительное местоимение *kudamb* ‘который’. Падеж и число релятивного местоимения определяются его синтаксической позицией в ЗПЕ:

субъекта – номинатив, объекта – аккумулятив, сирконстанта и посессора – гени-
тив.

В ОК с финитным предикатом ЗПЕ релятивизируются позиции
субъекта, объекта, сирконстанта, посессора:

1. Субъекта:

(512) ср.-вепсск. пондал.

Nägin venehen, kudamb ujui gögeme. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

näg=i=n	venehe=n	kudamb	uju=i=Ø	göge=me
видеть=IMPF=1Sg	лодка=ACC/Sg	который	плыть=IMPF=3Sg	река=PROLAT

‘Видела лодку, которая плыла по реке.’

2. Объекта:

(513) ср.-вепсск. сибирск.

Tat elab pertiš, kudambun pani iče hān. [Ульянов С. А., д. Мардай, 2006 г.]

tat	ela=b	pertiš	kudambu=n	pan=i=Ø	iče	hān
отец	жить=Pr3Sg	дом=INESS	который=ACC/Sg	поставить=IMPF=3Sg	сам	он

‘Отец живёт в доме, который построил сам.’

(514) ср.-вепсск. пондал.

Ve sōm koiralo, kudambon tatkoī eglai sidoi. [Прохорова Г. П., Пондала, 2012 г.]

ve=Ø	sōm=Ø	koira=lo	kudambo=n	tatkoī
отнести=IMPER/2Sg	еда=NOM	собака=ADESS	который=ACC/Sg	отец

eglai sidoi=i=Ø
вчера привязать=IMPF=3Sg

‘Отнеси еду собаке, которую отец вчера привязал.’

При релятивизации имени с предлогом предлог переходит в постпози-
цию к релятивному слову:

(515) ср.-вепсск. сибирск.

Anda dengäd sille ristitulo, kudambuu mina ostin' pōun. [Ульянова М. С.,
г. Ангарск, 2013 г.]

anda=Ø	dengä=d	si=lle	ristitu=lo
отдать=IMPER/2Sg	деньги=NOM/Pl	тот=ALLAT	человек=ALLAT

kudamb= u=u	mina ost=i=n'	pōu=n
который=ADESS=y	я	купить=IMPF=1Sg
		шуба=ACC/Sg

‘Отдай деньги тому человеку, у которого я купил шубу.’

3. Сирконстанта:

(516) ср.-вепсск. пондал.

Pert kudambonnu siižub hebo mösob. [Прохорова Г. П., Пондала, 2012 г.]

pert=Ø **kudambo=n=nu** siižu=b hebo=Ø
 дом=NOM **который=GEN=возле** стоять=Pr3Sg лошадь=NOM
 möso=b
 продавать=Pr3Sg
 ‘Дом, возле которого стоит лошадь, продаётся.’

4. Посессора:

(517) ср.-вепсск. сибирск.

Rahvaz, kudambuiden veneh kukerzihe, zaottihe kuivata sobad. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2006 г.]

rahvaz=Ø **kudambu=i=den** veneh=Ø
 люди=NOM/Pl **который=Pl=GEN** лодка=NOM/Sg
 kuker=zi=he zaot=tihe kuiva=ta soba=d
 перевернуться=REFL=IMPF3Sg начать=IMPF/3Pl сушить=INF₁ одежда=PART
 ‘Люди, чья лодка перевернулась, стали сушить одежду.’

Функция посессора отмечена генитивным оформлением релятивного слова.

Возможность употребления в релятивных предложениях местоимений-наречий ограничена лексическим значением существительного и позицией в ЗПЕ. Например, местоименные наречия *kuna* ‘куда’, *kuspäi* ‘откуда’ возможны при опорных существительных – названиях конкретных предметов, которые могут быть исходной или конечной точкой движения:

(518) ср.-вепсск. сибирск.

Neco om dörüun, kuspäi om ottud minun ak. [Ульянов С. А., д. Мардай, 2008 г.]

neco om dörüun=Ø kuspäi om ot=tud
 это быть=Pr3Sg деревня=NOM откуда быть=Pr3Sg взять=PP_{pass}
 minu=n ak
 мой=GEN жена
 ‘Это деревня, откуда взята моя жена.’

Релятивные отношения передаются также двухместными скрепами: *mi ... se* ‘что ... то’, *se ... ken* ‘тот ... кто’; *ken ... se* ‘кто ... тот’; *ked ... ned* ‘кто...те’; *kaik ... ken* ‘все ... кто’; *kelle ... sille* ‘кому ... тому’ и т. д.

(519) ср.-вепсск.

Se om ezinik ken čomas radab. [Zaitseva M. 2001: 127]

se om ezinik=Ø **ken** čomas rada=b
 тот быть=Pr3Sg передовик=NOM кто хорошо работать=Pr3Sg
 ‘Тот передовик, кто хорошо работает.’

1.2. Семантические типы релятивных ППК в вепсском языке

В вепсском языке могут выражаться несколько типов релятивных отношений. В зависимости от характера информации об ОИ различаются: *качественно-определительные*, *выделительно-определительные* и *отождествительные*.

В вепсском языке два основных союза определительной семантики: *mitte* ‘какой’ и *kudamb* ‘который’. Первый союз имеет качественно-определительное значение, второй – выделительно-определительное.

Качественно-определительные конструкции передают качественно-типизирующее значение и служат идентификации референта с точки зрения наличия у него некоторых свойств:

(520) ср.-вепсск. сибирск.

Hän omblob sobad, miččid ii mahtta nimitte ak. [Ульянов С. А., д. Мардай, 2007 г.]

hän	omblo=b	soba=d	mičč=i=d	ii	maht=ta
он	шить=Pr/3Sg	одежда=PART	какой=PI=PART	не3Sg	уметь=INF ₁
nimitte	ak=Ø				
никакая	женщина=NOM/Sg				

‘Он шьёт одежду, какую ни одна женщина не умеет.’

(521) ср.-вепсск. сибирск.

Osta mini lidnas paik, miččen Katälo toi hänon poig. [Ульянов С. А., д. Мардай, 2007 г.]

osta=Ø	mini=Ø	lidna=s	paik=Ø	mičče=n
купить=IMPER/2Sg	я=ALLAT	город=INESS	платок=ACC/Sg	какой=GEN/Sg
Katä=lo	to=i=Ø	hänö=n	poig=Ø	
Катя=ALLAT	привезти=IMPF=3Sg	она=GEN/Sg	сын=NOM/Sg	

‘Купи мне в городе платок, какой Кате привёз её сын.’

(522) ср.-вепсск. сибирск.

Hän eli pertiš stroitud tatau. [Сердцова А. С., Иваничск, 2008 г.]

hän	el=i	perti=š	stroi= tud	tata=u
он	жить=IMPF/3Sg	дом=INESS	строить= PP_{pass}	отец=ADESS

‘Он жил в доме, построенном отцом.’

Выделительные ОК используются для индивидуализации референта как представителя некоторой группы. Связывая данный референт с уникальным свойством, выделительная ОК конкретизирует ОИ в такой мере, что он соотносится с уникальным референтом:

(523) ср.-вепсск. сибирск.

Sebranik, kudambun mina luginkolliäks, ozutihe elab. [Ульянов С. А., д. Мардай, 2008 г.]

sebranik=Ø	kudambu=n	mina	lug=i=n
друг=NOM/Sg	который=Gen/Sg	я	считать=IMPER=1Sg
kolliä=ks	ozu=tihe		ela=b
мёртвый=TRANSL	оказаться=IMPER /3Pl		жить=Pr/3Sg

‘Друг, которого я считал погибшим, оказался живым’

Семантическое различие между местоимениями *kudamb* и *mitte* более последовательно проводится в европейском говоре (80% информантов использовали данные местоимения в соответствии с их значениями; 20% не различали).

(524) ср.-вепсск.

Anda miniin kaurig, kudamb om suremb. [Zaitseva M. 2001: 129]

anda=Ø	mini=Ø=in	kaurig=Ø	kudamb
дать=IMPER2Sg	я=ALLAT=1Sg	буханка=NOM/Sg	который
om=Ø	sure=mb		
быть=Pr/3Sg	большой=COMP		

‘Дай мне буханку, которая побольше.’

(525) ср.-вепсск.

Poig toi griban, mittuš igas en olo nähnu. [Zaitseva M. 2001: 129]

poig=Ø	to=i=Ø	griba=n	mittuš=t
сын=NOM/Sg	принести=IMPF/3Sg	гриб=ACC	какой=PART
igas en olo=Ø	näh=nu		
век nelSg	быть=Pr/Sg	видеть=PP	

‘Сын принёс гриб, какого на веку не видела.’

В речи сибирских вепсов различие между *kudamb* и *mitte* почти стёрто: 80% информантов употребляли только одно из местоимений в обоих значениях.

Таким образом, в речи европейских вепсов качественно-определительные и выделительно-определительные отношения получают специализированные средства выражения, тогда как в речи сибирских вепсов это структурно-семантическое противопоставление последовательно не реализуется.

Отношения **тождества** устанавливаются между двумя признаками одного предмета. Два имени обозначают один и тот же предмет или понятие: и субъект, и предикат имеют одинаковую референцию. Говорящий отождествляет лицо или предмет, опираясь на свойства, признаки, факты, данные ему в непосредственном наблюдении, сопоставляя их со сведениями, имеющимися у него из прошлого опыта.

Данный тип отношений передается местоименно-соотносительными предложениями с двухместными скрепами и представлен двумя семантическими разновидностями:

1) конструкции с пространственной семантикой:

(526) ср.-вепсск. сибирск.

Ve sinna, kus otid. [Медникова Е., Ангарск, 2009 г.]

ve=Ø sinna kus ot=i=d

унести=IMPER/2Sg туда где взять=IMPF=2Sg

‘Унеси туда, где взял.’

2) конструкции предметного отождествления:

(527) ср.-вепсск. пондал.

Ked opendaso, ned i tedas enamban. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

ke=d openda=so ne=d i te=das enamban

кто=NOM/Pl учиться=Pr/3Pl/REFL тот=NOM/Pl и знать=Pr/3Pl больше

‘Кто учится, те и знают больше.’

* * *

Таким образом, в вепсском языке могут использоваться две стратегии образования определительных конструкций: инфинитная (причастная) и финитная. В ОК с причастиями на месте релятивизируемой позиции – лакуна.

Причастная стратегия возможна в моделях с релятивизацией субъекта и объекта. При релятивизации субъекта позиция субъекта не выражается, при релятивизации объекта субъект ЗПЕ обозначается именем в адессиве.

В ОК с финитным глаголом ЗПЕ релятивизируемая позиция занята относительным местоимением. Финитная стратегия действует в моделях с релятивизацией субъекта, объекта, сирконстанта и посессора. Для обозначения релятивизируемой позиции сирконстанта относительное местоимение маркируется послелогом.

Наиболее широко применяется финитная стратегия, посредством которой могут образовываться ОК с релятивизацией субъекта, объекта, сирконстанта. Наибольшее количество примеров с использованием финитной стратегии обнаруживает модель с релятивизацией субъекта и объекта, наименьшее – с релятивизацией сирконстанта и посессора.

Характерным типом связи в ОК является согласование и управление.

Модели релятивных ППК:

а) характеристики:

$[N_{\text{Nom}}^S \ V_f \ \text{SUBST}] [kudamb / mitte \ N_{\text{Nom}}^S \ V_f]$

б) пространственного отождествления:

$[N_{\text{Nom}}^S \ V_f \ (\text{pron}) \ \text{SUBST}] [kuna \ N_{\text{Nom}}^S \ V_f]$

$[N_{\text{Nom}}^S \ V_f \ sinna] [kus \ N_{\text{Nom}}^S \ V_f]$

в) предметного отождествления:

$[ked / ken / mi \ V_f]^{3\text{ПЕ}} [ned / se \ V_f]^{\text{ГПЕ}}$

$[se / kaik \ V_f]^{\text{ГПЕ}} [ken \ V_f]^{3\text{ПЕ}}$

Модели релятивных монофинитных конструкций:

$[N_{\text{Acc}}^{\text{Obj}} \ T_v = \text{PP} = \text{NUM} = \text{PERS} \ \text{SUBST}_{\text{Nom}}] [V_f \ N_{\text{Part}}^{\text{Obj}}]$

$[T_v = \text{PART} \ \text{SUBST}] [N_{\text{Nom}}^S \ V_f]$

2. Релятивные ППК в прибалтийско-финских языках

Релятивные отношения в других прибалтийско-финских языках также выражаются двумя типами конструкций: монофинитных с причастием в ЗПЕ и финитных с аналитической связью.

Во всех прибалтийско-финских языках в монофинитных конструкциях используется лакунарная стратегия релятивизации. В материалах, которыми мы располагаем, отмечены конструкции с релятивизацией субъекта и объекта.

В плане выражения субъекта ЗПЕ в монофинитных ОК в языках есть различия. Если субъект единый для ЗПЕ и ГПЕ, он во всех языках не имеет специального выражения в ЗПЕ:

(528) финск.

Syöneet miehet eivät olleet meidän ryhmästä. [Братчикова 2010: 103]

syö= neet	miehe= t	ei=vät	oll=eet
есть= PP/Pl	мужчина= NOM/Pl	не= 3Pl	быть= 3IMPF

meidä=n ryhmä=stä
 наш=GEN группа=ELAT

‘Мужчины, которые поели, были не из нашей группы.’

(529) финск.

Vuorelta avautuva maisema on todella kaunis. [Братчикова 2010: 103]

vuore=lt avautu=**va** maisema=Ø on
 гора=ABLAT открываться=**PrP**/Sg пейзаж=NOM/Sg быть=Pr3Sg
 todella kaunis
 действительно красивый

‘Вид, который открывается с горы, действительно красив.’

(530) карельск.

Tukkejä vetäjä heponi oli hiestyn. [Зайков 1999: 88]

tukke=jä vetä=**jä** heponi ol=i=Ø
 бревно=PART/Pl тянуть=**PrP**/Sg лошадь быть=IMPF=3Sg
 hies=ty=n
 вспотеть=PP_{pass}=3Sg

‘Лошадь, тянущая брёвна, взмокла.’

Если субъекты разные, в финском языке субъект ЗПЕ может выражаться именем или местоимением в генитиве и посессивным суффиксом на частици, в карельском языке – только именем или местоимением в генитиве:

(531) финск.

Hän asui Itkosen rakentamassa talossa. [Братчикова 2013: 109]

hän asu=i Itkose=**n** rakenta=**ma**=ssa talo=ssa
 он жить=IMPF/3Sg Итконен=GEN построить=**PP**_{agent}=INESS дом=INESS

‘Он жил в доме, построенном Итконеном.’

(532) финск.

Miltei kaikki hänen tuntemansa ihmiset olivat onnettomia. [Дубровина 1977: 45]

miltei kaikki häne=**n** tunte=**ma**=**nsa** ihmi=set ol=i=vat
 почти все он=GEN знать=**PP**_{agent}=POSS человек=Pl быть=IMPF=3Pl
 onnettom=i=a
 несчастливый=Pl=PART

‘Почти все люди, которых он знал, были несчастливы.’

(533) карельск.

Miun kačottavat lehmät annettih hyvin maituo. [Зайков 1999: 88]

miu=**n** kačotta=**va**=t lehmä=t anne=tti=h
 я=GEN смотрят=**PrP**=Pl корова=NOM/Pl давать=IMPF=3Pl
 hyvin maitu=o
 много молоко=PART

‘Коровы, за которых я несла ответственность, давали много молока.’

В ОК с финитным глаголом ЗПЕ релятивизируемая позиция занята относительным местоимением: финск. *joka*, *mikä* ‘который’, *jollainen* ‘какой’; карельск. *kumpani* ‘который’, *mimmoni* ‘какой’; водск. *kump* ‘который’, *milläjn~miltejn~millin* ‘какой’:

(534) финск.

Hän on mies jonka sanaan voi luottaa. [Вахрос 2007: 165]

<i>hän</i>	<i>on=Ø</i>	<i>mies</i>	<i>jo=n=ka</i>	<i>sanaa=n</i>
он	быть=Pr3Sg	человек	который=GEN	слово=GEN
<i>voi</i>	<i>luot=taa</i>			
можно	положиться=INF ₁			

‘Он человек, на которого можно положиться.’

(535) карельск.

Pirtti, kumpasessa ämmöni eläy on jo oikein vanha. [Зайков 1999: 99]

<i>pirtti=Ø</i>	<i>kumpase=ssa</i>	<i>ämmöni</i>	<i>elä=y</i>	<i>on</i>
изба=NOM/Sg	который=INESS	бабушка	жить=Pr3Sg	быть=Pr3Sg
<i>jo</i>	<i>oikein</i>	<i>vanha</i>		
уже	очень	старый		

‘Изба, в которой живёт бабушка, уже очень старая.’

(536) водск.

...ihan pen lahs kump vel eb tsäü škouluse. [Маркус, Рожанский 2011: 285]

<i>ihan</i>	<i>pen</i>	<i>lahs=Ø</i>	<i>kump=Ø</i>	<i>vel</i>	<i>eb</i>
совсем	маленький	ребёнок=NOM/Sg	который=NOM/Sg	ещё	не3Sg
<i>tsäü=Ø</i>		<i>škouluse</i>			
ходить=Pr3Sg		школа=ALLAT			

‘... совсем маленький ребёнок, который ещё в школу не ходит.’

Финитная стратегия действует в моделях с релятивизацией субъекта, объекта, сирконстанта.

В финском языке одинаково употребительны ОК с финитной и причастной стратегией релятивизации. В бесписьменных языках более употребительны ОК с финитным оформлением предиката ЗПЕ и релянтом – союзным словом.

Выводы

В вепсском языке выделяются три семантических типа ППК: диктум-диктумные, модус-диктумные и релятивные. Преобладающим структурным типом для их выражения служат аналитические конструкции с союзной и бессоюзной связью.

Союзного оформления требуют специализированные темпоральные отношения ограничительной одновременности, ограничительного и близкого следования, предшествования.

Неспециализированные значения общей временной соотнесенности и простой одновременности, а также значения общего следования могут передаваться соотношением видо-временных характеристик глаголов-сказуемых, порядком следования частей, контекстом.

В блоке обусловленности с помощью союзов чаще выражаются значения цели, уступки и условия. Союзов причинной семантики много, но в разговорной речи отношения причины чаще передаются бессоюзно.

В выражении модус-диктумных отношений используются бифинитные конструкции с союзами недифференцированной семантики и бессоюзные сложные предложения. Кроме того, для данного семантического типа характерны предложения с лексическими показателями связи.

Наиболее частотным средством выражения релятивных отношений в вепском языке являются также бифинитные ППК.

Основным отличием сибирского говора от материнского пондальского является то, что полипредикативный синтаксис сибирских вепсов последовательно союзный, тогда как в пондальском говоре наиболее частотны бессоюзные сложные предложения (или два соположенных простых).

Сфера использования синтетических конструкций с инфинитными предикатами ЗПЕ ограничивается в основном темпоральной семантикой, а также отношениями обусловленности (цели и редко – условия), кроме того, возможно выражение модус-диктумных отношений при наличии в ГПЕ модусных глаголов. Синтетические монофинитные конструкции одинаково мало употребительны в сибирском и пондальском говорах, хотя все информанты (сибиряки и пондальские вепсы) понимают и строят названные конструкции без затруднений.

Из всех языков прибалтийско-финской группы только финский язык располагает самым большим набором конструкций для всех типов семантических отношений. В финском языке наравне с бифинитными конструкциями активно используются монофинитные синтетические конструкции не только в письменной, но и в разговорной речи. Именно нефинитные формы глаголов в составе ППК являются ярким и мощным средством выражения темпоральных отношений и отношений обусловленности.

В самом неблагоприятном из всех языков прибалтийско-финской группы – водском – для выражения семантических типов ППК употребляются бифинитные союзные и бессоюзные предложения. Синтетические монофинитные конструкции сохранились только в сфере целевых отношений, используются в разговорной речи крайне редко.

Заключение

Мы рассмотрели полипредикативные конструкции в сибирском и пондальском (материнском) говорах средневепсского диалекта вепсского языка, сделали сопоставление данных конструкций с аналогичными в родственных языках: финском, эстонском, карельском, водском.

Сибирский говор мы считаем самостоятельным говором, входящим в восточную группу средневепсского диалекта вепсского языка. Источником формирования сибирского говора явились все восточновепские говоры, преимущественно куйско-пондальский. Главным основанием для выделения сибирского говора как самостоятельного служат различия на всех уровнях языка, выявленные при сопоставлении сибирского говора с куйско-пондальским, распространённым на исконной территории. Различия отмечаются в области фонетики, где они в большей мере связаны с индивидуальными особенностями произношения представителей обоих говоров. В области именного словоизменения различий практически не наблюдается. Можно констатировать, что именная система не подверглась изменениям. Значительные различия отмечены в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе. В системе глагольного словоизменения они касаются лично-числовых окончаний в презенсе и имперфекте, употребления активных и пассивных форм, образования отрицательных форм глагола.

Синтаксис пондальского говора бифинитный бессоюзный (обязательного союзного оформления требуют определительные и временные конструкции). Синтаксис сибирского говора – бифинитный союзный с преобладанием собственных средств связи. Синтетические полипредикативные конструкции редко употребляются в речи вепсов Пондалы и Сибири, но предикативное склонение является живым грамматическим механизмом в вепсском языке.

В настоящее время аналитические ППК в вепсском языке более употребительны, чем синтетические конструкции (2/3 всех анализируемых ППК). Вепсский язык располагает богатым арсеналом союзных средств для передачи всех типов смысловых отношений. Мы насчитываем более 50 аналитических скреп, в то время как синтетических средств всего несколько: три инфинитива и одно причастие, которые могут присоединять три основных падежа – инессив, иллатив и партитив.

Бифинитные ППК без союзного показателя связи составляют одну третью часть всех проанализированных бифинитных конструкций. Использование бессоюзной связи в основном ограничено причинной семантикой, реже бессоюзно оформляются условные и изъяснительные отношения.

В других прибалтийско-финских языках полипредикативные конструкции функционируют сходным образом с вепсскими. Основной состав инфинитных форм, падежей, способов оформления субъекта ЗПЕ в синтетических конструкциях один и тот же. Во всех прибалтийско-финских языках идёт процесс вытеснения исконных монофинитных синтетических конструкций бифинитными (союзными или бессоюзными), в бесписьменных языках он проходит активнее.

Синтетические ППК наиболее полно сохранились на сегодняшний день только в финском языке. Здесь они передают широкий спектр отношений между событиями ГПЕ и ЗПЕ: темпоральных (общей временной соотнесённости, одновременности, предшествования), обусловленности (причины, цели, условия, уступки), изъяснительных, образа действия. Наличие в финском языке значительно большего количества отглагольных имён, чем в прочих прибалтийско-финских языках, обусловлено жёсткой литературной нормой, социолингвистическим статусом языка.

Эстонский язык также сохраняет некоторые типы синтетических ППК для выражения отношений времени, обусловленности, способа действия и побочного действия. В эстонском и вепсском языках аналогичным образом функционируют ППК с пассивным причастием на *-tud / -dud* в ЗПЕ для выражения разновременности. В эстонском языке и в исследуемых говорах вепсского языка совпадает количество инфинитных форм, состав падежей и типы передаваемых ими отношений между событиями в ППК.

В карельском языке полипредикативные конструкции с нефинитными глаголами в ЗПЕ отмечены для передачи отношений времени, цели и образа действия. Насколько они частотны и общеупотребительны, в литературе сведений нет.

В водском языке исконные ППК сохраняются только для выражения целевых отношений, в современном водском языке имеется несколько конструкций с отглагольными именами для выражения семантических и функциональных оттенков значения цели.

Таким образом, использование исконных ППК в языках прибалтийско-финской группы напрямую зависит от социолингвистических факторов: численности говорящих, возрастных групп носителей, мест их проживания, передачи языка детям, государственной языковой политики, языковых контактов. Чем критичнее социолингвистическая ситуация в языке, тем меньше сохранилось в нём исконных средств выражения.

Большинство языков прибалтийско-финской группы находится в состоянии языкового сдвига – ситуации, когда исконные средства выражения тех или иных отношений заменяются заимствованными из языков типологически неродственных, таких как русский язык. Так, во всех языках прибал-

тийско-финской группы (за исключением финского) нарастает флективность, снижается агглютинативность, преобладает аналитический способ передачи сложной мысли, а исконный – синтетический способ соединения частей сложного предложения исчезает, но, к счастью, на сегодняшний день ни один из языков прибалтийско-финской группы его не утратил.

Список использованной литературы

- Абумова О. Д.* Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и её семантическая реализация в хакасском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Агранат Т. Б.* Инфинитивы и отглагольные имена в водском языке // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении. Тезисы международной конференции. М., 1997. С. 9–13.
- Агранат Т. Б.* О дистрибуции двух отглагольных форм в водском языке // Лингвистический беспредел. М., 2002. С. 56–63.
- Агранат Т. Б.* О двух типах пассивных конструкций в водском языке // Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Казань, 2008. С. 56–63.
- Агранат Т. Б.* Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
- Адлер Э.* Водский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 118–137.
- Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
- Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Бондарко А. В.* Введение. Основания функциональной грамматики: Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.
- Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб, 1999.
- Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М., 2002.
- Боргоякова Т. Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями в хакасском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1987.
- Братчикова Н. С.* Финский язык. Справочник по глаголам. М., 2010.
- Братчикова Н. С.* Финский язык. Справочник по грамматике. М., 2013.
- Бродская Л. М.* Сложноподчинённое предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988.
- Бродский И. В.* Названия растений в финно-угорских языках. На материале прибалтийско-финских и коми языков. СПб, 2007.
- Бродский И. В.* Самоучитель вепсского языка. СПб, 2008.

Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск, 2003.

Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2007.

Вийтсо Т.-Р. Описание плана выражения прионежского диалекта вепсского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1966.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX века). Петрозаводск, 1994.

Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М., 2010.

Дубровина З. М. Инфинитивы в финском языке. Л., 1972а.

Дубровина З. М. Синтаксические функции инфинитивов в современном финском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1972б.

Дубровина З. М. Закон соотнесённости и его значение для образования инфинитивных и причастных конструкций в финском языке // *Fenno-ugristica*. Учёные записки Тартуского государственного университета. Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. С. 90–102.

Дубровина З. М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении (К вопросу об эквивалентах предложения) // *Вопросы финно-угорской филологии*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 34–74.

Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. СПб., 1996. С. 138–174.

Елисеев Ю. С. Финский язык // *Основы финно-угорского языкознания*. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. С. 143–167.

Ерченко М. А. Полипредикативные определительные конструкции ненецкого языка (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999.

- Зайцева М. И.* Глагольное словообразование в вепсском языке. Л., 1978.
- Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка. Фонетика и морфология. Л., 1981.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы вепсской речи. Л., 1969.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Зайцева Н. Г.* Отражение взаимодействия разносистемных языков в структуре одного языка (на материале вепсского языка) // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 110–116.
- Зайцева Н. Г.* Именное словоизменение в вепсском языке. Петрозаводск, 1981.
- Зайцева Н. Г.* Вепсский язык // Языки народов Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. I. М., 1997. С. 260–267.
- Зайцева Н. Г.* Языки малочисленных народов в многокультурном мире // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской Академии наук. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1999. С. 135–136.
- Зайцева Н. Г.* Вепсская литература 1990 годов // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 420 – 432.
- Зайцева Н. Г.* Вепсский глагол. Петрозаводск, 2002.
- Зайцева Н. Г., Муллонен М. И.* Вепско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, 1995.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ильевская А. А., Калинина Е. Ю.* Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // Лингвистический беспредел. М., 2002. С. 241–261.
- Ильенко С. Г., Левина И. Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка. СПб, 2008.
- Ильенко С. Г.* Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
- Кару К., Кюльмоя И. П.* Уступительные конструкции в эстонском языке // Типология уступительных конструкций. СПб, Наука, 1998. С. 259–313.
- Карцевский С. О.* Сравнение // Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. М., 2000.
- Каск А. Х.* Эстонский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 35–60.
- Каузальность* и структуры рассуждений в русском языке. М., 1993.
- Керт Г. М.* Саамский язык. Л., 1971.
- Коваленко Н. Н.* Инфинитивные глагольные формы в системе зависимой предикации: (На материале нганасанского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Ковган Е. В. Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.

Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.

Кошкарёва Н. Б. Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.

Кошкарёва Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материалах хантыйского и ненецкого языков) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2004. Т. 3, вып. 1. С. 49–63.

Кошкарёва Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск, 2005.

Кошкарёва Н. Б. Пути формирования фонда аналитических скреп в полипредикативных конструкциях хантыйского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 50–67.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра наук; Филологические науки: 10.02.20 / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск, 2007. 46 с.

Кошкарёва Н. Б. Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сиб. филол. журн., 2007а. № 3. С. 158–173.

Кошкарёва Н. Б. Способы выражения сочинительных отношений в казымском диалекте хантыйского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Новосибирск, 2007б. С. 118–126.

Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

Куусинен М. Э., Оллыкайнен В. М., Сюръялайнен Ю. Э. Новый большой русско-финский словарь. М., 2009.

Кюльмоя И. П. Условные конструкции в финском языке Типология условных конструкций. СПб, Наука, 1998. С. 325–349.

Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепсском языке // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978. № 4. С. 267–275.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 214–382.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 61–80.

Мальцева А. А. Отрицательно-целевые конструкции в чукотско-корякских языках // Гуманитарные науки в Сибири. Филология. Новосибирск, 2006. № 4. С. 28–35.

Мальцева А. А. Элементы предикативного склонения в чукотско-корякских языках // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 156–158.

Мальцева А. А. Функции инфинитива в полипредикативных конструкциях алюторского языка // Гуманитарные науки в Сибири. Филология. Новосибирск, 2009. № 4. С. 81–87.

Мальцева А. А. Темпорально-каузальные полипредикативные конструкции в диалектах алюторского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. № 2. С. 72–80.

Мальцева А. А. Структурные типы целевых полипредикативных конструкций в чукотско-корякских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. № 2. С. 71–83.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. СПб, 2011.

Мартынова Е. И. Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1993.

Муллонен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105–109.

Мызников С. А. Взаимоотношения в области лексики между русским и вепским языками // Экология культуры и образование на Севере: Материалы Герценовских чтений. СПб., 1999. С. 173–176.

Мызников С. А. Вепский язык: настоящее и будущее // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 2007. Т. 24. С. 154–162.

Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари, 2001.

Озолия Л. В. Структурные типы атрибутивных конструкций в орокском языке (в сравнении с нанайским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.

Оркина Л. Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2000.

Пименов В. В. Вепсы. М.; Л., 1965.

Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 4–26.

Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Кн. 2. М., 2003. С. 97–113.

Поршеян Е. М. Сравнительные конструкции в их синтаксической соотнесённости // Единицы синтаксиса в функциональном аспекте. Ростов-на-Дону: Рост. гос. пед. ин-т, 1989.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984.

Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции): Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.

Пяль Э. Н. О двух основных формах инфинитива в эстонском языке. // Институт языкознания АН СССР. Доклады и сообщения, № 7. М., 1955. С. 32–54.

Пяль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллинн, 1962.

Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Скрибник Е. К. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении (на материале современного бурятского языка) // Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980. С. 44–58.

Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.

Скрибник Е. К. Инфинитивные конструкции в мансийском языке // Гуманит. науки в Сибири. Сер. филол. Новосибирск, 1995. № 4. С. 76–82.

Скрибник Е. К., Ковган Е. В. Система причастных определительных конструкций в обско-угорских языках // Языки народов Сибири: Граммат. исслед. Новосибирск, 1991. С. 84–108.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007.

Соболев А. Н. Нефинитные таксисные формы и конструкции балканских языков // Актуальные вопросы балканского языкознания. СПб, 2003. С. 11–26.

Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Народность вепсы и их язык. Петрозаводск, 1989. С. 27–42.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986.

Тажигаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка: (Сопоставительный аспект). Новосибирск, 2001.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб, 1996.

Типология условных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. 583 с.

Типология уступительных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 2004. 625 с.

Томмола Х. Условные конструкции в эстонском языке // Типология условных конструкций. СПб, Наука, 1998. С. 350–370.

Томмола Х. Уступительные конструкции в финском языке // Типология уступительных конструкций. СПб, Наука, 2004. С. 223–258.

Томмола Х. Таксис в финском языке // Типология таксисных конструкций. СПб, Наука, 2009. С. 515–566.

Трефилова Е. В. Полипредикативные конструкции в финском языке и их классификация // Лингвистический беспредел. М., 2002. С. 64–70.

Трофимова А. О. Послелогои удэгейского языка (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М., 1950.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Новосибирск: Наука, 1976.

Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985.

Ууспыльд Э. Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом – глагольной формой *-des*, *-mata*, *-nud* (~ *-nuna*), *-tud* (~ *-tuna*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1967.

Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.

Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке. М., 1996.

Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским). Новосибирск, 1991.

Храковский В. С. Условные конструкции (опыт исчисления) // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 175–213.

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М., 2009. С. 11–113.

Хямяляйнен М. М. Вепсский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 81–101.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1979.

Черемисина М. И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 3–36.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Системные отношения в сфере сложного предложения // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988.

Черемисина М. И. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука, 1980. С. 154–180.

Черемисина М. И. Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения) // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981а. С. 3–36.

Черемисина М. И. Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981б. С. 12–39.

Черемисина М. И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 3–20.

Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004. С. 326–344.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004. С. 598–613.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. М., 2006.

Черемисина М. И., Озонова А. А. Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Языки народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск, 2001.

Шмелёва Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: МГУ, 1988. С. 168–202.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Якобсон Р. Я. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Ariste P. A Grammar of the Votic Language. The Hague, 1968.

Ahlqvist A. Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. Hki, 1861. № VI. S. 7–78.

Basilier Hj. Vepsalaiset Isajevan voolestissa // SUSA. Hki, 1890. № VIII. S. 42–84.

Eesti-vene sõnaraamat. Tallinn, 1981.

Eesti-vene sõnaraamat. I. Tallinn, 1997.

- Eesti-vene sõnaraamat*. II. Tallinn, 2000.
- Erelt M., Kasik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S.* Eesti keele grammatika. Vol. I–II. Tallinn, 1993.
- Hakkinen K.* Suomen kielen aanne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku, 1985. (Fennistica, № 6).
- Hakulinen A., Karlsson F.* Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979.
- Hakulinen A., Vilkkumä M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R., Alho I.* Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2004.
- Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljas koijattu ja lisetty painos. Helsinki, 1979.
- Hunfalvi Ch. E.* Essai de Grammaire vepsé ou tchoude du nord. Paris, 1875.
- Itkonen E.* Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966.
- Kettunen L.* Näytteitä etelävepsästä. I Koonnut ja julkaissut. Helsinki, 1920.
- Kettunen L.* Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Hki, 1943.
- Klumpp G.* Konverbkonstruktionen im Kamassischen. Wiesbaden, 2002.
- Leino P.* Kun tarkoitus häviää – Finaalisesta infinitiivistä temporaaliseksi // Herlin I., Visapää L. (eds.). Elävä kielioppi. Suomen infiniittisten rakenteiden dynamiikkaa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1021. Helsinki, 2005. P. 194–230.
- Lönnrot E.* Om det Nord-tschudiska spraket. Hki, 1853.
- Savijärvi I.* Passiivin ja monikon 3. persoonan suhteesta vepsän kielessä // Laatokan piiri. Hki, 1990. S. 158 – 174.
- Siro P.* Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1964.
- Posti L.* Vepsän refleksiivinen taivutuspaate *-ste* // Virittäjä. Hki, 1948. № 1–2. S. 116–120.
- Szinnyei J.* A veps nyelvrol // Nyelvtudományi közlemények. Budapest, 1881. № XVI. S. 409–452.
- Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (SKST, № 228).
- Turunen A.* Vepsän ja lyydin veibinjohtimet *-ganden, -ganden ja -skanden, -skanden* // SUST. Hki, 1973. № 150. S. 433–452.
- Zaitseva M.* Vepsän kielen lauseoppia. Helsinki, 2001.
- Zaiceva N.* Vepsän kelen grammatik, I. Petroskoi, 1995.
- Zaiceva N.* Vepsän kelen grammatik, II. Petroskoi, 2000.
- Zaiceva N., Mullonen M.* Abekirj. Petroskoi. 1991.
- Zaiceva N., Mullonen M.* Lujem i pagizem vepsaks. Petroskoi, 1991.
- Zaiceva N., Mullonen M.* Iiemoi lugemist. Petroskoi, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ППК** – полипредикативная конструкция; **МСК** – моносубъектная конструкция; **РСК** – разносубъектная конструкция; **водск.** – водский язык; **войлахт.** – войлахотский говор средневепсского диалекта вепсского языка; **карел.** – карельский язык; **пондал.** – пондальский говор средневепсского диалекта вепсского языка; **сибирск.** – сибирский говор средневепсского диалекта вепсского языка; **север.-вепсск.** – северновепсский диалект; **ср.-вепсск.** – средневепсский диалект; **финск.** – финский язык; **эстонск.** – эстонский язык; **южн.-вепсск.** – южноновепсский диалект.

ABESS– абессив (лишительный падеж); **ABLAT** – внешне-местный отделительный падеж; **ACC** – винительный падеж; **ADESS** – внешне-местный падеж нахождения; **ADJ** – имя прилагательное; **ALLAT** – внешне-местный направительный падеж; **APPROK** – аппроксиматив; **КОМ** – комитатив; **COMP** – суффикс компаратива; **COND_{perf}** – кондиционал перфект; **COND_{pr}** – кондиционал презенс; **(cop)** – факультативная позиция вспомогательного связочного глагола; **GEN** – родительный падеж; **ELAT**– внутренне-местный отделительный (исходный) падеж; **ILLAT** – внутренне-местный направительный падеж; **IMPER** – суффикс императива; **IMPF** – имперфект; **INESS** – внутренне-местный падеж нахождения; **INF₂** – II-й инфинитив; **INF₃** – III-й инфинитив; **INCH** – суффикс начинательной формы; **INST** – инструктив; **МОМ** – суффикс со значением мгновенности; **NOM** – именительный падеж; **NEG** – отрицательный глагол; **N_{аст}**– суффикс отглагольного существительного; **PART** – партитив; **PI** – множественное число; **POSS**– притяжательный суффикс; **PP** – суффикс активного причастия прошедшего времени; **PP_{pass}** – суффикс пассивного причастия; **Pr** – настоящее время; **PRAGM** – прагматическая частица; **PrP**– причастие настоящего времени; **PRT**– претерит; **PRTCL** – частица; **REFL** – показатель возвратного спряжения; **Sg** – единственное число; **TERM I** – терминатив; **TRANSL** – превратительный падеж; **Tv** – основа глагола.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ (сибирский говор)

Приводимые ниже тексты записаны в июле 2006 г. в д. Мардай Аларского района Иркутской области.

Тексты 1–5 записаны от Александра Сергеевича Ульянова. Он родился в д. Мардай Аларского района Иркутской области в 1933 г., окончил Больше-Усовскую среднюю школу. Александр Сергеевич – самодеятельный талантливый художник. Его работы выставлялись на городских, областных, республиканских выставках. Много лет он сотрудничал с газетой «Восточно-Сибирская правда» как художник и как журналист, всегда интересовался историей вепсского народа, установил контакты с вепсами, проживающими на европейской территории. По-вепски говорит свободно.

Тексты 6–7 записаны от Марфы Сергеевны Ульяновой. Она родилась в 1928 г. в д. Никонова Гора Шольского района Ленинградской области. Малограмотная. Хорошо знает вепсский язык, но предпочитает говорить на русском.

ТЕКСТ 1

Александр Сергеевич Ульянов

(1) Minun Tatko Mamkume Sibi-
rihe ez'mäižen kerdan tuudihe 1910
vodou. (2) Oigetine hiid' deröunähä kus
ma oli gö anttut verhalo narodalo.
(3) Anttihe hiile pedai man kaks'
desätinad. (4) Kaiken tauhen he ratihe
nečüu siäu, a kevadou tehtihe pažagad i
puutihe oksad da kandod. (5) Kaks' vot
Mamko Tatcome mokičihesoi, a neco
mahut ii kazvatanu nimida.
(6) Kuumandou vodou taičtihe hö necon
sijän ka i pörttihesoi kodihe, Pondlalo.
(7) Toižen kerdan Mamko Tatcome tu-
udihe tänna päliiči kaks'küme vot.
(8) Mina rodimoï gö tågäü gäl'mäine
kanzas. (9) Kaikid' lapsid' miäu oli
kaks'toštküme.

(1) Мои отец и мать в Сибирь
первый раз приехали в 1910 году.
(2) Отправили их [из переселенческо-
го пункта в Усолье-Сибирском] в де-
ревню, где земля уже была распреде-
лена. (3) Выделили им две десятины в
сосновом бору. (4) Всю зиму пересе-
ленцы очищали землю, а весной по-
жогами сожгли то, что не шло в стро-
ительство. (5) Два года они промучи-
лись с этой землей, ничего не рож-
давшей. (6) Бросили они это место на
третий год и вернулись домой, на
Пондалу. (7) Другой раз мать с отцом
приехали сюда через двадцать лет.
(8) Я родился уже здесь, последним в
семье. (9) Всех детей у нас было две-
надцать.

Глоссирование текста 1

(1) *Minun Tatko Mamkume Sibirihe ez' mäizen kerdan tuudihe 1910 vodou.*

minun tatko=Ø mamku=me sibiri=he
 мои отец=NOM/Sg мать=POSS/Sg Сибирь=ILLAT
 ez'mä=ižen kerd=an tuu=dihe 1910 vodo=u
 первый=GEN/Sg раз=GEN/Sg приехать=IMPF/3Pl 1910 год=ADESS/Sg
 'Мои отец и мать в Сибирь первый раз приехали в 1910 году.'

(2) *Oigetine hiid' deröunähä kus ma oli gö anttut verhalo narodalo.*

oige=tine hiid' deröunä=hä kus ma=Ø
 отправлять=IMPF/3Pl их деревня=ILLAT/Sg где земля=NOM/Sg
 oli=Ø gö ant=tut verha=lo naroda=lo
 быть=IMPF/3Sg уже давать=PASS чужой=ALLAT/Pl люди=ALL/Pl
 'Отправили их в деревню, где земля уже была дана переселенцам.'

(3) *Anttihe hiile pedai man kaks' desätinad.*

ant=tihe hiile pedai=Ø ma=n
 давать=IMPF/3Pl им сосна=NOM/Sg земля=GEN/Sg
 kaks' desätina=d
 два десятина=PART
 'Дали им две десятины сосновой земли.'

(4) *Kaiken tauhen he ratihe nečüu siäu, a kevadou tehtihe pažagad i puutihe oksad da kandod.*

kaik=en tauh=en he ra=tihe nečü=u
 весь=GEN/Sg има=GEN/Sg они работать=IMPF/3Pl этот=ADESS/Sg
 siäu=u a kevadou teh=tihe pažaga=d
 место=ADESS/Sg а весной делать=IMPF/3Pl костер=ACC/Pl
 i puu=tihe oksa=d da kando=d
 и жечь=IMPF/3Pl ветка=ACC/Pl и пень=ACC/Pl
 'Всю зиму они (переселенцы) работали на этом месте, а весной сделали костры и сожгли ветки и пни.'

(5) *Kaks' vot Mamko Tatcome mokičihesoi, a neco mahut ii kazvatanu nimida.*

kaks' vo=t Mamko=Ø Tatko=me mokiči=hesoi
 два год=PART/Sg мать=NOM/Sg отец=POSS/Sg мучиться=REFL/IMPF/3Pl
 neco ma=hut=Ø ii kazvata=nu nimida
 этот земля=DEM=NOM/Sg не рождать=PP ничего
 'Два года они промучились, а эта земля ничего не рождала.'

(6) *Kuumandou vodou taičtihe hö necon sijän ka i pörttihesoi kodihe, Pondlalo.*

kuumando=u vodo=u taič=tihe hö
 третий=ADESS/Sg год=ADESS/Sg бросить=IMPF/3Pl они
 neco=n sijä=n ka i pörtti=hesoi
 этот=GEN/Sg место=GEN/Sg то и вернуться=REFL/IMPF/3Pl

kodi=he Pondla=lo
дом=ILLAT/Sg Пондала=ALLAT/Sg

‘На третий год бросили они это место и вернулись домой, на Пондалу.’

(7) *Toižen kerdan Mamko Tatcome tuudihe tänna päliiči kaks’küme vot.*

toi=žen kerda=n Mamko=Ø Tatko=me
другой=GEN/Sg раз=GEN/Sg мать=NOM отец=POSS/Sg
tuu=dihe tänna päliiči kaks’küme vo=t
приехать=IMPF/3Pl сюда через двадцать год=PART/Sg

‘Другой раз мать и отец приехали сюда через двадцать лет.’

(8) *Mina rodimoï gö tägäu gäl’mäine kanzas.*

mina rod=i=moi gö tägäu gäl’mäine kanza=s
я родиться=IMPF=REFL/1Sg уже здесь последний семья=INESS/Sg

‘Я родился уже здесь, последним в семье.’

(9) *Kaikid’ lapsid’ miäü oli kaks’tošt’küme.*

kaik=i=d’ laps=i=d’ miäü=u oli=Ø
весь=Pl=PART ребенок=Pl=PART мы=ADESS/Sg быть=IMPF/3Sg
kaks’tošt’küme
двенадцать

‘Всех детей у нас было двенадцать.’

ТЕКСТ 2

Александр Сергеевич Ульянов

(1) Sanun tiile «sarnaižen», kut mina openzimoi resuida.

(2) Oli voz’ 1958-oi. (3) Miiden lidnas (Irkutsk) kinoteatras «Gigantas» ozutanu kino «Taičitut koir» (Brodäga).

(4) Mö akadme mugažo mänim, a biletoid’ ii lenu i läksim mö kodihe.

(5) Kuspäi so tuli pil’mäine ka i vihmuškanz’. (6) Mö göksim irdame i putuim muzeähä. (7) Sigau mina nägištin’ kartinan I. E. Repin «pakiičii» döoičkäine (laps’). (8) Kut mina nägištin’ hänt ka mindai kurikou kuti ocame kensoišk! (9) Sanuin’ mina iičeloin: mina linnen hudožnikenon. (10) I tegimoi päliiči käiked!

(1) Расскажу Вам «сказочку», как я научился рисовать.

(2) Был 1958 год. (3) В нашем городе в кинотеатре «Гигант» показывали кино «Бродяга» (брошенная собака).

(4) Мы с женой тоже пошли, а билетов не достали и отправились домой.

(5) Откуда-то пришла тучка и начался дождь. (6) Мы бежали по улице и попали в музей. (7) Там я увидел картину И. Е. Репина «Нищая девочка» (ребенок). (8) Как я увидел ее, то меня колотушкой будто кто огрел по лбу. (9) Я сказал себе: буду художником. (10) И стал вопреки всему.

Глоссирование текста 2

(1) *Sanun tiile «sarnaižen», kut mina openzimoi resuida.*

sanu=n	tii=le	sarna=iže=n	kut
сказать=Pr/1Sg	вы=ALLAT/Pl	сказка=DEM=GEN/Sg	как
mina	openz=i=moi	resuida=Ø	
я	учиться=IMPF=REFL/1Sg	рисовать=INF	

‘Расскажу вам «сказочку», как я научился рисовать.’

(2) *Oli voz’ 1958-oi.*

oli=Ø	voz’=Ø	1958-oi
быть=IMPF/3Sg	год=NOM/Sg	1958-ой

‘Был 1958 год.’

(3) *Miiden lidnas¹³ kinoteatras «Gigantas» ozutanu kino «Taičitut koir» (Brodäga).*

miiden	lidna=s	kinoteatra=s	ozuta=nu
наш	город=INESS/Sg	кинотеатр=INESS/Sg	показывать=PP
kino	taiči=tut	koir=Ø	
фильм	бросать=PP _{pass}	собака=NOM/Sg	

‘В нашем городе в кинотеатре «Гигант» показывали (шел) фильм «Брошенная собака»¹⁴.

(4) *Mö akadme mugažo mänim, a biletoid’ ii lenu i läksim mö kodihe.*

mö	akad=me	mugažo	män=i=m	a	biletoid=d
мы	жена=COM	тоже	идти=IMPF=1Pl	a	билет=PART/Pl
ii=le=nu	i	läks=i=m	mö	kodi=he	
не=быть=PP	и	пойти=IMPF=1Pl	мы	дом=ILL/Sg	

‘Мы с женой тоже пошли, а билетов не было, и мы отправились домой.’

(5) *Kuspäi so tuli pil’mäine ka i vihmuškanz’.*

kuspäi so	tuli=Ø	pil’m=äine=Ø	ka
откуда	прийти=IMPF/3Sg	туча=DEM=NOM/Sg	да
i	vihmu=škanz’=Ø		
и	дождить=INCH=3/Sg		

‘Откуда-то пришла тучка и начался дождь.’

(6) *Mö göksim irdame i putuim muzeähä.*

mö	göks=i=m	irda=me	i	putu=i=m
мы	бежать=IMPF=1Pl	улица=PROLAT/Sg	и	показать=IMPF=1Pl

¹³ В это время А. С. Ульянов жил в Иркутске.

¹⁴ Имеется в виду фильм «Бродяга».

muzeä=hä

музей=ILLAT/Sg

‘Мы бежали по улице и попали в музей.’

(7) *Sigau mina nägištīn’ kartinan I. E. Repin «pakiičii» döoičkäine (laps’).*

sigau mina nägišt=i=n’ kartina=n pakiičii=Ø
там я увидеть=IMPF=1Sg картина=GEN/Sg нищий=NOM/Sg
döoičkäine=Ø laps’=Ø
девочка=NOM/Sg ребенок=NOM/Sg

‘Там я увидел картину И. Е. Репина «Нищая».’

(8) *Kut mina nägištīn’ hänt ka mindai kurikou kuti ocame kensō išk!*

kut mina nägišt=i=n’ hān=t ka min=dai
как я увидеть=IMPF=1Sg он=PART то я=PART
kuriko=u kuti oca=me ken-so
колотушка=ADESS/Sg как будто лоб=PROLAT/Sg кто-то
išk=Ø

ударить=IMPF/3Sg

‘Как я увидел ее, то меня будто кто колотушкой огрел по лбу.’

(9) *Sanuin’ mina iičeloine: mina linnen hudožnikenon.*

sanu=i=n’ mina iiče=lo=ine linne=n
сказать=IMPF=1Sg я сам=ALLAT=1Sg быть=Pr/1Sg
hudožnikeno=n
художник=ESSIV/Sg

‘Я сказал себе: буду художником.’

(10) *I tegimoi päliiči käiked!*

i teg=i=moi päliiči käike=d
и становиться=IMPF=REFL/1Sg вопреки весь=PART/Sg

‘И стал вопреки всему.’

ТЕКСТ 3

Александр Сергеевич Ульянов

(1) Irdau keza. (2) Päiv vihmata
lām’. (3) Mö vāndam normudou.
(4) Konz tuli aig longitada, kacum as-
tub tedme sur’ ak, pahoin’ sur’.
(5) Eželi minun mamkod pidada meles,
ka hān linneb kaks’ da vüukipol’ (4-4,2
m). (6) Ken oli irdau akoišpai, hä ran-
dihe ristan ocalo i uitihe kodihe. (7) Mö
pravadin necon akan deröunan taga i

(1) На улице лето. (2) Теплый
ясный день. (3) Мы играем на лу-
жайке. (4) Когда время подошло к
обеду, смотрим: идет по дороге
женщина огромного роста. (5) Если
сравнивать с моей матерью, то эта
(высокая женщина) в два с полови-
ной раза выше нее (4-4,2 м). (6) Кто
из женщин был на улице, торопливо

pördimoiš iičemoi sijalo. (8) Konz gö mö kazvoim ka küzuim opendail' mi neco miile ozutihe. (9) Hö sanutihe: «Neco oli anomaliä».

крестились и убегали домой. (7) Мы проводили эту женщину за деревню и вернулись на свое место. (8) Когда мы уже выросли, то спросили у учителей, что это показывало? (9) Они сказали: «Аномалия».

Глоссирование текста 3

(1) *Irdau keza.*

irda=u keza=Ø
улица=ADESS лето=NOM/Sg
'На улице лето.'

(2) *Päiv vihmata läm'.*

päiv=Ø vihma=ta läm'
день=NOM/Sg дождь=ABESS/Sg теплый
'Теплый ясный день.'

(3) *Mö vändam normudou.*

mö vanda=m norm=udo=u
мы играть=Pr/1Plл ужайка=DEM=ADESS/Sg
'Мы (с соседскими ребятами) играем на лужайке.'

(4) *Konz tuli aig longitada, kacum astub tedme sur' ak, pahoin' sur'.*

konz tul=i aig=Ø longita=da kacu=m
когда прийти=IMPF/3Sg время=NOM/Sg обедать=INF смотреть=Pr/1Pl
astu=b te=dme sur' ak=Ø pahoin'
идти=Pr/3Sg дорога=PROLAT/Sg большой женщина=NOM/Sg очень
'Когда время подошло к обеду, смотрим: идет по дороге женщина огромного роста.'

(5) *Eželi minun mamkod pidada meles, ka hän linneb kaks' da vüuki pol' (4-4,2 m).*

eželi minun mamko=d pida=da mele=s
если мой мать=PART/Sg держать=INF ум=INESS/Sg
ka hän linne=b kaks' da vüuki pol'=Ø
то он быть=Pr/3Sg два да ещё половина=NOM/Sg
Букв: Если держать в уме мою мать, то она в два и еще с половиной раза выше.

'Если сравнивать с моей матерью, то эта (женщина) в два с половиной раза выше (нее).'

(6) *Ken oli irdau akoišpai, hä pandihe ristan ocalo i uitihe kodihe.*

ken	oli=∅	irda=u	akoi=špai
кто	быть=IMPF/1Sg	улица=ADESS	женщины=ELAT/Pl
hä	pan=dihe	rista=n	oca=lo i
они	класть=IMPF/3Pl	крест=GEN/Sg	лоб=ALLAT/Sg и
ui=tihe	kodi=he		
убегать=IMPF/3Pl	дом=ILLAT/Sg		

‘Кто из женщин был на улице, торопливо крестились и убегали в дом.’

(7) *Mö pravadim necon akan deröunan taga i pördimoiš iičemoi sijalo.*

mö	pravad=i=m	neco=n	aka=n
мы	проводить=IMPF=1Pl	этот=ACC/Sg	женщина=ACC/Sg
deröuna=n	taga i	pörd=i=moiš	
деревня=GEN/Sg	за и	вернуться=IMPF=REFL/1Pl	
iičemoi	sija=lo		
свой	место=ALLAT/Sg		

‘Мы проводили эту женщину за деревню и вернулись на свое место.’

(8) *Konz gö mö kazvoim ka küzuim opendail’ mi neco miile ozutihe.*

konz	gö	mö	kazvo=i=m	ka			
когда	уже	мы	вырастать=IMPF=1Pl	то			
küzu=i=m			openda=i=l’	mi	neco	mii=le	
спрашивать=IMPF=1Pl			учитель=Pl=ADESS	что	это	мы=ALLAT	
ozu=tihe							
показывать=IMPF/3Pl							

Букв: Когда мы уже выросли, то спрашивали у учителей, что это нам показывало?

‘Когда мы выросли, то спрашивали у учителей, что это бы это значило?’

(9) *Hö sanutihe: «Neco oli anomaliiä».*

hö	sanu=tihe	neco	oli=∅	anomaliiä=∅
они	сказать=IMPF/3Pl	это	быть=IMPF/3Sg	аномалия=NOM/Sg

‘Они сказали: «Аномалия».’

ТЕКСТ 4

Александр Сергеевич Ульянов

(1) Neičüu žö vodou kevadou,	(1) В этом же году (1940-м)
konz gö mö varastim vedonpadiž, tuli	весной, когда мы уже ждали полово-
mugoine padör, mitte saubaz’ päiväizen	дья (20 апреля), началась такая буря,
i taifan. (2) Ningitte sä bušui kuume	какая закрывает солнце и небо.
päivad. (3) Nel’l’andou päivau kojo-kut	(2) Такая погода бушевала три дня.
ki laksim pertišpai. (4) Lumi trubaha sai	(3) На четвертый день кое-как вышли
läžui. (5) Konz lumi sulaškanz’, mö	из дома. (4) Снег лежал до трубы.
nägistim kaks’ akad, miičed kül’mdihe	(5) Когда снег начал таять, мы уви-

nezos säs. (6) Edou pädörad hö oliba
deröunäs miše vajehtada pužud
kartoškalo i liibalo.

дали двух женщин, которые замерзли
в эту непогоду. (6) До бури они были
в деревне, чтобы поменять корзины
на картошку и муку.

Глоссирование текста 4

(1) *Neičüu žö vodou kevadou, konz gö mö varastim vedonpadiš, tuli mugoine padör, mitte saubaz' päiväižen i taifan.*

neičü=u	žö	vodo=u	kevadou	konz	gö	mö
этот=ADESS/Sg	же	год=ADESS/Sg	весной	когда	уже	мы
varast=i=m	vedo=n=padi=š		tuli=Ø			mugoine
ждать=IMPF=1Pl	вода=GEN=падь=INESS		начинаться=IMPF/3Sg			такой
padör=Ø ¹⁵	mitte saubaz'		päiväi=žen	i	taifa=n	
буря=NOM/Sg	какой сделать закрытым		солнце=GEN/Sg	и	небо=GEN/Sg	

‘В этом же году весной, когда мы уже ждали половодья (20 апреля), началась такая буря, какая закрыла солнце и небо.’

(2) *Ningitte sä bušui kuume päivad.*

ningitte	sä=Ø	bušui=Ø	kuume päiva=d
такой	погода=NOM/Sg	бушевать=IMPF/3Sg	три день=PART/Sg

‘Такое ненастье бушевало три дня.’

(3) *Nel'l'andou päivau koje-kut ki laksim pertišpai.*

nellando=u	päiva=u	koje-kut	laks=i=m
четвертый=ADESS/Sg	день=ADESS/Sg	кое-как	выходить=IMPF=1Pl
perti=špai			
дом=ELAT			

‘На четвертый день кое-как вышли из дома.’

(4) *Lumi trubahasai läžui.*

lumi=Ø	truba=hasai	läžui=Ø
снег=NOM/Sg	труба=TERM I /Sg	лежать=IMPF/3Sg

‘Снег лежал до трубы.’

(5) *Konz lumi sulaškanz', mö nägistim kaks' akad, miičed kül'mdihe nezos säs.*

konz	lumi=Ø	sula=škanz'=Ø	mö	nägist=i=m	kaks'
когда	снег=NOM/Sg	таять=INCH=3Sg	мы	увидеть=IMPF=1Pl	два
aka=d	miiče=d	kül'm=dihe		nezo=s	
женщина=ACC/Pl	который=NOM/Pl	замерзнуть=IMPF/3Pl		этот=INESS/Sg	
sä=s					
непогода=INESS/Sg					

‘Когда снег начал таять, мы увидели двух женщин, которые замерзли в эту непогоду.’

¹⁵ Ср. *piring* ‘буря’ [Зайцева, Муллонен 1972].

(6) *Edou pädörad hö oliba deröunäs miše vajehtada pužud kartoškalo i liibalo.*
 edou pädöra=d hö ol=i=ba deröunä=s miše
 прежде буря=PART/Sg они быть=IMPF=3Pl деревня=INESS/Sg чтобы
 vajehta=da pužu=d kartoška=lo i
 поменять=INF корзина=NOM/Pl картошка=ALLAT/Sg и
 liiba=lo
 хлеб=ALLAT/Sg
 ‘До бури они были в деревне, чтобы поменять корзины на картошку и муку.’

ТЕКСТ 5

Александр Сергеевич Ульянов

(1) <i>Mina ehtkoizüu tatkodme olin' sigau, kus hebod siištas.</i>	(1) Я вечером был с отцом на конном дворе.
(2) <i>Möhä gö tegihe, konz taif palaškanž'.</i>	(2) Было уже поздно, когда загорелось небо.
(3) <i>Zaodihe sigau, kuspäi vilu tullii puhub i kaiken ön paloi taif russtau lamoil', a sambui homesou ses sijäs, kuspäi päiväine nuuzob.</i>	(3) Началось там, откуда дует холодный ветер, и всю ночь горело небо красными огнями, а утром погасло в том месте, откуда солнце встает.

Глоссирование текста 5

(1) *Mina ehtkoizüu tatkodme olin' sigau, kus hebod siištas.*
 mina ehtkoizüu tatkod=me ol=i=n' sigau
 я вечером отец=COM быть=IMPF=1Sg там
 kus hebo=d siiš=tas
 где лошадь=NOM/Pl стоять=Pr/3Pl
 ‘Я вечером был с отцом на конном дворе.’

(2) *Möhä gö tegihe, konz taif palaškanž'.*
 möhä gö teg=i=he konz taif=Ø
 поздно уже становиться=IMPF=REFL/3Sg когда небо=NOM/Sg
 pala=škanž'=Ø
 гореть=INCH=3Sg
 ‘Было уже поздно, когда загорелось небо.’

(3) *Zaodihe sigau, kuspäi vilu tullii puhub i kaiken ön paloi taif russtau lamoil', a sambui homesou ses sijäs, kuspäi päiväine nuuzob.*
 za=dihe sigau kuspäi vilu=Ø tullii=Ø
 начинать=IMPF/3Pl там откуда холодный=NOM/Sg ветер=NOM/Sg
 puhu=b i kaik=en ö=n paloi=Ø
 дуть=Pr/3Sg и весь=GEN/Sg ночь=GEN/Sg гореть=IMPF/3Sg
 taif=Ø russta=u lamoil'=l' a sambui=Ø
 небо=NOM/Sg красный=ADESS/Sg огонь=ADESS/Pl a гасить=IMPF/3Sg

homesou	se=s	sijä=s	kuspäi	päiväine=Ø
утром	тот=INESS/Sg	место=INESS/Sg	откуда	солнце=NOM/Sg
nuuzo=b				
вставить=Pr/3Sg				

Букв: Началось там, откуда дует холодный ветер, и всю ночь горело небо красными огнями, а утром погасло в том месте, откуда солнце встает.

‘Полыхало оно разными цветами с той стороны, где север, и закончилось, потухло на востоке.’

ТЕКСТ 6

Марфа Сергеевна Ульянова

Kut mina paštan robel’kad

(1) Otam gäuhod, peksam tahthan: muna, maid ili hapan’maid, vähaine solad. (2) Peksan tahthan kuti pelemenikš voib vähäižu nozolomba. (3) Tegem valuškan, čapam em surele supalaižile. (4) Supalaižilo tegem kruglojan forman, potom ajām kume millimetrad. (5) Tegem načinkan. (6) Kiitud šon (pahom saget kaš). (7) Razvodim maidou, em pahoin nozolaks. (8) Pahom kašham munan, lusikan void’. (9) Otam necon corudon, panom lusikad kašad keskelo em ani rünhasai (rünad) gätam miše hiil zavoračivaido kašam pälo. (10) Rünad kašan pälo kändam i panom protivnälo. (11) Stol dolžen ouda gäuhokaz, ika robel’kad puttas. (12) Kut päčhe ištutada robel’kad, päupäi voidam kandosou. (13) Paštta minut 30-40, kuni ii ruskotaškakoi. (14) Konz päčispäi hiitam voidam hiid’ ar’g’voil’, vähäižu vilugoitas i södas.

Как я пеку рогульки

(1) Берем муку, заводим тесто: яйцо, молоко или простокваша, немножко соли. (2) Замесим тесто как на пельмени, можно пожиже. (3) Раскатаем жгут, режем на небольшие кусочки. (4) Кусочку придадим круглую форму, раскатаем толщиной три миллиметра. (5) Готовим начинку. (6) Сваренное пшено (очень крутая каша). (7) Разведем ее молоком не очень жидко. (8) Положим в кашу яйцо, ложку масла. (9) Возьмем раскатанный кружочек и кладем ложку каши посередке, оставляя края для загиба. (10) Края над кашей загибаем и выкладываем на противень. (11) Стол должен быть немножко в муке, а то рогульки прилипнут. (12) Перед тем как садить рогульки в печь, намазываем их сметаной. (13) Печь 30-40 минут, пока не зарумянятся. (14) Когда из печи рогульки вынимаем, мажем их сливочным маслом, студим и едим.

ТЕКСТ 7

Марфа Сергеевна Ульянова

Kut mö radoim derövnäs voinan aigan

(1) Konz minin' oli kahkan-toštküme vot zavodihe voim. (2) Mö, podrostkad, tačim školan, tariž oli rata kolhozas. (3) Mina olin' kazvou sur mindain' lugitihe sureks ristituks. (4) Sirpiu rahnoim rugihen, nižun, kagran, prosan; nitim litoukoil. (5) Päivau nitan, a öu haravoičem. (6) Gesli päivau haravoita güvad langitos maha, a öu tegesoi toreh, ii s[ы]pte. (7) Vedim gomnelo i sigau tapoim molotilkau. (8) Vanhamb sisar' radoi kombainan. (9) Kombain oli üks' kolhozas (a kolhozas oli nell' derovnäd). (10) Liibam tapoim häť ken kevadohosai. (11) Miiden derovnähä molotilka tulos kez' kevadou. (12) Konz liib gö otaso gän. (13) Konz tapta vaumičem guläim obmolotkad. (14) Neco oli prazdnik.

Как мы работали в колхозе во время войны

(1) Когда мне было двенадцать лет, началась война. (2) Мы, подростки, бросили школу, так как надо было работать в колхозе. (3) Я была ростом высокая, меня считали взрослой. (4) Вручную жали рожь, пшеницу, овес, просо, косили литовками. (5) Днем скосим, ночью гребем. (6) Если днем сгребать, зерно будет сыпаться, а за ночь оно увлажнится и не сыпется. (7) Вывозили на ток и там молотили. (8) Сестра работала на комбайне. (9) Комбайн был один на весь колхоз (а колхоз – это 4 деревни). (10) Молотили до весны. (11) В нашу деревню очередь приходила весной. (12) Когда хлеб уже обносился льдом. (13) Когда заканчивали молотьбу, «гуляли» обмолотки. (14) Это был праздник.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГРАММАТИКЕ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА¹⁶

Именное склонение в вепсском языке. В вепсском языке 22 падежа. Номинатив, генитив, партитив, аккузатив выполняют грамматические функции, служат для выражения субъектов, объектов действия. Номинатив обозначает субъект, предикатив (именную часть составного сказуемого). Генитив и аккузатив являются падежами тотального объекта. Партитив употребляется в функции «частичного» объекта / субъекта действия. Семантическим содержанием обладают местные падежи: «внутренние» (элатив ‘из чего’, инессив ‘в чём’, иллатив ‘во что’) и «внешние» (аблатив ‘откуда, с чего’, адессив ‘где, на чём’, аллатив ‘куда, на что’) – а также комитатив ‘с чем’, абессив ‘без чего’, инструктив ‘чем’, пролатив ‘через что’ и некоторые другие. Полная падежная парадигма представлена в таблице 1. Все имена (существительные, прилагательные, местоимения, числительные) включаются в одни и те же классы склонения. Показателями множественного числа являются *-d*, *-i*. Номинатив не имеет падежного показателя в ед.ч. Во мн.ч. показатель *-d* является одновременно показателем числа – падежа. Категория рода в вепсском языке отсутствует.

Таблица 1

Склонение существительного *kala* ‘рыба’

Падеж	Показатель ед.ч.	<i>kala</i> ‘рыба’	Показатель мн.ч.	<i>kala</i> ‘рыба’
Номинатив	-	<i>kala</i> =∅	-d	<i>kala</i> =d
Генитив	-n	<i>kala</i> =n	-(i)den	<i>kalo</i> ¹⁷ =iden
Аккузатив ¹⁸	-n	<i>kala</i> =n	-d	<i>kala</i> =d
Партитив	-d, -t	<i>kala</i> =d	-(i)d	<i>kalo</i> =id
Эссив-инструктив	-n	<i>kala</i> =n	-(i)n	<i>kalo</i> =in
Инессив	-s, -š	<i>kala</i> =s	-(i)š	<i>kalo</i> =iš
Элатив	-späi, -špäi	<i>kala</i> =späi	-(i)špäi	<i>kalo</i> =išpäi
Иллатив	-hV ¹⁹ , -ze	<i>kal</i> =ha	-(i)he, -(i)že	<i>kalo</i> =ihe

¹⁶ Обзор составлен по [Бродский 2008].

¹⁷ Показатель множественности *-i* воздействует на последний гласный основы, стоящий перед ним: *a + i* даёт *oi*.

¹⁸ Аккузатив в вепсском языке не обладает собственной формой. Показатель аккузатива ед. ч. совпадает с показателем генитива (в ряде случаев – номинатива), мн. ч. – с показателем номинатива.

¹⁹ Буквой *V* в показателях некоторых падежей обозначен гласный, идентичный последнему гласному основы; если последний гласный основы – *i*, то буквой *V* обозначен гласный *e*.

Адессив	-l	<i>kala=l</i>	-(i)l	<i>kalo=il</i>
Аблатив	-lpäi	<i>kala=lpäi</i>	-(i)lpäi	<i>kalo=ilpäi</i>
Аллатив	-le ²⁰	<i>kala=le</i>	-(i)le	<i>kalo=ile</i>
Аппроксиматив I	-nno	<i>kala=nno</i>	-(i)denno	<i>kalo=idenno</i>
Аппроксиматив II	-nnoks	<i>kala=nnoks</i>	-(i)dennoks	<i>kalo=idennoks</i>
Эгрессив	-nnopäi	<i>kala=nnopäi</i>	-(i)dennopäi	<i>kalo=idennopäi</i>
Абессив	-ta	<i>kala=ta</i>	-(i)ta	<i>kalo=ita</i>
Комитатив	-nke	<i>kala=nke</i>	-(i)denke	<i>kalo=idenke</i>
Пролатив	-dme, -tme	<i>kala=dme</i>	-(i)dme	<i>kalo=idme</i>
Транслатив	-ks, -kš	<i>kala=ks</i>	-(i)kš	<i>kalo=ikš</i>
Терминатив I	-hVsai, -zesai	<i>kal=hasai</i>	-(i)hesai -(i)žesai	<i>kalo=ihesai</i>
Терминатив II	-lesai	—	-(i)lesai	—
Адитив I	-hVpäi, -zepäi	<i>kal=hapäi</i>	-(i)hepäi -(i)žepäi	<i>kalo=ihepäi</i>
Адитив II	-lepäi	—	-(i)lepäi	—

Вепсский глагол. Грамматические категории вепсского глагола отражены в таблицах 2–9.

Таблица 2

**Спряжение вспомогательного глагола *olda* ‘быть’
в изъявительном наклонении²¹**

Время	Лицо	Положительные формы		Отрицательные формы	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	olen	olem	en ole	em olgoi
	2	oled	olet	ed ole	et olgoi
	3	om	oma	ei ole	ei olgoi
Имперфект	1	olin	olim	en olend	em olnugoi
	2	olid	olit	ed olend	et olnugoi
	3	oli	oliba	ei olend	ei olnugoi
Перфект	1	olen olnu	olem olnuded	en ole olnu	em olgoi olnuded
	2	oled olnu	olet olnuded	ed ole olnu	et olgoi olnuded
	3	om olnu	oma olnuded	ei ole olnu	ei olgoi olnuded
Плюсквам–перфект	1	olin olnu	olim olnuded	en olend olnu	em olnugoi olnuded
	2	olid olnu	olit olnuded	en olend olnu	em olnugoi olnuded
	3	oli olnu	oliba olnuded	en olend olnu	em olnugoi olnuded

²⁰ В сибирском говоре *-lo*.

²¹ Глагол *olda* является единственным неправильным глаголом в вепсском языке.

Таблица 3

**Спряжение глаголов *sada* 'получать' и *mānda* 'идти'
в изъявительном наклонении (положительные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	san, mānen	sam, mānem
	2	sad, māned	sat, mānet
	3	sab, māneb	sadas, māndas saba, māneba
Имперфект	1	sain, mānin	saim, mānim
	2	said, mānid	sait, mānit
	3	saī, māni	saiba, māniba
Перфект	1	olen sanu, olen mānnu	olem sanuded, olem männuded
	2	oled sanu, oled mānnu	olet sanuded, olet männuded
	3	om sanu, om mānnu	oma sanuded, oma männuded
Плюсквамперфект	1	olin sanu, olin mānnu	olim sanuded, olim männuded
	2	olid sanu, olid mānnu	olit sanuded, olit männuded
	3	oli sanu, oli mānnu	oliba sanuded, oliba männuded

Таблица 5

**Спряжение глаголов *sada* 'получать' и *mānda* 'идти'
в изъявительном наклонении (отрицательные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	en sa en māne	em sagoi em māngoi
	2	ed sa ed māne	et sagoi et māngoi
	3	ei sa ei māne	ei sagoi ei māngoi
Имперфект	1	en sand en mänend	em sanugoi em männugoi
	2	ed sand ed mänend	et sanugoi et männugoi
	3	ei sand ei mänend	ei sanugoi ei männugoi
Перфект	1	en ole sanu en ole mānnu	em olgoi sanuded em olgoi männuded
	2	ed ole sanu ed ole mānnu	et olgoi sanuded et olgoi männuded
	3	ei ole sanu ei ole mānnu	ei olgoi sanuded ei olgoi männuded
Плюсквамперфект	1	en olend sanu en olend mānnu	em olnugoi sanuded em olnugoi männuded
	2	ed olend sanu ed olend mānnu	et olnugoi sanuded et olnugoi männuded
	3	ei olend sanu ei olend mānnu	ei olnugoi sanuded ei olnugoi männuded

Таблица 6

**Спряжение вспомогательного глагола *olda* 'быть'
в сослагательном наклонении (положительные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	oližin	oližim
	2	oližid	oližit
	3	oliži	oližiba
Имперфект	1	olnuižin	olnuižim
	2	olnuižid	olnuižit
	3	olnuiži	olnuižiba
Перфект	1	oližin olnu	oližim olnuded
	2	oližid olnu	oližit olnuded
	3	oliži olnu	oližiba olnuded
Плюсквамперфект	1	olnuižin olnu	olnuižim olnuded
	2	olnuižid olnu	olnuižit olnuded
	3	olnuiži olnu	olnuižiba olnuded

Таблица 7

**Спряжение вспомогательного глагола *olda* 'быть'
в сослагательном наклонении (отрицательные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	en oliži	em oliži
	2	ed oliži	et oliži
	3	ei oliži	ei oliži
Имперфект	1	en olnuiži	em olnuiži
	2	ed olnuiži	et olnuiži
	3	ei olnuiži	ei olnuiži
Перфект	1	en oliži olnu	em oliži olnuded
	2	ed oliži olnu	et oliži olnuded
	3	ei oliži olnu	ei oliži olnuded
Плюсквамперфект	1	en olnuiži olnu	em olnuiži olnuded
	2	ed olnuiži olnu	et olnuiži olnuded
	3	ei olnuiži olnu	ei olnuiži olnuded

Таблица 8

**Спряжение глаголов *sada* 'получать' и *mānda* 'идти'
в сослагательном наклонении (положительные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	saižin, mānižin	saižim, mānižim
	2	saižid, mānižid	saižit, mānižit
	3	saiži, māniži	saižiba, mānižiba
Имперфект	1	sanuižin, mǎnnuižin	sanuižim, mǎnnuižim
	2	sanuižid, mǎnnuižid	sanuižit, mǎnnuižit
	3	sanuiži, mǎnnuiži	sanuižiba, mǎnnuižiba
Перфект	1	oližin sanu, oližin mǎnnu	oližim sanuded, olem mǎnnuded
	2	oližid sanu, oližid mǎnnu	oližit sanuded, olet mǎnnuded
	3	oiži sanu, oliži mǎnnu	oližiba sanuded, oma mǎnnuded
Плюсквамперфект	1	olnuižin sanu, olnuižin mǎnnu	olnuižim sanuded, olnuižim mǎnnuded
	2	olnuižid sanu, olnuižid mǎnnu	olnuižit sanuded, olnuižit mǎnnuded
	3	olnuiži sanu, olnuiži mǎnnu	olnuižiba sanuded, olnuižiba mǎnnuded

Таблица 9

**Спряжение глаголов *sada* 'получать' и *mānda* 'идти'
в сослагательном наклонении (отрицательные формы)**

Время	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Презенс	1	en saiži, en māniži	em saiži, em māniži
	2	ed saiži, ed māniži	et saiži, et māniži
	3	ei saiži, ei māniži	ei saiži, ei māniži
Имперфект	1	en sanuiži, en mǎnnuiži	em sanuiži, em mǎnnuiži
	2	ed sanuiži, ed mǎnnuiži	et sanuiži, et mǎnnuiži
	3	ei sanuiži, ei mǎnnuiži	ei sanuiži, ei mǎnnuiži
Перфект	1	en oliži sanu, en oliži mǎnnu	em oliži sanuded, em oliži mǎnnuded
	2	ed oliži sanu, ed oliži mǎnnu	et oliži sanuded, et oliži mǎnnuded
	3	ei oliži sanu, ei oliži mǎnnu	ei oliži sanuded, ei oliži mǎnnuded
Плюсквамперфект	1	en olnuiži sanu, en olnuiži mǎnnu	em olnuiži sanuded, em olnuiži mǎnnuded
	2	ed olnuiži sanu, ed olnuiži mǎnnu	et olnuiži sanuded, et olnuiži mǎnnuded
	3	ei olnuiži sanu, ei olnuiži mǎnnu	ei olnuiži sanuded, ei olnuiži mǎnnuded

Таблица 10

Лично-числовые показатели времён в повелительном наклонении

лицо	единственное число	множественное число
1	–	-gam, -kam
2	гласная основа без показателя	-gat, -kat
3	-gaha, -kaha	-gaha, -kaha

Таблица 11

Спряжение глаголов sanuda 'сказать' и tehta 'делать' в повелительном наклонении (положительные формы)

лицо	единственное число	множественное число
1	–	sanugam, tehkam
2	sanu, tege	sanugat, tehkat
3	sanugaha, tehkaha	sanugaha, tehkaha

Таблица 12

Спряжение глаголов sanuda 'сказать' и tehta 'делать' в повелительном наклонении (отрицательные формы)

лицо	единственное число	множественное число
1	–	algam sanugoi, algam tehkoi
2	ala sanu, ala tege	algat sanugoi, algat tehkoi
3	sanugaha, tehkaha	algha sanugoi, algha tehkoi

Список источников примеров

- Andrejeva Alevtina.* Koivuine. Juminkeko Periodika. Petroskoi, Karjala, 2003.
- Abramov Nikolai.* Koume – kümne koume. Petroskoi, Karjala, 1994.
- Abramov Nikolai.* Kurgiden aig. Periodika - paindišt. Petroskoi, Karjala, 1999.
- Kettunen L.* Näjtteitä etelävepsästä. I Koonnut ja julkaissut. Helsinki, 1920.
- Kodirandaine.* Runod i sanutesed vepsän kelel /Сост.-ред. Н.Г.Зайцева. Petroskoi, Karjala, 1996.
- Lonin R.* Ltihiidad pajoiZed. Petroskoi, 2000.
- Zaitseva M.* Vepsän kielen lauseoppia. Helsinki, 2001.
- Бродский И. В.* Самоучитель вепсского языка. СПб, 2008.
- Газета «Kodima»* («Родная земля»). Петрозаводск, 2004, № 3–5; 2006, № 4–9; 2012 № 5–7.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы вепсской речи. Л., 1969.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка. Фонетика и морфология. Л., 1981.
- Корпус вепсского языка* (<http://vepsian.krc.karelia.ru/about/>)
- Ульянов А. С.* Mardai («Мардай»). Рукопись. 2010.

**Список информантов сибирского говора
средневепсского диалекта вепсского языка**

Аншукова Мария Ивановна (д. Мардай Аларский район Иркутская область);

Коконова Нина Андреевна (д. Высотский Аларский район Иркутская область, 1942);

Крылова Александра Владимировна (д. Мардай Аларский район Иркутская область);

Медникова Евдокия (г. Ангарск Иркутская область, 1924- 2013);

Новосельченко Клавдия Владимировна (с. Иваничск Аларский район Иркутская область);

Сердцова Анна Сергеевна (с. Иваничск Аларский район Иркутская область, 1922-2012);

Ульянов Александр Сергеевич (д. Мардай Аларский район Иркутская область, г. р. 1933);

Ульянова Марфа Сергеевна (г. Ангарск Иркутская область, г. р. 1928).

**Список информантов пондальского говора
средневепсского диалекта вепсского языка**

Быстрова Нина Павловна (д. Аксёново, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область);

Быстрова Алла Николаевна (д. Киндаево, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область; 1937 г. р.; средне-специальное образование, фельдшер-ветеринар);

Грекова Людмила Алексеевна (д. Киндаево, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область);

Медникова Вера Михайловна (д. Киндаево, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область; 1957 г. р.; средне-специальное образование, директор Музея вепсской культуры);

Медникова Надежда Павловна (д. Киндаево, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область; заведующая сельским клубом);

Морозова Мария Петровна (д. Киндаево, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область; 1933-2012);

Прохорова Галина Павловна (д. Никонова Гора, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область);

Смирнова Анфиса Васильевна (д. Слобода, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область);

Смирнова Таисия Ильинична (д. Аксёново, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область, 1930 г. р.);

Туржин Григорий Алексеевич (д. Берег, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область);

Феклина Вера Николаевна (г. Череповецк, Вологодская область; 1946 г. р.; средне-специальное образование, медсестра);

Яшев Виктор Константинович (д. Никонова Гора, Сельское поселение Вепское национальное, Бабаевский район, Вологодская область).